ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ЧАСТЬ I.

Редакторъ *Ѳ. А. Кони.*

Изданіе книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 26 дня 1841 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.

ОП

№ 1841 1.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Часть первая.

Издатель В. Поляковъ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Редакторъ Ѳ. Кони.

Ленинград... ...ограмма
БИБЛИОТЕКА
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринятъ съ тою цѣлію, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себѣ слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльныя піесы въ стихахъ и прозѣ*, извѣстныхъ *русскихъ* и *иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевили. Въ составъ этаго отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ* и *неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иноземныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльныя сцены*—историческія и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и разсказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавные куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библіографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декораціи, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острыя слова; каламбуры и театральные слухи.

X. Кромѣ того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ Текущаго *Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переводныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя безпрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ вдругъ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: *изъ портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскерадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декорацій*, гравированныхъ на сталѣ, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ, за границею или въ Россіи, и изъ *музыки*, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для *форте-піано*.

Редакцію *Пантеона* завѣдуетъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, *съ пересылкою* во всѣ города Россійской Имперіи и *съ доставленіемъ* на домъ въ С. Петербургѣ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, *книгопродавца Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, возлѣ Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой; въ его же книжной лавкѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ *№* 17. Иногородные особы благоволятъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель, С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

Печатать позволяется. Февраля 26 дня, 1841 года. Цензоръ *П. Корсаковъ*.

РОМЕО И ЮЛІЯ,

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧ. ВИЛЛІАМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. Каткова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эскалъ, герцогъ Веронскій.

Графъ Парисъ, родственникъ герцога.

Монтэгю, Капулетъ } главы двухъ враждебныхъ домовъ.

Капулетъ 2-й, его родственникъ.

Ромео, сынъ Монтэгю.

Меркуціо, родственникъ герцога и другъ Ромео.

Бенволіо, племянникъ Монтэгю и другъ Ромео.

Тибальтъ, племянникъ синьоры Капулетъ.

Лоренцо.

Іоаннъ.

Бальтазаръ, служитель Ромео.

Самсонъ, Грегоріо, Піетро } слуги изъ дома Капулета.

Абрамъ, служитель изъ дома Монтэгю.

Аптекарь.

Музыканты.

Пажъ Париса.

Синьора Монтэгю.

Синьора Капулетъ.

Юлія, дочь Капулета.

Нянька Юліи.

Граждане Веронскіе, партизаны мужскаго и женскаго пола обоихъ враждебныхъ домовъ; маски, стражи и проч.

(Дѣйствіе происходитъ въ Вероны и только одна сцена V-го акта въ Мантуѣ.)

РОМЕО И ЮЛІЯ,

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЛОЩАДЬ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Самсонъ и Грегоріо, вооруженные мечами и щитами.

САМСОНЪ.

Грегоріо, клянусь честью, мы не дадимъ играть собою.

ГРЕГОРІО.

Правда! что мы за игрушки.

САМСОНЪ.

Меня только затронь, я какъ разъ вытяну...

ГРЕГОРІО.

Шею—поклониться?

САМСОНЪ.

Стоитъ только разшевелить меня: я спуску не дамъ—какъ разъ убью.

ГРИГОРІО.

Да разшевелить-то тебя вельзя какъ разъ.

САМСОНЪ.

Собака изъ дому Монтэгю всегда разшевелитъ меня...

ГРЕГОРІО.

Разшевелить значитъ тронуть съ мѣста, а быть храбрымъ значитъ тверло и крѣпко стоять на немъ. У тебя ноги, нечего сказать, умѣютъ шевелиться...

САМСОНЪ.

Противъ собаки изъ этого дома я всегда буду крѣпко стоять на мѣстѣ: попадись мнѣ только кто нибудь на глаза—и мужчинамъ и женщинамъ, всѣмъ бѣда!

ГРЕГОРІО.

За что же женщинамъ? ссора только между нашими господами и нами, ихъ служителями.

САМСОНЪ.

Всѣмъ бѣда, говорю я тебѣ! Не попадайся лучше! Подравшись съ мужчинами, я также припру и женщинъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Абрамъ и Балтазаръ.

ГРЕГОРІО.

А вотъ, посмотримъ, таковъ ли ты на дѣлѣ; видишь ли, сюда идутъ двое изъ дому Монтэгю. Обважай-ка мечь свой.

САМСОНЪ.

Мечь-то у меня готовъ... вачинай ссору, я буду прикрывать тылъ.

ГРЕГОРІО.

Какъ? Ужъ и тылъ? Ужъ у тебя и ноги зашевелились?

САМСОНЪ.

Не бойся за меня!

ГРЕГОРІО.

Боюсь за тебя!

САМСОНЪ.

Пусть справедливость будетъ на нашей сторонѣ; пусть они начнутъ.

ГРЕГОРІО.

Я нахмурю брови, когда они будутъ проходить мимо, и пусть тогда они начнутъ, если имъ будетъ угодно.

САМСОНЪ.

Не угодно, а если осмѣлятся, я буду грызть на нихъ большой палецъ, и то-то позоръ для нихъ, если стерпятъ!

АБРАМЪ.

Это не на насъ ли вы грызете палецъ, милостивый государь?

САМСОНЪ.

Я грызу свой палецъ, господинъ мой.

АБРАМЪ.

Вы на насъ грызете палецъ, почтеннѣйшій?

САМСОНЪ.

На нашей сторонѣ будетъ справедливость, если я скажу: да?

ГРЕГОРІО.

Нѣтъ!

САМСОНЪ.

Нѣтъ, государь мой, я не на васъ грызу палецъ, не на васъ, господинъ мой, а таки грызу свой палецъ.

ГРЕГОРІО.

Вы хотите завести ссору, милостивый государь?

АБРАМЪ.

Ссору, господинъ мой? Нѣтъ; совсѣмъ нѣтъ.

САМСОНЪ.

А если вы ищете ссоры, то я къ вашимъ услугамъ; я служу такому же хорошему господину, какъ и вы.

ГРЕГОРІО.

Нѣтъ, государь мой!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бенволіо, въ нѣкоторомъ разстояніи, Тибальтъ.

ГРЕГОРІО.

Скажи, что лучше; сюда идетъ одинъ изъ родственниковъ нашего господина.

САМСОНЪ.

Лучше, лучше, мой почтеннѣйшій.

АБРАМЪ.

Ты лжешь.

САМСОНЪ.

Обнажайте же мечи, если вы мужчины! не уларь себя лицемъ въ грязь, Грегоріо.

(Они дерутся.)

БЕНВОЛІО.

Прочь, дураки, разойдитесь! Мечи въ ножны! Вы сами не знаете, что́ дѣлаете.

(Выбиваетъ у нихъ мечи; приближается Тибальтъ.)

ТИБАЛЬТЪ.

Ты обнажилъ свой мечь средь этихъ тварей?
Взгляни, Бенволіо! смерть ждетъ тебя.

БЕНВОЛІО.

Я только ихъ разбить хочу,—вложи
Свой мечь иль помоги мнѣ имъ разнять ихъ.

ТИБАЛЬТЪ.

Какъ? обнаживши мечь, ты толковать
О мирѣ вздумалъ... о, я ненавижу,
Какъ адъ, какъ всѣхъ Монтэговъ, какъ тебя,
Я ненавижу слово «миръ». Презрѣнный!
Готовься къ оборонѣ!

(Дерутся; многіе партизаны обоихъ домовъ присоединяются къ сражающимся. Тревога, входятъ граждане съ дрекольями.)

ГРАЖДАНЕ.

Дреколья! палокъ! бей ихъ, бей ихъ, бей!
Долой и Капулетовъ и Монтэговъ!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Капулетъ въ спальномъ платьѣ, и жена его.

КАПУЛЕТЪ.

Что злѣсь за шумъ? Мой мечь, мой длинный мечь!

синьора капулетъ.

Костыль ему! за чѣмъ тебѣ твой мечь?

капулетъ.

Мой мечь, я говорю! Вонъ Монтэгю
Идетъ сюда, мечемъ мнѣ угрожая!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Монтэгю и жена его.

монтэгю.

А! подлый Капулетъ!... Пусти меня...

синьора монтэгю.

Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ не дамъ я шагу сдѣлать!...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и герцогъ со свитою.

герцогъ.

Мятежные спокойствія враги,
Вы, обагрившіе сограждан кровью
Мечи свои... Не ужьли и меня
Вы слушать не хотите, люди!... звѣри!
Огонь вражды губительной своей
Вы заливаете багрянымъ токомъ
Своей же крови... Но подъ страхомъ мукъ
И казни, выбросьте изъ рукъ кровавыхъ
Такъ вами осквернѣнные мечи,
И гнѣвному властителю внимайте!
Ты, старый Капулетъ, ты, Монтэгю,
Своей враждою за пустое слово
Вы тишину ужъ трижды возмущали
На улицахъ; и граждане Вероны,
Презрѣвъ красу обычаевъ степенныхъ,
Въ рукахъ, оцѣпенѣнныхъ долгимъ миромъ,
Свое оружье ржавое колеблютъ,
Чтобъ васъ разнять, въ вражду оцѣпенѣвшихъ.
Внимайте мнѣ, мятежные: клянусь,
Что если вновь нашъ городъ возмутите,
Вы жизнію за нарушенье мира
Поплатитеся мнѣ. Теперь немедля
Всѣмъ разойтись. Вы, Капулетъ, за мной!
Вы, Монтэгю, должны явиться въ полдень
Въ судилище, гдѣ засѣдаемъ мы,
Узнать дальнѣйшее рѣшенье наше.
Подъ смертной казнію, сейчасъ же всѣмъ
Мы вновь повелѣваемъ разойтися.

(Герцогъ, свита его, Капулетъ, жена его, Тибальтъ, граждане и служители уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Монтэгю, жена его и Бенволіо.

монтэгю.

Кто старую вражду разжегъ опять?
Ты былъ, племянникъ, при началѣ?

бенволіо.

Ваши
И вашего врага дрались слуги,
Когда я подошелъ; я вынулъ мечъ
Чтобъ ихъ разнять, но вдругъ явился тутъ же
Надменный, бѣшеный Тибальтъ съ мечемъ,
И, понося презрительно меня,
Онъ воздухъ разсѣкалъ мечемъ, а воздухъ
Въ отвѣтъ ему насмѣшливо свисталъ!
Пока мы съ нимъ ударами мѣнялись
Сбѣгалися толпы вслѣдъ за толпами;
Бой общій завязался, герцогъ самъ
Явился и развелъ по сторонамъ.

синьора монтэгю.

Гдѣ Ромео? Ты видѣлъ ли его
Сегодня?... О! какъ рада я, что не былъ
На этой битвѣ онъ!

бенволіо.

За часъ до той
Поры, какъ въ золотомъ окнѣ востока,
Божественное солнце показалось,
Тревожнымъ духомъ вызванъ за городъ
Я былъ, и тамъ подъ тѣнью сикоморовъ,
На западъ отъ Вероны, въ сторонѣ
Я видѣлъ сына вашего, который,
Такъ рано ужъ гулялъ тамъ,—я къ нему,

Но онъ меня едва завидя, скрылся
Между деревъ. Я, зная по себѣ,
Что въ одиночествѣ всегда сильнѣе
Бываетъ въ насъ душа напряжена,
Своею, не слѣдя его, дорогой
Пошелъ, и самъ старался избѣжать
Того, кто избѣгалъ со мною встрѣчи.

МОНТЭГЮ.

Не разъ его тамъ по утру видали,
Какъ помогалъ слезами онъ росѣ
Увлажить землю, и сгущалъ туманы
Своими вздохами. Но только солнце
Взойдетъ на край востока и отдернетъ
Завѣсы мрачныя авроры ложа,
Домой укрыться отъ сіянья дня
Спѣшитъ мой сынъ, угрюмый и тяжелый,
И, затворившись въ комнатѣ своей,
Онъ заслоняетъ окна, изгоняетъ
Отрадный свѣтъ, и самого-себя
Искусственною ночью окружаетъ.
О! до добра не доведетъ его
Унынье это! Намъ стараться должно
Причину уничтожить...

БЕНВОЛІО.

Такъ ужъ вы,
Мой благородный дядя, знаете
Причину?...

МОНТЭГЮ.

Нѣтъ, не знаю и не могъ
Отъ Ромео никакъ я допытаться.

БЕНВОЛІО.

Такъ у него разспрашивали вы?

МОНТЭГЮ.

И самъ и чрезъ другихъ, но все напрасно!.
Онъ самъ своихъ совѣтникъ ощущеній,
Своей душѣ—я не скажу какъ вѣренъ,
Своей душѣ онъ служитъ стражемъ,
скрытенъ,
И молчаливъ, и сжатъ всегда въ себѣ.
Мой сынъ, не развернувшійся цвѣтокъ
Подточенный коварнымъ червемъ,
Погибнетъ, бытіемъ не насладясь,
Не распустивъ своихъ листочковъ нѣжныхъ
И не успѣвъ ихъ солнцу посвятить!
Мы бъ помогли, когда бъ причину знали
Его нѣмой, безвыходной печали!

(Ромео показывается въ отдаленности.)

БЕНВОЛІО.

Вотъ онъ и самъ, оставьте насъ однихъ,
Я васъ прошу, синьоръ, онъ все мнѣ
скажетъ,
А если нѣтъ, то много мнѣ откажетъ.

МОНТЭГЮ.

Дай Богъ, чтобъ ты узналъ оставшись
съ нимъ
Всю истину. Синьора, поспѣшимъ.

(Уходитъ съ женою.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бенволіо и Ромео.

БЕНВОЛІО.

А, братецъ! Утро доброе тебѣ.

РОМЕО.

Не ужели еще все утро?

БЕНВОЛІО.

Девять
Недавно било.

РОМЕО.

О, какъ медленно
Текутъ часы печали... Кажется,
То мой отецъ такъ скоро удалился?

БЕНВОЛІО.

Онъ. Но какая же печаль часы
Для Ромео такъ длитъ?

РОМЕО.

Тѣмъ не владѣю,
Что сокращаетъ ихъ.

БЕНВОЛІО.

А! ты влюбленъ!

РОМЕО.

Далеко...

БЕНВОЛІО.

Отъ любви?

РОМЕО.

Да, отъ любви,
Отъ той, которую люблю...

БЕНВОЛІО.

Итакъ,
Любовь въ мечтахъ лишь сладостна бываетъ.

РОМЕО.

Любовь хотя съ повязкой на глазахъ,
Но видитъ все, въ пути не ошибется!..
Гдѣ будемъ мы обѣдать?.. Горе мнѣ!..
Что было здѣсь передъ моимъ приходомъ?
Но нѣтъ, не говори, я знаю все,
Широкое раздолье здѣсь для злобы,
Но для любви еще раздолье шире!
О, злобная любовь и любящая злоба!
Изъ ничего явившееся нѣчто!
Тревожная безпечность, вѣтреность
Задумчивая, безобразный хаосъ
Прелестныхъ образовъ! Тяжелый пухъ,
Огонь холодный, свѣтлый дымъ,
Больное, сонъ и бодрствованье вмѣстѣ!
Что есть и вмѣстѣ нѣтъ! Я чувствую
Любовь, и это чувство ненавижу...
Ты не смѣешься.

БЕНВОЛІО.

Нѣтъ, скорѣе плачу.

РОМЕО.

О чемъ же, добрая душа?

БЕНВОЛІО.

О томъ,
Что добрая душа твоя страдаетъ!

РОМЕО.

Э! полно! такова судьба любви!
Сосредоточены мои мученья,
Не славливай ихъ грузомъ сожалѣнья,
Разширишь ты мученія мои.
Довольно мнѣ и своего страданья:
Какъ тяжко на душѣ оно лежитъ!
О другъ! ко мнѣ не нужно состраданья:
Оно меня сильнѣй отяготитъ!
Любовь есть дымъ, скопленный изъ вздыханій;
Очистившись, она сверкнетъ огнемъ
Въ глазахъ двухъ любящихъ созданій,
Невозмущенная въ спокойствіи своемъ;
Она есть море: глубь его отъ слезъ
Любовникокъ растетъ и прибываетъ. —
Ну, что еще любовь? съ умомъ безумье,
Смертельный ядъ, цѣлительный бальзамъ....
Прощай, мой другъ!

БЕНВОЛІО.

Нѣтъ, милый Ромео,
Ты оскорбишь меня, оставивъ такъ....

РОМЕО.

Я потерялъ себя — меня здѣсь нѣтъ.
Какой я Ромео! въ другомъ онъ мѣстѣ.

БЕНВОЛІО.

Скажи безъ шутокъ — ты въ кого влюбленъ?

РОМЕО.

Безъ шутокъ, другъ? Ты хочешь, чтобъ я плакалъ?

БЕНВОЛІО.

Какъ плакалъ? нѣтъ! тебя прошу я только
Сказать безъ шутокъ, кто она.

РОМЕО.

Не все ли то же—
Просить лежащаго на смертномъ ложѣ
О завѣщаніи! Такою просьбой
Усилишь ты его страданій боль.
Я, братецъ, женщину люблю!

БЕНВОЛІО.

Ну, такъ!
Я въ цѣль попалъ, сказавъ, что ты влюбленъ.

РОМЕО.

Стрѣлецъ чудесный ты. А какъ прекрасна
Моей любви царица!

БЕНВОЛІО.

Вѣрь мнѣ, другъ!
Чѣмъ лучше цѣль, тѣмъ легче достиженье.

РОМЕО.

Здѣсь, промахнулся ты: для выстрѣловъ она
Эротовыхъ, повѣрь, недостижима,
И непорочности броней облечена
И мудростью Діаны, невредима
Отъ дѣтскихъ стрѣлъ. Она моихъ рѣчей
Не слушаетъ—и взоръ своихъ очей
Ловить не позволяетъ. Даже злато,
Всесоблазняющее злато,
Не соблазнитъ ея: она богата.
И вмѣстѣ такъ она бѣдна,
Что если вдругъ умретъ она,
Ея богатствъ уже не станетъ:
Она богата красотой,
А ты вѣдь знаешь, братецъ мой,
Что красота отъ смерти вянетъ.

БЕНВОЛІО.

Да развѣ ужъ она дала обѣтъ
Безбрачною остаться навсегда?

РОМЕО.

Да, да, обѣтъ — и скупостью своей
Произведетъ она опустошенье
Великое: что такъ прекрасно въ ней,
Не перейдетъ въ другія поколѣнья,
И съ голоду умретъ ея краса,
И красоты не будетъ больше въ свѣтѣ.
И прелести и умъ въ ней — чудеса!
Краса жъ ея, съ умомъ живя въ совѣтѣ,
Меня своимъ спасеньемъ погубить
Произнесла обѣтъ — и въ томъ обѣтѣ
Я умеръ, другъ, я умеръ съ тѣмъ, чтобъ жить
И чтобъ тебя объ этомъ извѣстить.

БЕНВОЛІО.

Послушайся меня, объ ней не думай.

РОМЕО.

О, научи жъ меня не думать, другъ!

БЕНВОЛІО.

Побольше воли дай своимъ глазамъ
И на другихъ красавицъ обрати ихъ.

РОМЕО.

Да, черезъ то о прелестяхъ ея
Чудесныхъ чаще думать буду я.
Счастливая та маска, что прильнувъ
Къ лицу красавицы, его цѣлуетъ,
Намъ чернотой своею намекаетъ,
Что кроется подъ нею красота.
Тотъ, кто лишился зрѣнья, не забудетъ
Потери неоцѣнной. Ты покажешь
Мнѣ женщину, которая красой
Всѣхъ женщинъ превзойдетъ, невольно я
Припомню ту, которая и эту
Собою помрачитъ... прощай, мой другъ,
Объ ней забыть меня ты не научишь!

БЕНВОЛІО.

Я заплачу тебѣ за откровенность,
Или твоимъ умру я должникомъ.

(Оба уходятъ.)

Перелѣзна.

Улица.

ЯВЛЕНІЕ IX.

КАПУЛЕТЪ, ПАРИСЪ и СЛУГА.

КАПУЛЕТЪ.

И Монтэгю обязанностямъ равнымъ
Со мною подчиненъ... Да, право, мнѣ
Всё кажется, что старикамъ какъ мы
Не трудно помириться.

ПАРИСЪ.

Оба вы
Въ Веронѣ уважаемы равно.
Прискорбно намъ въ такой непримиримой
И продолжительной враждѣ васъ видѣть,
Но что теперь вы скажете, синьоръ —
Въ отвѣтъ на предложеніе мое?

КАПУЛЕТЪ.

Все то же, что и прежде; дочь моя
Еще дитя, со свѣтомъ незнакома...
Ей нѣтъ еще четырнадцати лѣтъ.
И года черезъ три, не менѣе
О бракѣ можно будетъ думать ей.

ПАРИСЪ.

Въ ея лѣта уже счастливыми
Бываютъ матерями.

КАПУЛЕТЪ.

Сколько же
И погибаетъ тѣхъ, которыя
Безъ времени въ союзъ вступаютъ брачный!
Мои надежды всѣ землею алчной
Поглощены—осталась лишь она
Моей земли наслѣдница одна.
Старайтесь заслужить ея вниманье
Мое согласье часть ея желанья —
И выборъ мой пусть дочь рѣшитъ моя.
Сегодня пиръ даю я у себя,
Какъ изстари велось, и приглашаю
Всѣхъ тѣхъ, кого люблю, межъ ними васъ
Я милости прошу и ожидаю.
И въ эту ночь на пиршествѣ у насъ
Мой бѣдный домъ сіяньемъ озарится
Свѣтилъ земныхъ, и яркимъ блескомъ ихъ
Небесное сіянье помрачится.
Какъ въ юношахъ веселыхъ и живыхъ

Душа дрожитъ отъ сладкаго волненья,
Когда апрѣль разряженный спѣшитъ
Во слѣдъ зимѣ хромой—въ васъ ощущенье
Такое же въ сей вечеръ оживитъ
Цвѣтковъ плѣнительныхъ и свѣжихъ видъ.
Красавицъ всѣхъ разсмотрите вы сами
И изберете ту, которая красами
Для вашихъ глазъ затмитъ подругъ своихъ.
Тамъ дочь моя одною между нихъ
Не по достоинству, — по счету только будетъ.
А ты (*обращается къ слугѣ*) ступай,— обѣгай городъ весь
Найди всѣхъ тѣхъ особъ, которыхъ здѣсь (*подавая бумагу*)
Написаны названья. Ты имъ скажешь,
Что нынче весь къ услугамъ ихъ мой домъ,
И въ домѣ ихъ радушный ждетъ пріемъ.

(Капулетъ и Парисъ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Слуга одинъ, потомъ Бенволіо и Ромео.

СЛУГА.

Сыщи тѣхъ, которыхъ фамиліи написаны здѣсь! Да тутъ, чортъ знаетъ, что написано! Написано, что сапожникъ долженъ знать свои ножницы, а портной шило, что рыбакъ пишетъ картины, а живописецъ ловитъ рыбъ! Но я посланъ отыскать тѣхъ, которыхъ имена здѣсь написаны и никакъ не могу отыскать толку въ томъ, что здѣсь написано. Надо попросить какого нибудь ученаго... Э, да вотъ кстати...

(Входятъ Бенволіо и Ромео.)

БЕНВОЛІО.

Повѣрь, что истинны мои слова,
Огонь огня задушитъ пламенѣнье!
Когда твоя отъ быстраго круженья
Внезапно завертится голова,
Въ другую должно сторону кружиться!
Страданіе страданьемъ укротится,
И мукою ты муку исцѣлишь!
Когда въ твой глазъ проникнула зараза,
Заразы ялъ ты выгонишь изъ глаза,
Когда его вторично заразишь.

РОМЕО.

Листъ придорожника для этого полезенъ.

БЕНВОЛІО.

Листъ придорожника?... да для чего жъ?

РОМЕО.

Для переломленной ноги твоей.

БЕНВОЛІО.

Ай, ай! Ужъ не сошелъ ли ты съ ума?

РОМЕО.

Нѣтъ, не сошелъ, но крѣпче связанъ—
Чѣмъ всякой сумасшедшій, запертой
Въ своей тюрмѣ, моримый голодомъ,
Терзаемый и мучимый и... и (*къ слугѣ*)
Любезный, здравствуй!

СЛУГА.

Благодаренъ, сударь,
Пошли вамъ Богъ здоровья. Вы читать,
Позвольте мнѣ спросить, умѣете?

РОМЕО.

О, да! мою судьбу въ моемъ несчастьи.

СЛУГА.

Быть можетъ этому вы научились
Безъ книги, сударь: но, скажите, вы
Прочтете-ль все, на что посмотрите?

РОМЕО.

Да, если знаю буквы и языкъ.

СЛУГА.

По чести сказано; прощенья просимъ!

РОМЕО.

Стой, стой! давай прочту.

(Читаетъ.)

«Синьоръ Мартино *съ супругой и* «*дочерьми; графъ* Анссльмо *съ своими* «*прекрасными сестрами; вдовствую-*«*щая синьора* Витрувіо; *синьоръ* Пла-«ченціо *съ своими милыми племянни-*«*цами*; Меркуціо *съ братомъ своимъ* «Валентиномъ; *мой почтенный род-*«*ственникъ* Капулетъ *съ супругою и до-*«*черьми*; *моя прекрасная племянница* «Розалина; Ливія, *синьоръ* Валенціо *съ*

«*своимъ двоюроднымъ братомъ* Тибальтомъ; Луціо и *прелестная* Елена».
Блестящее собранье *(отдаетъ слугѣ бумагу)*, по кудажъ
Оно приглашено, мой другъ?

СЛУГА.

Туда.

РОМЕО.

Куда?

СЛУГА.

Къ намъ въ домъ на ужинъ.

РОМЕО.

Въ чей же домъ?

СЛУГА.

Въ домъ господина моего.

РОМЕО.

Ну такъ!
О господинѣ-то и должно было бъ
Тебя спросить.

СЛУГА.

Ну, да, ужъ я скажу вамъ теперь безъ спрашиванья. Господинъ мой знатный, богатый Капулетъ, и если вы не изъ дома Монтэгю, то милости просимъ, придите къ намъ осушить стакавъ вина. Счастливо оставаться.

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ромео и Бенволіо.

БЕНВОЛІО.

На этомъ праздникѣ
Старинномъ Капулета—Розалина
Съ веронскими красавицами будетъ. —
Пойдемъ туда и глазомъ безпристрастнымъ
Съ другими ты ее сравни, которыхъ
Я покажу тебѣ. Тогда увидишь,
Что лебедь твой не лебедь, а ворона.

РОМЕО.

Когда, забывъ религію святую,
Мои глаза посмѣютъ ложь такую,
Такой расколъ нелѣпый утверждать,
Огнемъ имъ будутъ слёзы—пусть сгорятъ,
Когда тонуть въ слезахъ имъ было мало,
Отступники прозрачные!... о, пѣтъ
Отъ той поры, когда начался свѣтъ.
Всевидящее солнце не видало
Такой красы...

БЕНВОЛІО.

Посмотримъ! Вѣрь мнѣ, другъ,
Ты потому такъ ею очарованъ,
Что у тебя въ глазахъ она одна,
Что сравнивалъ ее ты съ ней самою;
Сравни ее съ красавицей другою:
Такъ на вѣсахъ подымется она.
Да вотъ, пойдемъ на праздникъ Капулета, —
И тамъ во всемъ сіяньи красоты,
Тебѣ такихъ я покажу, что ты
На Розалину и не взглянешь послѣ.

РОМЕО.

Пойду—не съ тѣмъ, чтобъ на другихъ смотрѣть,
Но чтобъ ее въ сіяніи узрѣть.

(Уходятъ.)

=

Перелыпа.

Комната въ домѣ Капулета.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Синьора Капулетъ и Няня.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Гдѣ, няня, дочь моя? позвать ее.

НЯНЯ.

Клянусь вамъ цѣломудріемъ моимъ—
Когда мнѣ былъ двѣнадцатый годокъ,
Что я ужъ кликала ее.—Эй, птичка!
Эй, козочка!... Помилуй Боже насъ!...
Да гдѣ жъ она? Синьора Юлія!

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Юлія.

ЮЛІЯ.

Что? кто меня тамъ кличетъ?

НЯНЬКА.

Къ матушкѣ
Идите.

ЮЛІЯ.

Что, синьора, вамъ угодно?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Вотъ дѣло въ чемъ... поди, оставь насъ, пяпя,
Намъ надобно паединѣ поговорить...
Иль нѣтъ, постой, постой...я вспомнила,
Что въ нашемъ разговорѣ ты должна
Участвовать. Ты знаешь, дочь моя
На самомъ лучшемъ возрастѣ теперь.

ПЯПЯ.

Отъ часика до часика я вамъ
Сочту ея лѣта.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ей нѣтъ еще
Четырнадцати лѣтъ, неправда ли?

ПЯПЯ.

Что ей еще четырнадцати нѣтъ годовъ,
Я лямъ вамъ про закладъ четырнадцать зубовъ.
Да жаль, что всѣхъ-то у меня четыре.
До перваго дня августа, скажите,
Осталось сколько дней?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Тринадцать слишкомъ.

ПЯПЯ.

Ну, слишкомъ ли, безъ лишка ль—не въ томъ дѣло,
А дѣло въ томъ, что именно на первый
День августа она родилась въ ночь.
Сузана,—упокой ся Богъ душу,
Вѣдь ей была ровесницею, —да!
Господь прибралъ ее, мою голубку;
А ужъ куда она меня любила!
Объ чемъ бишь я... позвольте, я сказала,
Что августа на первое ей минетъ
Четырнадцать—я вѣрно это знаю.
Да вотъ... одиннадцать вѣдь лѣтъ прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь землетрясенье было.
Я помню хорошо—ее тогда
Я начала отъ груди отнимать.
И вотъ на солнушкѣ у стѣнки я
Подъ самой голубятней съ ней сижу...
Вы были въ Мантуѣ тогда съ синьоромъ.
Сижу, и вотъ она было за грудь,
А грудь себѣ натерла я полынью,
Лишь дурочка отвѣдала полынь,—
Давай меня ручепкой бить по груди...
Но вдругъ... тррр... голубятня на верху
Какъ затрещитъ и какъ заходитъ все!
Что духу есть я бросилась оттуда,
И погонять меня не нужно было.
Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать ужъ лѣтъ.
Тогда она держалась ужъ на ножкахъ,
Бывало, ходитъ переваливаясь
Изъ стороны въ другую—разъ за-то
Какъ стукнулася славно лбомъ она.
А тутъ мой мужъ, — спокой его Богъ душу!—
Куда какой забавникъ былъ покойникъ!—
Подпявъ ее съ земли: «э!» говоритъ,
«Такъ ты лицомъ все падаешь? постой
Какъ поумнѣе будешь, такъ не бось
Затылкомъ будешь падать»; что, вѣдь правда?
И что жъ ей Богу, перестала плакать
Моя голубушка—«да» говоритъ:
Вѣдь шутка, такъ, а сбудется, смотрите,
И черезъ тысячу бы лѣтъ я не забыла...
«Ну что, вѣдь правда;» говоритъ,
А дурочка ужъ болѣе не плачетъ
И отвѣчаетъ: «да.»

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ну перестань, довольно.

ПЯПЯ.

Слушаю, синьора, я
Молчу, да ужъ никакъ отъ смѣху-то
Не удержусь, когда лишь вспомню это,
И плакать перестала, отвѣчаетъ: «да.»
А вѣдь какая шишка-то у ней
На лбу вскочила—какъ она кричала!
«Эге!» сказалъ мой мужъ, ты падаешь лицемъ,
Со временемъ затылкомъ станешь падать,
Не правда ль, Юленька?» да, говоритъ
И плакать унялась.

ЮЛІЯ.

Уймись и ты!
Прошу тебя я, пяня, замолчи.

ПЯПЯ.

Ну, ну, молчу. Пошли тебѣ Богъ счастья!
Изъ всѣхъ дѣтей, которыхъ я вскормила
Ты лучше всѣхъ была,—и можетъ быть

Меня Богъ приведетъ поцировать
На свадебкѣ твоей.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Да, кстати, я
Объ ней-то и хотѣла говорить.
Что, Юлія, ты думаешь о бракѣ?

ЮЛІЯ.

Объ этой чести я и не мечтала.

НЯНЯ.

Когда бъ не я тебя кормила грудью,
То я сказала бы, что мудрость ты
Всосала съ молокомъ. Скажите—честь!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ну, такъ подумай-же теперь. У насъ
Въ твои лѣта давно выходятъ за мужъ,
Давно ужъ матери семействъ,—да вотъ
За чѣмъ ходить далеко, я сама
Объ эту пору жизнь дала тебѣ.
Ну, коротко и ясно, Юлія:
Парисъ—краса всей нашей молодежи
Твоей руки просилъ.

НЯНЯ.

Вотъ человѣкъ,
Синьора, вотъ, синьора, человѣкъ
Такой, что всѣ... какъ слепленный изъ воску.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Прекраснѣйшій цвѣтокъ весны веронской.

НЯНЯ.

Ахъ, да! цвѣтокъ!... И полинно цвѣтокъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Что скажешь? Нравится ль тебѣ Парисъ?
Вотъ, въ этотъ вечеръ будетъ онъ у насъ,
Читай лицо Парисово, на немъ
Блаженства роскошь красоты перомъ
Начертана—черты его прекрасны,
Другъ съ другомъ гармонически согласны.
Читай же въ нихъ.. Ты много въ нихъ прочтешь!
То драгоцѣнное любви творенье. -
Тому, чего въ лицѣ ты не поймешь,
Въ его глазахъ найдешь ты объясненье.
Свяжи жъ Париса ты—дай книгѣ переплетъ.
Но рыбка вѣдь внутри воды живетъ...
Та книга дорога—дороже вдвое,
Которая въ оправѣ золотой,
И содержаніе имѣетъ золотое.
И все твое, когда онъ будетъ твой.
Тебя жъ самой, повѣрь мнѣ, не убудетъ.

НЯНЯ.

Убудетъ? нѣтъ, ея тогда прибудетъ.

ЮЛІЯ.

Я посмотрю, довольно ли смотрѣть,
Чтобъ полюбить кого-нибудь, синьора.
Вы моего властительница взора —
Куда укажете, туда ему лететь.

СЛУГА, ВХОДИТЪ.

Синьора, гости съѣхались, столъ уже накрытъ, васъ и молодую синьору спрашиваютъ вездѣ, няньку проклинаютъ въ кладовой; все въ движеніи; я тороплюсь къ своей должности; синьора, поспѣшите.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Идемъ.. — Скорѣе Юлія, графъ жлетъ.

НЯНЯ.

Ступай, дитя, ищи ночей счастливыхъ
Къ своимъ счастливымъ днямъ.

(Уходитъ.)

Перелыпа.

Улица.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Ромео. Меркуціо, Бенволіо, въ сопровожденіи пяти или шести масокъ, служителей съ факелами.

РОМЕО.

Должна ль намъ эта рѣчь быть извиненьемъ?
Иль такъ, безъ околичностей войдемъ?

БЕНВОЛІО.

Теперь на всѣ подобныя продѣлки
Прошла ужъ мода. Мы не понесемъ,
Съ повязкой на глазахъ и шарфомъ, Купидона,
Съ татарскимъ лукомъ, согнутымъ изъ драни, —
Страшилище для дамъ; и мы войдемъ
Безъ церемоніи, безъ всякаго пролога.
Пусть тамъ объ насъ какое имъ угодно
Составятъ мнѣнье; мы составимъ танецъ!
А тамъ уйдемъ.

ромео.

Я прыгать не хочу,
Подайте факелъ мнѣ: я слишкомъ мра-
чепъ,
По крайней мѣрѣ, свѣтъ передъ собой
Я понесу.

меркуцio.

Нѣтъ, милый Ромео,
Ты долженъ танцовать.

ромео.

Не буду, другъ.
Вы въ башмакахъ летучихъ танцовально-
ныхъ
И сами вы такъ веселы, легки,
А я съ такой тяжелою душою—
Какъ поднимусь я отъ земли?

меркуцio.

Вѣдь ты
Влюбленъ и служишь Купидону, что жъ?
Возьми на время крылья у него,
И подымись, какъ хочешь, высоко.

ромео.

Я слишкомъ глубоко стрѣлой его
Пронженъ, и на его воздушныхъ крыль-
яхъ
Я не могу подняться высоко.
Я слишкомъ крѣпко связанъ, я не въ
силахъ
Перешагнуть и чрезъ одну ступень
Моей тоски глухой, я упаду.
Подъ тяжкимъ бременемъ любви.

меркуцio.

И упадешь въ нее же; признаюсь,
Отъ этого паденья не легко
Такой вещицѣ нѣжной будетъ.

ромео.

Нѣжной?
Любовь вещь нѣжная? о, нѣтъ, напро-
тивъ,
Она груба, мучительна, жестока,
И какъ терновникъ колется...

меркуцio.

А если
Любовь къ тебѣ жестока такъ, будь самъ
Жестокимъ къ ней: коли ее, когда
Она тебя кольнетъ:—ты побѣдишь!
Подать футляръ для моего лица!
(Надѣвая маску.)
На маску маска! Мнѣ теперь нѣтъ дѣла,
Что безобразіе мое предметомъ
Для любопытства станетъ, эта рожа
Пусть за меня краснѣетъ.

бенволіо.

Ну, идемъ!
Стучите и войдемъ, а какъ войдемъ
Живѣй, друзья, работайте ногами!

ромео.

Подайте факелъ мнѣ! Пускай повѣсы
Безчувственный тростникъ подошвами
щекочатъ,
Пусть мотыльки безпечные порхаютъ,
А я? свѣтить я буду и смотрѣть.
Всѣ веселы, всѣ ищутъ удовольствій,
А мнѣ такъ грустно, мутно все во-
кругъ...

меркуцio.

Да, грязь мутна. Ты по уши въ грязи,
Въ любви хотѣлъ сказать я, виноватъ!
Да полно намъ стоять и дѣлать день
изъ ночи.

ромео.

Мы дня не дѣлаемъ изъ ночи,—и...

меркуцio.

Ты, кажется, сбираешься острить?
Я, господинъ почтенный мой, хотѣлъ
Сказать, что факелы у насъ напрасно
Горятъ, какъ свѣчи днемъ. Прошу по-
корно
Мои слова въ прямомъ ихъ смыслѣ
брать,
Они полны ума и разсужденья.

ромео.

Конечно, мы съ умомъ идемъ туда,
На этотъ балъ, однако же итти
Туда—безумство.

меркуцio.

Почему? Позволь
Спросить.

ромео.

Мнѣ этой ночью снился сонъ.

меркуцio.

О, вижу я! къ тебѣ царица Мабъ
Являлась, бабка повивальная

Средь фей. Она является всегда
Величиной не болѣе агата,
Что̀ въ перстнѣ у судьи блеститъ на пальцѣ.
У спящихъ по ногамъ она гуляетъ
И ѣздитъ въ упряжѣ изъ а́томовъ
Мельчайшихъ; у нея въ колесахъ спицы
Изъ паучковыхъ ногъ; верхъ колесницы
Изъ крыльевъ стрекозы, а збруя вся
Изъ самой тонкой ткани паука;
Узда изъ влажнаго луны сіянья,
А кнутъ изъ кожи и костей сверчка;
Комаръ у ней въ зеленой куртѣ кучеръ;
Пустая скорлупа орѣха колесница,
Издѣліе каретниковъ искусныхъ —
Червя и векши, мастеровъ старинныхъ;
Ужъ съ незапамятныхъ временъ
Они работаютъ на фей. Съ такимъ снарядомъ
Она ночной порой изволитъ рыскать
То по мозгу любовниковъ: имъ снится
Тогда любовь; то ѣздитъ по колѣнкамъ
Придворнаго: придворному тогда
Поклоны грезятся; иль вдоль по пальцамъ
Подьячаго — и грезитъ онъ о взяткахъ;
Или по губкамъ дѣвушекъ—и имъ
Мечтаются лобзанья. Злая Мабъ
Ихъ часто прыщиками покрываетъ
За то, что ихъ дыханье портится
Сластями; иногда она гуляетъ
У царедворца по носу—и чуетъ
Онъ имъ во снѣ, откуда вѣтеръ дуетъ.
То по груди солдата пронесется —
И грезитъ онъ о битвахъ, о засадахъ,
О штурмахъ бурныхъ, о клинкахъ испанскихъ,
О веселящемъ духѣ, крѣпительномъ напиткѣ;
Вдругъ слышитъ барабанъ, вотъ онъ вскочилъ,
Въ испугѣ смотритъ, бормоча молитву—
Потомъ, перевернувшись, засыпаетъ.
И эта самая же Мабъ, средь ночи,
У лошадей въ клочки взбиваетъ гриву
И колтуны свиваетъ изъ волосъ
Взъерошенныхъ, а колтуны, развившись,
Бѣду пророчатъ; это самая
Та вѣдьма, что гнететъ такъ тяжко...

РОМЕО.

Полно!
Довольно ужъ, Меркуціо, довольно,
Твои слова вокругъ нуля вертятся.

МЕРКУЦІО.

Ты правъ! они вокругъ вертятся снова,
Сны дѣти праздной головы. Они
Изъ ничего раждаются; какъ воздухъ,
Неуловимы, пусты, и, какъ вѣтеръ,
Измѣнчивы, который то прижмется
Къ ледяной груди полночи, то вдругъ
Отъ ней бѣжитъ, сердитый, и ужъ къ югу
Росою окропляющему югу,
Лицо онъ обращаетъ.

БЕНВОЛІО.

Этотъ вѣтръ
Продулъ насъ такъ, что сами стали мы
Не много вѣтрены. Что мы стоимъ?
Ужъ ужинъ конченъ: поздно мы придемъ.

РОМЕО.

А я боюсь, не рано ль мы придемъ;
Мой духъ предчувствуетъ, что съ этой ночи
Надъ жизнію моей отяготѣетъ
Какой-то страшный рокъ, и для меня
Среди разгульнаго весселья бала
Начнется грозное свершеніе
Того, что̀ тамъ, въ звѣздахъ, теперь сокрыто.
И жизнь презрѣнная, теперь въ груди
Замкнутая—безвременно погибнетъ....
Но такъ и быть! Пусть тотъ, кто правитъ
Рулемъ моей ладьи—мой путь опредѣлитъ.
Впередъ, мои веселые друзья!

БЕНВОЛІО.

Бей въ барабанъ!

(Всѣ уходятъ.)

=

Перелиѣна.

Зала въ домѣ Капулета.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Слуги, музыканты, потомъ: Капулетъ 1-й, Капулетъ 2-й, Тибальтъ, Парисъ, синьора Капулетъ. Юлія, Ромео, Меркуцію, Бенволію, множество гостей въ маскахъ и безъ масокъ.

1-й слуга.

Гдѣ же Потпанъ? что онъ не помогаетъ намъ убирать! лижетъ, я думаю, тарелки!

2-й слуга.

Плохо, если всѣ галантерейныя вещи будутъ въ однихъ рукахъ, да если руки-то еще не вымыты.

1-й слуга.

Прочь отсюда кресла; отдвигай въ сторону шкафъ, смотрите за серебромъ. Не забудь, пріятель, спрятать мнѣ кусочикъ марципану; да сдѣлай, братъ, дружбу, скажи привратнику, чтобъ онъ пропустилъ сюда Сузанну и Леночку. Эй! Антонъ, Потпанъ!

(Входитъ еще нѣсколько слугъ.)

3-й слуга.

Здѣсь, братецъ, здѣсь мы на готовѣ.

1-й слуга.

Въ большой залѣ васъ спрашиваютъ, кличутъ, ищутъ вездѣ.

3-й слуга.

Да вѣдь намъ не растянуться же; мы не можемъ быть и тамъ и здѣсь въ одно время. Живѣй, ребята! Молодцами смотрите...

(Слуги отходятъ на заднюю часть сцены.)

капулетъ 1-й.

Привѣтъ мой, господа! Берите дамъ
И танцовать живѣе начинайте!
Сударыни, скорѣе къ дѣлу, если
Мозолями не страждутъ ваши ножки.
Ага, прекрасныя мои синьоры,
Посмотримъ-ка теперь: которая
Не станетъ танцовать! Я побожусь,
Что танцовать ей не даютъ мозоли.
Что—что—задѣлъ я васъ?—ага!
Привѣтъ мой вамъ, почтеннѣйшіе гости!
Сивьоры, помню время я былое,
Когда и я, какъ вы, рядился въ маску,
Когда и я прекрасной на ушко
Нашептывалъ и нравиться умѣлъ!
Прошло, прошло то времячко, прошло...
Я отъ души вамъ радъ, мои синьоры!
Скорѣе, музыканты, начинайте!
Раздайтеся, для танцевъ мѣсто нужно.
Ну, дѣвушки, скачите и пляшите!

(музыканты играютъ; танцы.)

Огня сюда по больше, негодяи!
Столы долой, и потушить огонь
Въ каминѣ — здѣсь ужъ слишкомъ стало жарко.

(Капулету 2-му.)

Садись, родня, садись, мой Капулетъ,
И я къ тебѣ подсяду. Мы съ тобой
Отъ танцевъ далеко ушли!... А какъ
Давно съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ
Маскировался съ тобой?...

2-й капулетъ.

Да! да!
Тому назадъ ужъ тридцать лѣтъ, мой другъ!

1-й капулетъ.

Э, нѣтъ! куда жъ, гораздо меньше, меньше!
Вѣдь это было у Люченціо
На свадьбѣ; а отъ той поры, я помню,
Прошло всего небольше, какъ лѣтъ двадцать
Съ какимъ нибудь пяткомъ.

2-й капулетъ.

Нѣтъ, больше, больше!
Да сынъ его гораздо старше! сыну
Его ужъ тридцать лѣтъ.

1-й капулетъ.

Ну, какъ ты можешь
Мнѣ это говорить? Какъ! сынъ его
Тому не болѣе двухъ лѣтъ считался
Несовершеннолѣтнимъ.

ромео, служителю.

Кто та дама,
Которая своей рукой почтила
Вонъ рыцаря того?

слуга.

Не знаю, сударь!

ромео.

О, Творецъ! Какъ сіяетъ она! такъ
огонь не блеститъ!

Какъ рубинъ на ушахъ эѳіопки, сверкая, виситъ, —
Такъ ея красота на ланитахъ полночи горитъ!
Недоступно свята для людскихъ вожделеній!
Дорога для земли и ея наслажденій!
Съ этой дивной красой, среди этихъ людей,
Бѣлый голубь она въ черной стаѣ грачей!
Лишь окончится танецъ къ ней, къ ней поспѣшу я,
И рукой своей грубой ея рукъ коснусь я.
●, любилъ ль ты, сердце? нѣтъ, нѣтъ, отрекись!
Отрекись и ты, зрѣнье! предъ дивной красою смирись!

ТИБАЛЬТЪ.

Я узнаю, чей голосъ: Монтэгю
Быть долженъ. Эй, подать мнѣ мечь скорѣе!
Такъ эта тварь, прикрывшись этой рожей,
Осмѣлилась притти надъ нами посмѣяться.
Клянуся честью рода моего
Не грѣхъ къ отцамъ отправить мнѣ его!

1-й КАПУЛЕТЪ.

Что тамъ, племянникъ, ты бушуешь?

ТИБАЛЬТЪ.

Дядя,
Нашъ врагъ—вотъ онъ—вотъ Монтэгю!
И негодяй здѣсь смѣетъ показаться
Надъ нашимъ праздникомъ, надъ нами наругаться!

1-й КАПУЛЕТЪ.

То юный Ромео?

ТИБАЛЬТЪ.

Такъ, такъ,—то онъ,
То подлый Ромео!

1-й КАПУЛЕТЪ.

Ну, полно, полно!
Любезный мой племянникъ, успокойся;
Оставь его, мой другъ; себя ведетъ
Прекрасно онъ, какъ должно дворянину;
Въ Веронѣ слухъ объ немъ хорошій ходитъ;
И ни за всѣ сокровища Вероны
Не соглашусь я оскорбить его
Въ моемъ дому. Къ терпѣнью пріучайся,
Забудь о немъ, я этого хочу,
И ежели мою ты волю чтишь,—
Будь веселъ, другъ, расправь на лбу морщины—
Нейдутъ нахмуренныя брови къ пиру.

ТИБАЛЬТЪ.

Идутъ, когда такая тварь на немъ,
Присутствуетъ какъ гость. Нѣтъ, не могу,
Не потерплю его я здѣсь!

КАПУЛЕТЪ.

Онъ долженъ,
Онъ долженъ быть терпимъ! прошу покорно!
Да что ты это, мой дружокъ! вотъ-на!
Скажи: я здѣсь хозяинъ, или ты?
Ты не потерпишь—Боже упаси!
Ты хочешь здѣсь, среди моихъ гостей,
Тревогу произвесть? Что ты, мой другъ,
Петушишься? что ты за птица?

ТИБАЛЬТЪ.

Дядя,
Какой позоръ, какой позоръ для насъ!

КАПУЛЕТЪ.

Эге! ты ужъ изъ рукъ вонъ, мой любезный!
Да что съ тобой? Поберегись, пріятель...
Какъ смѣешь ты противорѣчить мнѣ!
Прекрасно сказано, мои друзья,—
Ступай, пѣтухъ задорный!.. да смотри
Не забушуй! Не то—огня сюда,
По больше свѣту!—я уйму тебя;
Живѣе, веселѣй, мои друзья!

ТИБАЛЬТЪ.

Насильное терпѣнье повстрѣчало
Свободный гнѣвъ—и тѣло задрожало
Отъ встрѣчи ихъ... Въ притворной тишинѣ
Лишьтолько сверху сладко—желчь на днѣ.
(Уходитъ.)

РОМЕО, подходитъ къ Юліи и беретъ ея руку.

О, если я рукою дерзновенной
Тебя, твою святыню оскорбилъ—
Я каюся душою умиленной,
Я чувствую: я тяжко согрѣшилъ!
Но вотъ уста: лобзанье и моленье
Изгладятъ слѣдъ прикосновенья!

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, не вини руки своей напрасно,
О, не вини, мой добрый пилигримъ!
Руки твоей привѣтствіе прекрасно:
Не оскорбилъ-бы ты святаго имъ!
Да, рукъ безстрастныхъ пожиманье —
Вотъ, пилигримъ, твое лобзанье!

РОМЕО.

На что жъ уста!—Пильгримъ имѣетъ ихъ!

ЮЛІЯ.

Имѣетъ—да, но для молитвъ однихъ.

РОМЕО.

О! внемли же, святая, пильгрима моленье:
Какъ рукамъ ты дала — такъ устамъ позволенье
Дай молиться, молиться, святая, тебѣ!
Или смѣнитъ отчаянье вѣру во мнѣ!

ЮЛІЯ.

Хотя святой внимаетъ гласъ моленья,
Но ликъ его, безстрастный, недвижимъ —
Ты знаешь самъ, мой добрый пилигримъ.

РОМЕО.

Такъ я беру молитвы исполненье,
А ты — ты недвижимою пребудь.

(Цѣлуетъ ее).

Хвала тебѣ — вольнѣе дышитъ грудь!
Твои уста святыя сняли
Теперь грѣхи мои съ меня!

ЮЛІЯ.

Какъ, пилигримъ — и на себя
Мои уста твои грѣхи приняли?

РОМЕО.

Мои грѣхи! о сладостный упрекъ!
Отдай назадъ все, все, что передали
Мои уста тебѣ!

(Вновь цѣлуетъ ее).

ЮЛІЯ.

О, ты далекъ,
Какъ вижу я, въ искусствѣ цѣловаться!

НЯНЯ.

Извольте къ матушкѣ скорѣе отправляться:
Она теперь сказать вамъ что-то хочетъ.

РОМЕО.

Кто мать ея?

НЯНЯ.

Какъ кто! хозяйка дома,
Мой господинъ честной, преумная,
Предобродѣтельная дама, я
Кормила грудью дочь ея, вотъ ту,
Которая сейчасъ стояла съ вами.
Счастливецъ тотъ, кто будетъ мужемъ ей.

(Отходитъ.)

РОМЕО.

Какъ! Капулетъ? — О, жизнь моя!
Тебя врагу навѣки отдалъ я!

БЕНВОЛІО.

Пора! пора! балъ близокъ къ окончанью!

РОМЕО.

Начало новому,—конецъ его страданью.

КАПУЛЕТЪ.

Какъ, господа? — вы собираетесь?
Постойте — вотъ сейчасъ поспѣетъ ужинъ.
Нельзя? Когда нельзя—такъ такъ и быть!
Всѣхъ васъ, мои почтеннѣйшіе гости,
Благодарю за посѣщенье я;
Покойной ночи вамъ! покойной ночи!
Огня сюда! Эй, факеловъ побольше!
Пора въ постель и мнѣ.

(Къ 2-му Капулету).

Клянуся честью,
Ужъ поздно, другъ, пора намъ на покой!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Юліи и Няни.)

ЮЛІЯ.

Кто этотъ господинъ? скажи мнѣ, няня.

НЯНЯ.

Сынъ стараго Тиберьо и наслѣдникъ.

ЮЛІЯ.

А этотъ, вотъ что къ двери подошелъ?

НЯНЯ.

Какъ кажется, Петрукьо молодой.

ЮЛІЯ.

А тотъ, что въ слѣдъ за нимъ идетъ теперь,
Вотъ тотъ, что не хотѣлъ и танцовать?

НЯНЯ.

Не знаю этого.

ЮЛІЯ.

Поди узнай.
Что если у него ужъ есть подруга?
О, гробъ тогда замѣнитъ мнѣ супруга!

НЯНЯ.

Онъ Ромео и Монтегю вдобавокъ,
Сынъ вашего смертельнаго врага.

9739 9839 10397

Ленинград... центральная БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ЮЛІЯ.

Единственная ненависть моя
Единственной моей любовью стала!
Не зная, — слишкомъ рано увидала,
И увидавъ, узнала поздно я.
О, какъ меня любовь переродила!
Смертельнаго врага я полюбила!

НЯНЯ.

Что, что такое?

ЮЛІЯ.

Ничего, — стихи.
Я слышала отъ кавалера ихъ,
Что танцовалъ со мной.

(Слышенъ голосъ—«Юлія»).

НЯНЯ.

Сейчасъ идемъ.
Зовутъ, пойдемте — зала ужъ пуста.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь, прилегающая къ саду Капулетова дома.

РОМЕО, (Входитъ)

Могу-ль впередъ я, если сердце здѣсь?
Назадъ, ты дряблая земля, ищи
Свой центръ.

(Взбирается на стѣну, спрыгиваетъ въ садъ).

(Входятъ Бенволіо и Меркуціо)

БЕНВОЛІО.

Эй, Ромео, другъ Ромео!

МЕРКУЦІО.

Уменъ твой Ромео; клянусь душой,
Онъ спрятался теперь въ своей постелѣ.

БЕНВОЛІО.

Онъ этою дорогою бѣжалъ
И перелѣзъ чрезъ эту стѣну въ садъ.
Покличь его, мой другъ Меркуціо.

МЕРКУЦІО.

Не кликать я, а заклинать ужъ буду;
Эй, Ромео! мечтатель, сумасшедшій!
Огонь и страсть! явись къ намъ въ видѣ вздоха.
Скажи одинъ какой-нибудь стишокъ,
И я доволенъ! Простони: о горе!
Срифмуй любовь и кровь, и кумушкѣ
Венерѣ комплиментъ скажи, пошли
Проклятіе ея сынку слѣпому,
Который мастеръ былъ стрѣлять, когда
Царь Кофетуа въ нищую влюбился.
Не слышитъ онъ,—не шевельнется онъ!
Ужъ нѣтъ его: соколъ нашъ умеръ, умеръ!
Я долженъ заклинать его теперь.
Внимай, внимай: тебя я заклинаю
Глазами яркими, глазами Розалины,
Челомъ ея высокимъ, и устами
Пурпурными, и ножкой стройненькой,
И сокровенными ея красами,
Явись, явись къ намъ въ образѣ своемъ!

БЕНВОЛІО.

Ну, полно—ты его разсердишь этимъ.

МЕРКУЦІО.

За что же тутъ сердиться будетъ онъ,
За что же? заклинаніе мое
Прекрасно, благородно, и во имя
Владычицы его; съ благою цѣлью
Я заклиналъ...

БЕНВОЛІО.

Онъ спрятался теперь
За этими деревьями; онъ ищетъ,
Бесѣды съ тьмой ночною; вѣдь любовь
Его слѣпа, — и темнота идетъ къ ней!

МЕРКУЦІО.

Но если бы любовь была слѣпа,
Такъ-бы любовь не достигала цѣли.
Теперь сидитъ подъ деревомъ онъ вѣрно
И думаетъ: какъ хорошо бы, еслибъ

Красавица его преобразилась
Въ какой нибудь изъ тѣхъ плодовъ по-
спѣлыхъ,
Которые надъ нимъ теперь висятъ.
Прощай же, Ромео: спокойной ночи!
Пойду скорѣй въ свою постель залягу:
Постель муравчатая холодна
И мнѣ вредна. А ты идешь со мной?

БЕНВОЛІО.

Идемъ. Напрасно будемъ мы искать
Того, кто далъ себя найти не хочетъ.

(Уходятъ).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Садъ Капулета.

РОМЕО, (входитъ).

Кто ранъ не зналъ, — надъ мракомъ
тотъ смѣется.

(Юлія показывается у окна).

Но тише, что за свѣтъ блеснулъ въ окнѣ!
О, то—востокъ, а солнце — Юлія!
Всходи, всходи прекрасное свѣтило,
И блѣдную отъ зависти луну
Убей своимъ явленьемъ! Какъ она
Болѣзненно томится, сознавая,
Что ты прекраснѣе ея, хотя
И служишь ей: такъ не служи же ей,
Когда она завидуетъ тебѣ!
О, сбрось же, сбрось съ себя покровъ
весталки;
Томительный покровъ! однимъ безумцамъ
Носить его не тяжко — сбрось его!
Такъ! то — она, моя владычица,
Моя любовь! о еслибъ ты себя
Сама моей владычицей назвала!
Вотъ говоритъ она, но говоритъ
Она безъ словъ... Что нужды до того!
Ея глаза, я вижу, говорятъ....
Я буду отвѣчать.... Я слишкотъ смѣлъ:
Рѣчь не ко мнѣ ея. Двѣ самыя
Прекрасныя звѣзды на цѣломъ небѣ,
Куда-нибудь за дѣломъ отлучившись,
Просили поблистать ея глаза
Въ свое отсутствіе.... что если бы
Ея глаза на мѣсто ихъ, а здѣзды
Къ ней на чело бы перешли?
О, на ея лицѣ померкли-бъ здѣзды!
Глаза-жъ ея въ эѳирѣ свѣтъ такой
Пролили-бы, что птицы, встрепену-
вшись,
Запѣли-бы, принявши ночь за день!
О, посмотри, какъ на руку она
Склонила голову.... Зачѣмъ, зачѣмъ
Я не перчатка на ея рукѣ!

ЮЛІЯ.

О, горе мнѣ!

РОМЕО.

Тсъ! ... говоритъ она...
О продолжай, мой свѣтлый ангелъ! ты
Надъ головой моей средь ночи блещешь
Въ такой-же славѣ, какъ посланникъ неба
Предъ взорами смущенными людей,
Которые, упавъ на землю навзничь,
На дивнаго посла взираютъ въ страхѣ,
А онъ скользитъ, туманы разсѣкая,
Въ эѳирѣ голубомъ....

ЮЛІЯ.

О, Ромео!
За чѣмъ ты — Ромео! О, отрекись
Отъ своего отца и откажись
Отъ своего названья! Если жъ ты
Не хочешь — поклянись любить меня —
И я ужъ болѣе — не Капулетъ!

РОМЕО (про себя).

Еще-ли слушать мнѣ, или говорить?

ЮЛІЯ.

Одно твое названье только врагъ мнѣ;
Кто—ты? Не Монтэгю—нѣтъ! ты—тысамъ!
Что Монтэгю такое? это вѣдь
Не есть рука, не есть лицо, нога,
Иль часть другая человѣка!
О, назовись ты именемъ другимъ!
Что въ имени! — какъ розу ни зови—
Она всегда прекрасна, благовонна;
И Ромео останется всѣ тотъ-же,
Какъ ни зови его! о Ромео,
Отбрось-же ты, отбрось свое названье,
И за него, за этотъ звукъ пустой,
Возьми ты всю меня!....

РОМЕО.

На этомъ словѣ
Тебя ловлю я; — о, скажи мнѣ только

Что я любимъ — и вновь я окрещенъ!
Отнынѣ я не Ромео!

ЮЛІЯ.

Кто ты,
Въ тѣни ночной подслушавшій меня?

РОМЕО.

По имени теперь я не умѣю
Назвать себя. Мнѣ тяжко, ненавистно
Названье, ненавистное тебѣ;
И существуй оно лишь на бумагѣ,
Я-бъ разорвалъ его и уничтожилъ.

ЮЛІЯ.

Мой слухъ ста словъ въ себя еще не принялъ,
А мнѣ знакомъ языкъ, звучащій ими.
Не Ромео ли ты, не Монтэгю ли?

РОМЕО.

Не Ромео, не Монтэгю, когда
Тебѣ, моя святая, не-угодно.

ЮЛІЯ.

За чѣмъ и какъ, скажи, сюда пришелъ ты?
Стѣна и высока и неприступна;
Ильты забылъ, кто ты, въ какомъ ты мѣстѣ?
Что, еслибъ ты внезапно повстрѣчался
Моимъ роднымъ?

РОМЕО.

Любви на легкихъ крыльяхъ
Перелетѣлъ чрезъ эту стѣну я;
Любовь смѣла: — она на всё дерзаетъ,
И потому твои родные мнѣ
Не могутъ быть преградой!

ЮЛІЯ.

Они
Убьютъ тебя, когда увидятъ здѣсь!

РОМЕО.

Ахъ! взоры мнѣ твои опасней,
Чѣмъ двадцать ихъ мечей; и если только
Твой свѣтлый взоръ свѣтлѣе взглянетъ,
Я закаленъ и не боюсь ихъ злобы!

ЮЛІЯ.

Не дай имъ Богъ здѣсь встрѣтиться съ тобой!

РОМЕО.

Отъ нихъ меня скрываетъ мракъ ночной;
Но ежели твоей любовью я
Не овладѣлъ — то пусть меня найдутъ:
Мнѣ лучше смерть отъ ихъ мечей, чѣмъ жизнь,
Лишенная твоей любви! —

ЮЛІЯ.

Скажи,
Кто указалъ тебѣ сюда дорогу?

РОМЕО.

Любовь! она меня и научила
Искать тебя — она дала совѣтъ.
А я ей далъ глаза. Не кормчій я;
Но еслибъ ты была на берегу
Противномъ и далекомъ океана, —
Пустился бъ за такимъ алмазомъ я.

ЮЛІЯ.

Лицо мое скрываетъ маска ночи,
И потому не можешь видѣть ты,
Какимъ румянцемъ стыдъ его покрылъ
За всё, что ты, подкравшися, услышалъ:
И я могла бы церемонной быть,
И ловко бы могла отъ словъ своихъ
Отречься, но — прощайте вы, приличья!
Ты любишь ли меня? — я знаю — ты
Мнѣ скажешь да! а я тебѣ повѣрю;
Но не клянись — ты можешь измѣнить:
Зевсъ, говорятъ, смѣется вѣроломству
Любовниковъ. О, милый Ромео,
Скажи мнѣ прямо: любишь ты меня?
Ты, можетъ быть, подумаешь, что слишкомъ
Легко я отдалась тебѣ? Пожалуй —
Сурова буду я, нахмурю бровь
И взорами холодными смотрѣть
На всѣ твои исканья буду... Нѣтъ,
Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!..
Да, Монтэгю, я слишкомъ пламенна,
И потому ты можешь вѣтреной
Почесть меня, и думать, что легко
Мной овладѣть; — не вѣрь мнѣ, человѣкъ,
Я постояннѣе, вѣрнѣе буду,
Чѣмъ тѣ, которыя хитрѣй меня,
Которыя искуснѣе меня умѣютъ
Быть недоступными; но, признаюсь,
Я бъ и сама не такъ легко сдалась,
Я бъ и сама была не такъ доступна,
Когда бы ты случайно не подслушалъ,
Невидимый, моей завѣтной тайны,
И прежде, чѣмъ могла я остеречься.
И потому прости меня, не думай,
Что я слаба и слишкомъ вѣтрена: —
Ночь измѣнила мнѣ...

ромео.

Синьора, я
Клянусь священною луной, ея
Серебрянымъ сіяньемъ...

юлія.

Не клянись
Луной, непостоянною луной!
О, я боюсь, чтобъ не была твоя
Любовь измѣнчива подобно ей.

ромео.

Но чѣмъ же клясться мнѣ?

юлія.

Не надо клятвы!
Но если хочешь ты, то поклянись
Самимъ собой, собою — божествомъ
Моей любви — и я всему повѣрю.

ромео.

О, если страсть моя...

юлія.

Довольно! нѣтъ,
Нѣтъ — не клянись... я не нарадуюсь
Тебѣ; но, Ромео, меня пугаетъ
Ночной союзъ нашъ: такъ нежданно, быстро,
Поспѣшно такъ, такъ сходно съ молніей,
Которая блеснетъ, и прежде чѣмъ
Ты скажешь: — молнія — уже исчезнетъ.
Прощай, мой Ромео, прощай! Дай Богъ,
Чтобы цвѣтокъ любви дыханьемъ лѣта
Совсѣмъ развился къ первой нашей встрѣчѣ!
Ночь добрая! Пусть будетъ такъ же сладокъ
Твой сонъ, какъ сладко мнѣ дышать теперь!

ромео.

И ты, меня не успокоивъ, хочешь
Оставить?

юлія.

Но чего жъ, мой Ромео,
Желаешь ты?

ромео.

Обмѣна клятвъ!. ..

юлія.

О, я
Свою давно тебѣ уже отдала,
Тогда еще, когда ты не просилъ.
Теперь бы вновь ее имѣть желала...

ромео.

Такъ ты ее желаешь взять назадъ?
Но для чего жъ, моя любовь?

юлія.

Чтобъ снова
И въ тотъ же мигъ тебѣ отдать ее.
Но я имѣю то, чего желаю:
Какъ море, безгранична моя щедрость,
Какъ море, глубока моя любовь,
Чѣмъ больше я тебѣ даю,
Тѣмъ больше я имѣю: безконечно
И то и это.

(няня зоветъ ее извутри.)

Но я слышу шумъ.
Прощай, мой другъ. — Сейчасъ иду я, няня!
Не измѣнись, прекрасный Монтэгю!
Постой — я возвращусь въ одно мгновенье.

ромео.

О, ночь счастливая, счастливая!
Боюсь я, чтобы не проснуться мнѣ!
Нѣтъ, это сонъ — роскошный, чудный сонъ!

юлія.

Еще, мой Ромео, еще три слова,
Потомъ прощай ужъ въ самомъ дѣлѣ. Если
Любовь твоя чиста и благородна,
И если бракъ — намѣренье твое,
То дай мнѣ знать съ тѣмъ человѣкомъ завтра,
Котораго къ тебѣ пайду прислать я:
Гдѣ и когда обрядъ свершиться долженъ.
Къ твоимъ ногамъ мою судьбу кладу,
И за тобою, мой властитель,
На край вселенной я пойду!

няня, внутри.

Синьора!

юлія.

Хорошо — сейчасъ. Но если
Ты затаилъ въ душѣ другое, — я
Прошу тебя...

няня, внутри.

Синьора Юлія!

юлія.

Сейчасъ, сейчасъ иду... Тогда оставь
Меня, оставь меня, моей тоскѣ...
Такъ завтра я пришлю къ тебѣ.

РОМЕО.

Клянусь
Моей душой...

ЮЛІЯ.

Прощай! сто разъ, сто разъ
Ночь добрая тебѣ!

(Уходитъ.)

РОМЕО, одинъ.

И во сто разъ,
Она мнѣ стала хуже безъ тебя!
Любовь къ любви, какъ мальчики изъ школы,
Нейдетъ—летитъ, и такъ же, какъ они
Лѣниво, пасмурно плетутся въ школу;
Съ любовью разлучается любовь...

ЮЛІЯ, вновь появляется у окна.

Эй, Ромео, мой Ромео!—Зачѣмъ
Сокольничаго голосъ не данъ мнѣ,
Чтобы тебя, мой соколъ благородный,
Назадъ призвать! Неволя шопотомъ
Лишь можетъ говорить—не то бы я
На части всю пещеру раздробила,
Гдѣ нимфа Эхо спитъ, и повтореньемъ
Названья милаго заставила-бъ
Ее охрипнуть.

РОМЕО.

То она зоветъ,
Моя владычица—ея то голосъ!
Какъ музыка, серебряный и нѣжный,
Ночной порой звучитъ любимый голосъ!

ЮЛІЯ.

Мой Ромео!

РОМЕО.

Прекрасный ангелъ мой!

ЮЛІЯ.

Въ какомъ часу къ тебѣ прислать мнѣ завтра?

РОМЕО.

По утру въ девять.

ЮЛІЯ.

Въ девять?—хорошо.
Такъ жди жъ—пришлю. Мнѣ этотъ срокъ, мой милый,
Покажется, я знаю, цѣлымъ вѣкомъ!
Тебя звала за чѣмъ-то я—а вотъ—
Совсѣмъ забыла.

РОМЕО.

О, позволь, позволь
Остаться мнѣ, пока ты снова вспомнишь!

ЮЛІЯ.

Я буду все позабывать, пока
Передо мной ты будешь оставаться.
Я буду помнить лишь одно: тебя
И то, что ты передо мной, и какъ
Отрадно мнѣ сообщество твое.

РОМЕО.

О, если такъ—отсюда я ни шагу,
Чтобъ дольше ты могла припоминать,
Чтобъ больше я на мѣстѣ оставался,
Забывъ, что есть другое мѣсто въ мірѣ.

ЮЛІЯ.

Ужъ скоро утро,—мнѣ хотѣлось бы,
Чтобъ ты ушелъ, но знаешь, какъ ушелъ?
Какъ птичка у ребенка шалуна,
Вспорхнувъ съ руки, немножко отлетаетъ,
Но плѣнную на шелковомъ снуркѣ
Шалунъ къ себѣ обратно привлекаетъ.

РОМЕО.

О, я желалъ бы птичкой быть твоей.

ЮЛІЯ.

Я все бы отдала сама за это;
Но если бъ ты моею птичкой былъ,
Я задушила бъ ласками тебя!
Прощай! печаль прощальнаго привѣта
Такъ сладостна, что до разсвѣта
«Прощай! прощай!» твердила бъ я!..

(Уходитъ.)

РОМЕО.

Пусть сладкій сонъ твои рѣсницы осѣнитъ
И грудь покой отрадный освѣжитъ!
Желалъ бы въ сонъ теперь я обратиться.
Теперь пора: къ Лоренцо поспѣшу,
Все разсказать, — во всемъ ему открыться,—
И намъ помочь его я упрошу.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Лоренцо съ корзинкою.

ЛОРЕНЦО.

Ужъ брежжитъ день въ туманномъ отдаленьи,

И гонитъ ночь улыбкою своей.
Она бѣжитъ, шатаясь въ утомленьи,
Отъ натиска титановыхъ коней!
Но прежде, чѣмъ сіяющее око
Свѣтила дня зажжетъ края востока
И оживитъ уснувшій міръ собой,
Мнѣ надобно наполнить коробъ мой
Полезными и вредными травами.
Земля есть мать и гробъ природы всей.
И сколько чадъ предъ нашими глазами
На лонѣ матери питаются своей!
И каждое имѣетъ назначенье
Не равное,—но всѣ безъ исключенья
Различныя достоинства хранятъ.
Могучая въ твореньи благодать!
Она видна и въ камнѣ и въ растеньи.
Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ—зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ;—и дѣянье
Достоинство пороку можетъ дать.
Вотъ напримѣръ растенье это взять:
Живительно оно для обонянья
И силою чудесною свѣжитъ,
Но проглоти его, и ядъ ужасный
Мгновенно кровь въ тебѣ оледенитъ.
Въ немъ два врага, враждуя ежечасно,
Принуждены подъ кровлей жить одной.
Такъ благодать святая съ волей дикой
Живутъ въ душѣ и властвуютъ душой,
И если зло вдругъ явится владыкой
Червь смерти съѣстъ тебя, цвѣточекъ мой!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ромео и лоренцо.

РОМЕО.

Привѣтствую тебя съ дневнымъ разсвѣтомъ!

ЛОРЕНЦО.

Благослови Господь—но чей языкъ
Такъ рано мнѣ звучитъ своимъ привѣтомъ?
Мой юный сынъ! Когда въ столь ранній мигъ
Ты добрый день успѣлъ сказать постели,
Такъ стало быть ты боленъ въ самомъ дѣлѣ,
И отъ души твоей далекъ покой.
У старика забота обитаетъ
Въ глазахъ, а гдѣ себѣ она свиваетъ
Гнѣздо, туда не ходитъ гость ночной —
Отрадный сонъ; но гдѣ безпечной головою
Приляжетъ юность, тамъ владыка сонъ,—
Тамъ царствуетъ самодержавно онъ.
Да, да! увѣренъ я, что раннею порою
Тебя съ одра забота подняла.
Когда жъ не такъ,—мой Ромео,—признайся:
Одно изъ двухъ — твоя постель была
На эту ночь пуста: ну, Ромео, покайся.

РОМЕО.

Ты правъ, она пуста была; — но я
Отрадою такою насладился,
Какой и сонъ не дастъ.

ЛОРЕНЦО.

Прости тебя
Господь, прости твой грѣхъ, — ты находился,
У Розалины?

РОМЕО.

Розалина, мой
Отецъ духовный? — нѣтъ! и имя это
Я позабылъ, нѣтъ! злобно надо мной
Не властвуетъ оно.

ЛОРЕНЦО.

Я радъ душой,
Но гдѣ жъ ты былъ, мой сынъ — я жду отвѣта.

РОМЕО.

Не повторяй вопроса своего,
Я все скажу тебѣ и безъ него.
Я былъ на пиршествѣ врага. Мгновенно
Меня въ расплохъ тамъ кто-то уязвилъ,
Но язвой я за язву заплатилъ!
Лишь ты одинъ своей рукой священной

Отъ нашихъ язвъ насъ можешь исцѣлить.
О, мой отецъ! любовью побѣжденный,
Я за врага пришелъ тебя просить!

ЛОРЕНЦО.

Загадками получить отпущенье,
Кто кается загадками въ грѣхахъ.
Мой добрый сынъ! яснѣе будь въ словахъ.

РОМЕО.

Такъ вотъ тебѣ загадки объясненье:
Мою любовь и сердце посвятилъ
Я дочери прекрасной Капулета!
Но я ее люблю не безъ отвѣта:
Въ отвѣтъ ея любовь я получилъ.
Лишь только бракъ союза не скрѣпилъ...
Когда и гдѣ и какъ мы повстрѣчались,
И клятвами въ любви съ ней размѣнялись,
Дорогой все я раскажу тебѣ.
Теперь прошу, дай обѣщанье мнѣ
Сего дня-жъ брачное намъ дать благословенье.

ЛОРЕНЦО.

Святой Францискъ! какое измѣненье!
И такъ потухъ огонь любви твоей
И Розалина позабыта!
О, вижу я! у молодыхъ людей
Не въ сердцѣ глубоко любовь сокрыта,
А лишь въ глазахъ блеститъ. О, Боже мой!
Какое множество воды соленой
Растратилъ ты, красавицей плѣненный!
Не уже ли хотѣлъ соленою водой
Свою любовь ты для того поправить,
Чтобъ, невкусивъ отъ ней, ее оставить?
Лучами солнца не разбитъ
Густой туманъ твоихъ вздыханій,
Мой старый слухъ еще хранитъ
Печальный звукъ твоихъ стенаній.
О! на лицѣ твоемъ не высохли слѣды
Пролитыхъ слезъ,— и если ты былъ *ты*,
И ежели *тебя* мученья тѣ терзали,
То ты и муки тѣ существовали
Для Розалины лишь, — для ней одной!
И вдругъ теперь внезапная съ тобой
Произошла такая перемѣна!
Что скажешь ты на это мнѣ въ отвѣтъ:
Не правда ли, что женщинѣ измѣна
Простительна, когда — въ мужчинѣ силы нѣтъ?

РОМЕО.

Не самъ ли ты давалъ мнѣ наставленье
Забыть ее и за любовь бранилъ?

ЛОРЕНЦО.

Не за любовь, за идолослуженье.

РОМЕО.

Ты погребсти любовь меня просилъ.

ЛОРЕНЦО.

Зарывъ одну, ты вырылъ ужъ другую.

РОМЕО.

Отецъ мой, за любовь мою вторую,
Прошу тебя, не порицай меня!
Теперь любимъ, любимъ взаимно я;
Да! Юлія любовь мою признала,
А прежде я любилъ одинъ...

ЛОРЕНЦО.

О, Розалина, другъ, ужъ видно знала,
Что механически твоя любовь читала,
Не зная буквъ. Но такъ и быть, мой сынъ,
Мой юный вѣтренникъ, ступай за мною.
Мнѣ мысль одна тебѣ помочь велитъ.
Быть можетъ васъ, кипящихъ злой враждою,
Въ союзъ любви сей бракъ соединитъ.

РОМЕО.

О, мой отецъ! идемъ, идемъ скорѣе!

ЛОРЕНЦО.

Не торопись;—шагъ медленный вѣрнѣе.

(Уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Улица.

Входятъ Бенволіо и Меркуціо.

МЕРКУЦІО.

Гдѣ у чорта долженъ быть этотъ Ромео?
Дома ли провелъ онъ эту ночь?

БЕНВОЛІО.

По крайней мѣрѣ не въ домѣ своего отца. Я говорилъ съ его человѣкомъ.

МЕРКУЦІО.

Все это блѣдная, бездушная дѣвчонка,
Все Розалина такъ его терзаетъ!
О, онъ съ ума сойдетъ!

БЕНВОЛІО.

Къ нему прислалъ
Письмо Тибальтъ, племянникъ Капулета....

МЕРКУЦІО.

Вызовъ на дуэль, клянусь жизнію.

БЕНВОЛІО.

Ромео будетъ отвѣчать ему.

МЕРКУЦІО.

Кто умѣетъ писать, тотъ конечно можетъ отвѣчать на письмо.

БЕНВОЛІО.

Нѣтъ, онъ будетъ отвѣчать хозяину письма такимъ же тономъ презрѣнія, какимъ тотъ писалъ къ нему.

МЕРКУЦІО.

Увы, бѣдный Ромео! тебя уже болѣе нѣтъ въ живыхъ! Тебя пронзилъ насквозь черный глазъ блѣдной дѣвочки! Любовная пѣсенка пострѣлила тебя черезъ одно ухо въ другое; твое сердце какъ мишень разваоено стрѣлой слѣпаго малютки стрѣлка.—Ему ли теперь тягаться съ Тибальтомъ?...

БЕНВОЛІО.

Да что же такое твой Тибальтъ?

МЕРКУЦІО.

Да ужъ конечно что-нибудь болѣе, нежели просто царь кошечьяго рода, повѣрь мнѣ. О, это бравый и мужественный герой комплиментовъ. Для него сражаться то же, что для тебя пропѣть пѣсенку; у него все разсчитано: время, разстояніе, пропорція. Онъ не дастъ отдохнуть: разъ, два, и въ третій шпага ужъ въ груди у тебя. Дуэлистъ, дуэлистъ! онъ знаетъ наизусть всѣ правила дуэля. Passado!—punto reverso!—ha!—

БЕНВОЛІО.

Ну, что еще?

МЕРКУЦІО.

Пусть чортъ возьметъ всѣхъ этихъ жеманныхъ, приторныхъ глупцовъ! Ты только и услышишь отъ нихъ: ахъ какой прекрасный клинокъ! ахъ, какой статный молодецъ! — ахъ, какая смазливая дѣвочка!—Не досадно-ли, дружище, что намъ должно терпѣть отъ этихъ заморскихъ мухъ, отъ этихъ модныхъ шутовъ, отъ этихъ pardonnez-moi, которые до того заботятся о новыхъ формахъ, что не усидятъ спокойно на старой скамейкѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ромео.

БЕНВОЛІО.

Вотъ и Ромео, вотъ и Ромео.

МЕРКУЦІО.

Вотъ онъ идетъ, какъ вяленая сельдь! О рыба, рыба!.. Скажи мнѣ, какъ сдѣлался ты рыбой?... Теперь онъ думаетъ о стихахъ, въ которыхъ излился Петрарка. Луара въ сравненіи съ дамою его сердца не болѣе, какъ кухарка; — жаль только, что любовникъ-то ея былъ удалѣе на рифмы; Дидона — толстая баба; Клеопатра—цыганка; Елена и Геро—простыя дѣвки; Тизбе—сѣроглазая дѣвчонка или что-нибудь подобное... Синьоръ Ромео, bon jour! — французское привѣтствіе вашимъ французскимъ панталонамъ. Славную шутку сыграли вы съ нами вчера!

РОМЕО.

Добраго утра обоимъ вамъ. Какую шутку сыгралъ я съ вами?

МЕРКУЦІО.

А вы забыли, милостивый государь, забыли, что поступили съ нами вчера такъ, какъ будто мы никогда не были знакомы. Теперь поняли вы?

РОМЕО.

Виноватъ, добрый Меркуціо; я имѣлъ тогда важное дѣло; въ такомъ случаѣ, какой былъ со мною вчера, нельзя требовать отъ человѣка, чтобъ онъ помнилъ о мелкихъ приличіяхъ и уходя непремѣнно кивнулъ головою.

МЕРКУЦІО.

Слѣдовательно въ такомъ случаѣ дол-

жно помнить о глубокихъ приличіяхъ и уходя не головой кивнуть, а присѣсть?

РОМЕО.

То есть, ты хочешь сказать — быть черезчуръ вѣжливымъ?

МЕРКУЦІО.

Такъ, такъ, ты попалъ.

РОМЕО.

Невозможно вѣжливѣе объясняться.

МЕРКУЦІО.

О, я могу назвать себя цвѣткомъ вѣжливости, потому-что остроуміе мое цвѣтетъ.

РОМЕО.

Какъ предъ лѣтомъ?

МЕРКУЦІО.

Продолжай, продолжай. Пока ты будешь развивать свою остроту, прудъ отцвѣтетъ, вода выхлынетъ—и бѣда тебѣ!

РОМЕО.

О водяное остроуміе, о жалкое остроуміе, поражающее только своею безцвѣтностію!

МЕРКУЦІО.

Добрый Бенволіо, разними насъ; остроуміе мое изнемогаетъ.

РОМЕО.

Погоняй и шпорь, погоняй и шпорь! или я провозглашу побѣду.

МЕРКУЦІО.

Да, если твои остроты будутъ все такъ-же скакать гусемъ, какъ дикіе гуси и такъ-же быстро одна за другою,—то я погибъ, — и не мудрено: въ каждомъ изъ чувствъ твоихъ гораздо болѣе дичи, — виноватъ! болѣе быстроты дикаго гуся, хотѣлъ я сказать, нежели у меня во всѣхъ пяти. Впрочемъ, признаться, вѣдь и мои остроты также скакали гусемъ.

РОМЕО.

Милый Меркуціо! Кто же сомнѣвался въ твоихъ гусиныхъ свойствахъ?

МЕРКУЦІО.

За эту шутку я укушу тебѣ ухо.

РОМЕО.

Нѣтъ, добрый гусь, не кусайся.

МЕРКУЦІО.

Твое остроміе черезъ-чуръ острый соусъ.

РОМЕО.

Развѣ такой соусъ не лучше всякаго другаго идетъ къ черезчуръ сладкому гусю?

МЕРКУЦІО.

О, Ромео, твое остроуміе растягивается точь въ точь, какъ козья шкура отъ вершка до полу-сажени.

РОМЕО.

Что же? Если оно въ самомъ дѣлѣ такъ растягивается, то и ты такъ же растягиваешься, потому-что мое остроуміе полно тобою,—и выходитъ, что ты въ длину и ширину величайшій гусь изъ всего рода гусей.

МЕРКУЦІО.

Ну вотъ суди самъ:—не лучше ли это, чѣмъ взыхать отъ любви? Теперь ты милъ и любезенъ, теперь ты настоящій Ромео, теперь ты сталъ тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть, какъ по природѣ своей, такъ и по воспитанію. Эта глупая любовь рѣшительно походитъ на дурачка, который бѣгаетъ взадъ и впередъ, высунувъ языкъ и ищетъ мѣстечка, куда бы всунуть свою куклу.

БЕНВОЛІО.

Будетъ, — полно! стой здѣсь.

МЕРКУЦІО.

Если еще только будетъ полно, то зачѣмъ же ты перервалъ меня—и не далъ мнѣ дополнить?

БЕНВОЛІО.

Для того, чтобъ ты не переполнилъ.

МЕРКУЦІО.

О, нѣтъ, ты ошибаешься: я дошелъ было до такой глубины, которую не только переполнить, но и наполнить нельзя.

РОМЕО.

Друзья, смотрите: какой дорогой товаръ посылаетъ намъ Богъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, няня и Петро.

МЕРКУЦІО.

Парусъ, парусъ, парусъ!

БЕНВОЛІО.

Цѣлыхъ два: юбка и штаны.

НЯНЯ.

Піетро!

ПІЕТРО.

Что угодно?

НЯНЯ.

Мое опахало, Піетро!

МЕРКУЦІО.

Пожалуйста, добрый Піетро, дай ей скорѣе опахало; пусть она закроется, тогда право пріятнѣе будетъ смотрѣть на нее.

НЯНЯ.

Подай вамъ Богъ доброе утро, синьоры.

МЕРКУЦІО.

Пошли вамъ Богъ добрый вечеръ, прекрасная синьора.

НЯНЯ.

Развѣ теперь вечеръ!

МЕРКУЦІО.

Да, да! около вечера! Наглая рука кадрава хватаетъ уже за хвостъ полудня. *(Заступаетъ дорогу).*

НЯНЯ.

Отойдите прочь! Что вы за человѣкъ?

РОМЕО.

Человѣкъ, которымъ природа плюнула на себя.

НЯНЯ.

Клянусь моимъ цѣломудріемъ, это славно сказано: — плюнула на себя, — очень остро сказано. Синьоры, не можетъ ли кто-нибудь сказать мнѣ, гдѣ я могу найти молодаго Ромео?

РОМЕО.

Я скажу вамъ. Но молодой Ромео будетъ старѣе, когда вы его найдете, нежели теперь, когда вы его ищете. За недостаткомъ худшаго, я младшій изъ всѣхъ, которые зовутся этимъ именемъ.

НЯНЯ.

Какъ это хорошо вы говорите.

МЕРКУЦІО.

Ахъ, какъ умно! Стало быть онъ хорошо сказалъ, сказавъ, что онъ хуже всѣхъ. Какъ мило, какъ остроумно!

НЯНЯ.

Если вы точно Ромео, синьоръ, то мнѣ надобно наединѣ переговорить съ вами.

БЕНВОЛІО.

Она хочетъ пригласить его куда-нибудь на таинственный ужинъ.

МЕРКУЦІО.

Эге—сваха, сваха, сваха! ого-го, ату-его!

РОМЕО.

Что ты затравилъ?

МЕРКУЦІО.

Затравилъ да не зайца, синьоръ. Впрочемъ, синьоръ, можетъ быть и зайца, только запеченнаго въ постномъ пирогѣ, такого, который уже посѣдѣлъ и состарѣлся прежде, чѣмъ можно было его съѣсть.

Старый заяцъ сѣдой,
Старый заяцъ сѣдой,
Превосходное кушанье въ постъ.
Но ужъ заяцъ совсѣмъ посѣдѣлъ
Прежде, чѣмъ для стола онъ поспѣлъ.

Ромео, будешь ты нынче въ домѣ своего отца? Мы будемъ тамъ обѣдать.

РОМЕО.

Я буду вслѣдъ за вами.

МЕРКУЦІО.

Прощайте, древняя синьора, прощайте, прощайте!

(Меркуціо и Бенволіо уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ромео, няня и Піетро.

НЯНЯ.

Скажите мнѣ, синьоръ, что за человѣкъ этотъ грубіянъ?

РОМЕО.

Человѣкъ, няня, который очень любитъ слушать себя и который наговоритъ въ продолженіи одной минуты столько всякой всячины, что и самъ не разберетъ въ цѣлый мѣсяцъ.

НЯНЯ.

Если онъ осмѣлится чернить меня, то будь онъ въ десять разъ сильнѣе, я спра-

влюсь съ нимъ и съ двадцатью такими разбойниками. Подлый негодяй! Что онъ? своего брата-повѣсу, что-ли, нашелъ во мнѣ? (*къ Піетро*). А ты что стоишь тамъ? Тебѣ и горя мало, что всякой негодяй дѣлаетъ изъ меня забаву себѣ.

ПІЕТРО.

Я не видалъ, чтобы кто-нибудь дѣлалъ изъ васъ забаву себѣ, а если бы увидѣлъ, то я бы тотчасъ обнажилъ свой мечь. Я не хуже другаго умѣю обнажать мечь, когда представится случай къ доброй ссорѣ, и когда справедливость на моей сторонѣ.

НЯНЯ.

Я такъ разсердилась, что, передъ Богомъ, всѣ члены дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ. Подлецъ негодный! — Прошу, синьоръ, перемолвить со мною словечко. Какъ я ужъ сказала, моя молодая госпожа послала меня отыскать васъ; что она велѣла сказать—я еще не скажу. Прежде позвольте мнѣ отъ себя сказать вамъ, что на вашей душѣ, какъ говорится, будетъ большой грѣхъ, когда вы ее сдѣлаете несчастною; она такая молоденькая; и если вы ее обманете, то вѣдь, вы знаете, обманывать молодую дѣвушку, да еще благородную — очень дурно, не хорошее очень дѣло.

РОМЕО.

Няня, отнеси мой привѣтъ своей госпожѣ; я *протестую*....

НЯНЯ.

Добрая душа!—Повѣрьте моей чести, синьоръ, я все это ей скажу. Боже мой, Боже, какъ-же обрадуется она.

РОМЕО.

Что же ты ей скажешь, няня? ты меня не выслушала.

НЯНЯ.

Ахъ, синьоръ! я ей скажу, что вы *протестуете*; вѣдь это дворянское словцо,—какъ мнѣ этого не понять!

РОМЕО.

Скажи ей, чтобы она нашла предлогъ выйти сего дня послѣ обѣда изъ дому и чтобъ она пришла къ Лоренцо; въ его жилищѣ будетъ совершенъ брачный обрядъ; возьми это за труды.

НЯНЯ.

Нѣтъ, синьоръ, нѣтъ, ни одной монетки не возьму.

РОМЕО.

Полно, полно: я прошу тебя, возьми.

НЯНЯ.

Сегодня послѣ обѣда, синьоръ? — хорошо—она будетъ тамъ.

РОМЕО.

Ты жъ, няня добрая, побудь тогда
За монастырскою оградой. Тамъ
Мой человѣкъ найдетъ тебя, онъ дастъ
Веревочную лѣстницу тебѣ,
По этой лѣстницѣ таинственною ночью
Достигну я ступени высочайшей —
Блаженства высочайшаго...
Прощай—и будь вѣрна—награда будетъ.
Прощай—привѣтъ мой госпожѣ своей.

НЯНЯ.

Благослови васъ Богъ на небесахъ!
Ахъ — да, послушайте, синьоръ!

РОМЕО.

Что, няня,
Что хочешь ты сказать?

НЯНЯ.

Скажите-ка,
Надеженъ ли вашъ человѣкъ, синьоръ?

РОМЕО.

О, какъ булатъ—за это я ручаюсь.

НЯНЯ.

Ну хорошо, синьоръ. Какая милая дѣвушка моя госпожа. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Когда она была еще вотъ этакой маленькой дѣвочкой и только что начинала лепетать... о, здѣсь въ Веронѣ есть одинъ знатный графъ Парисъ; ужъ какъ хочется ему полакомиться ею! а она, моя любочка, скорѣе согласится смотрѣть на жабу, ла, синьоръ, на жабу, чѣмъ на него. Когда мнѣ захочется посердить ее, я начну хвалить Париса; повѣрьте моей совѣсти, синьоръ—она вся такъ и побѣднѣетъ, — ни дать ни взять самое бѣлое полотно. Скажите, *Розмаринъ и Ромео* начинаются съ одной буквы?

ромео.

Да, няня,—Но къ чему это?—да, оба эти слова начинаются съ буквы *Р*...

няня.

Ахъ, насмѣшникъ! вѣдь это собачья буква. *Р*—такъ говорятъ собаки. Нѣтъ, я знаю, оно начинается съ какой-нибудь другой буквы; — а ужъ какъ это она тамъ славно говоритъ объ васъ и о розмаринѣ,—ужъ бы вамъ точно было любо послушать.

ромео.

Скажи мой привѣтъ своей госпожѣ.

(Уходитъ).

няня.

И, да пожалуй хоть тысячу разъ. Піетро!

піетро.

А?

няня.

Піетро, возьми мое опахало и ступай впередъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Садъ Капулета.

юлія, одна.

Какъ няню я послала, было девять;
Чрезъ полчаса она притти хотѣла.
Что если не найдетъ она его?...
Не можетъ быть... она замѣшкалась;
О, какъ неповоротлива она!
По настоящему любви гонцами
Должны бы мысли быть: онѣ летаютъ
Быстрѣе въ десять разъ, чѣмъ солнца луч,
Который съ горъ сгоняетъ тѣнь ночную.
Вотъ почему любви богиня ѣздитъ
На голубяхъ, вотъ почему Эротъ
Вооруженъ воздушными крылами.
Ужъ верхней высоты въ своемъ пути
Достигло солнце, ужъ теперь двѣнадцать,
Ужъ три часа прошло отъ девяти.
Ее жъ все нѣтъ какъ нѣтъ. О, если бъ въ ней
Кипѣла кровь, жизнь юная играла,
Какъ быстро бы тогда она летала!
Мои слова къ нему, его слова
Ко мнѣ—ее какъ мячь-бы посылали...
Но эти старики—подумаешь—
Что мертвые—чуть движутся—ползутъ...
И тяжелы и блѣдны какъ свинецъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Юлія, няня и Піетро.

юлія.

О, Боже мой! вотъ, вотъ она идетъ!
Что няня милая, что ты несешь?
Ну, что,—скажи, ты видѣла его?
Пусть человѣкъ твой выдетъ...

няня.

Піетро, выдь.
Стань у дверей.

юлія.

Ну, миленькая няня.
Теперь... Творецъ! — Какой печальный видъ!...
Когда твои извѣстія печальны,
Ты ихъ разсказывай съ лицомъ веселымъ;
А если добрыя ты вѣсти принесла,
Не порти-жъ музыки вѣстей веселыхъ
Своимъ лицомъ печальнымъ...

няня.

Уфъ,— постойте!
Вотъ, отдохну — устала, мочи нѣтъ.
Охъ, Боже мой, такъ кости всѣ и ломитъ!

юлія.

Охотно бъ я за новости твои
Свои бы кости отдала тебѣ!
Ну, разскажи жъ мнѣ, няня милая!
Пожалуйста, — скорѣе разскажи...

няня.

Ахъ, мой Творецъ! вѣдь насъ никто не гонитъ.
Какъ будто вамъ нельзя и подождать?

Вы видите: едва могу дышать,
Перевести духъ дайте.

ЮЛІЯ.

Какова!
Она дышать не можетъ!... У тебя
Вѣдь достаетъ же духу мнѣ сказать,
Что ты дышать не можешь? Вмѣсто всѣхъ
Ненужныхъ словъ, всѣхъ этихъ увѣре-
реній
Что ты не можешь говорить — ты мнѣ
Давно бы все у спѣла разсказать.
Что принесла ты мнѣ? Какую новость?
Хорошую или дурную вѣсть?
На это отвѣчай, на это только —
А прочаго я буду ждать спокойно.
О, успокой меня — скажи скорѣе —
Хорошую или дурную вѣсть?

НЯНЯ.

Ну, признаюсь — промахнулись же вы; не умѣете выбирать мужчинъ. Ромео! Нѣтъ, не то... хотя у него самое красивое лицо, однакожъ такихъ стройныхъ ногъ, какъ у него, не найти нигдѣ. Что же касается до его рукъ, до его стана, то, хотя объ нихъ не стоитъ и говорить, — они превосходятъ всякое сравненіе. Хоть его и нельзя назвать цвѣткомъ вѣжливости, но и за это ужъ я постою, онъ кротокъ какъ агнецъ. Ступай своею дорогой, дѣвушка, и служи Богу.— Да что, вы ужъ обѣдали?

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ... Все это знала я и прежде. Что онъ сказалъ о бракѣ, что о бракѣ?

НЯНЯ.

Охъ, Боже мой! Какъ голова болитъ!
Что у меня за голова такая!
Такъ и стучитъ! какъ будто на двад-
цать
Частей она распасться хочетъ.
А поясница-то какъ ломитъ, Боже мой!
Охъ! поясница, поясница!.. Вы
Теперь должны бы совѣстью терзаться,
Задавши мнѣ такую гонку... Вѣдь это
Хоть въ гробъ ложись.

ЮЛІЯ.

Клянусь, мнѣ право жаль,
Что ты себя такъ дурно чувствуешь.
Ахъ, няня милая, скажи, скажи
Что говорилъ тебѣ мой Ромео!

НЯНЯ.

Онъ говорилъ, какъ честный дворянинъ
И добрый, и учтивый и красивый,
И добродѣтельный, — могу ручаться!
Гдѣ ваша маменька?...

ЮЛІЯ.

Гдѣ маменька?..
Какъ гдѣ?—тамъ въ комнатахъ—гдѣ жъ
быть ей больше?
Ахъ, какъ ты странно отвѣчаешь мнѣ!
Онъ говорилъ какъ честный дворянинъ—
Гдѣ ваша маменька?..

НЯНЯ.

Господь ты мой!
Какой огонь — поди-ка ты, пожалуй.
Спасибо — вотъ награда за труды,
Вотъ и лекарство для костей больныхъ!
Извольте-ка теперь ходить вы сами
А я для васъ не стану больше бѣгать.

ЮЛІЯ.

Да полно же тебѣ: скажи скорѣе,
Скажи, что Ромео?

НЯНЯ.

Позволено
Итти сего-дня вамъ на исповѣдь?

ЮЛІЯ.

Да.

НЯНЯ.

Если такъ, ступайте жъ вы къ
Лоренцо.
Вы у него себѣ найдете мужа,
Который сдѣлаетъ женою васъ...
Ну, вотъ, теперь и щечки распвѣли,
Такъ и горятъ — о, молодая кровь!
Скорѣй, скорѣй готовьтесь въ церковь,
я жъ
За лѣстницей для Ромео пойду,
По ней онъ къ вамъ ужо взобраться
долженъ.
Нѣтъ — прежде я пойду поѣмъ — а вы
Не мѣшкая идите-ка къ Лоренцо.

ЮЛІЯ.

Спѣшу туда, гдѣ счастье ждетъ меня.
Прощай же, няня добрая моя.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жилище Лоренцо.

Лоренцо и Ромео.

ЛОРЕНЦО.

О, небо! улыбнись на этотъ бракъ,
Да не смутятъ насъ въ будущемъ бѣды!

РОМЕО.

Аминь, аминь! но пусть придетъ бѣда,
Когда и какъ себѣ захочетъ!
Не перевѣсить ей того блаженства,
Которое даетъ одна минута мнѣ
Во взглядѣ на нее. Пусть бракъ святой
Соединитъ навѣки наши руки —
Тогда любви губительница — смерть
Пусть явится, пусть дѣлаетъ она
Все, все, что у нея во власти сдѣлать;
Мнѣ только бъ Юлію назвать своею —
И этого довольно для меня.

ЛОРЕНЦО.

Такой восторгъ насильственный и быстрый
Насильственно и быстро умираетъ
Въ мигъ полнаго разгара своего.
Такъ съ порохомъ огонь поцѣловавшись
Уничтожается въ мгновенной вспышкѣ;
И слишкомъ сладкій медъ почти всегда
Бываетъ приторенъ и портитъ вкусъ.
И потому умѣренно люби,
Когда любить ты хочешь прочно, вѣрно.
Не слишкомъ медленно, не слишкомъ быстро
Иди,—когда притти желаешь въ пору.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Юлія.

ЛОРЕНЦО.

Вотъ и сама синьора Юлія.
Смотри—ногою легкою своей
Она едва касается помоста.
Любовники, мнѣ кажется, пойдутъ
Удобно и легко по топкимъ питямъ,
Что въ воздухѣ колеблятся осеннемъ.
Такъ суеты легки!

ЮЛІЯ.

Отецъ мой, добрый вечеръ!

ЛОРЕНЦО.

Благодарить тебя ужъ Ромео
И за меня и за себя возмется.

ЮЛІЯ.

О, если такъ, то и ему привѣтъ
Такой же какъ тебѣ. А то за что же
Благодарить меня теперь онъ будетъ!

РОМЕО.

Ахъ, Юлія! Когда въ твоей душѣ
Такая жъ полнота какъ и въ моей,
И если выразить ее ты въ силахъ,
То освяти своимъ дыханьемъ воздухъ,
Пусть музыкой прольется голосъ твой
И выскажетъ волшебное блаженство,
Которое объяло насъ теперь.

ЮЛІЯ.

Не словомъ, Ромео, богато чувство, —
Своею полнотой оно богато!
И пышныхъ словъ нарядъ ему ненуженъ.
О, бѣденъ тотъ, кто можетъ сосчитать
Все то, чѣмъ жизнь полна бываетъ!
Моей любви богатство такъ велико,
Что я и третьяго не въ силахъ счесть.

ЛОРЕНЦО.

Идемъ, идемъ! скорѣй приступимъ къ дѣлу.
Пока союзъ вашъ церковь не скрѣпила,
Я не могу оставить васъ однихъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Площадь.

Бенволіо, Меркуціо, пажъ его и слуга.

БЕНВОЛІО.

Меркуціо, пожалуйста, уйдемъ.
Того гляди, что встрѣтишь Капулетовъ.
День жаркій — зной, — не избѣжать намъ драки,
Отъ зноя кровь безумная кипитъ.

МЕРКУЦІО.

Ты походишь на тѣхъ молодцовъ, которые, войдя въ таверну, бросаютъ свою шпагу на столъ и говорятъ: дай Богъ, чтобы мнѣ не было сего дня въ тебѣ нужды! И между тѣмъ, когда на нихъ подѣйствуетъ вліяніе второй чарочки, обнажаютъ эту же самую шпагу на трактирщика, и конечно ужъ безъ всякой нужды.

БЕНВОЛІО.

И по этому я похожъ на этихъ молодцовъ?

МЕРКУЦІО.

Да, да! Такого горячаго забіяки, какъ ты, не найдешь въ цѣлой Италіи; нѣтъ никого вспыльчивѣе тебя, когда ты разгорячишься, и никого горячѣе, когда ты вспылишь.

БЕНВОЛІО.

Ну, да къ чему же все это?

МЕРКУЦІО.

О, еслибы можно было найти двухъ такихъ молодцовъ, какъ ты, то мы бы скоро лишились и того и другаго: они бы непремѣнно убили другъ друга. Ты!.. да, ты въ состояніи поссориться съ человѣкомъ за то, что у него на бородѣ однимъ волосомъ больше или меньше, нежели у тебя. Ты можешь поссориться съ человѣкомъ, который грызетъ орѣхи, и потому только, что у тебя глаза орѣховаго цвѣта; о, только твои глаза и могутъ увидѣть въ этомъ предлогъ для ссоры. Твоя голова полна какъ яйцо, и полна ссорами; впрочемъ, отъ частыхъ ударовъ она стала теперь похожа на выѣденное яйцо. Не поссорился ли ты съ кѣмъ-то за то, что тотъ кашлялъ на улицѣ и безпокоилъ твою собаку, которая спала на солнцѣ? Не ты ли затѣялъ ссору съ портнымъ за то, что онъ обновилъ свое платье, не дождавшись праздника? Съ другимъ за то, что онъ на новыхъ башмакахъ посилъ старый бантикъ. И ты, ты хочешь давать мнѣ наставленіе, какъ должно избѣгать ссоръ?

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Тибальтъ съ своими партизанами.

БЕНВОЛІО.

Клянусь головою, сюда идутъ Капулеты!

МЕРКУЦІО.

Клянусь пятою, — мнѣ мало до нихъ нужды.

ТИБАЛЬТЪ, (обращаясь къ сопровождающимъ его).

Не отставайте вы, поближе будьте,
Я съ этими хочу поговорить.
(Подходитъ къ Бенволіо и Меркуціо.)
Синьоры, мой привѣтъ: съ однимъ изъ васъ
Мнѣ нужно бы словечко перемолвить.

МЕРКУЦІО.

Съ однимъ изъ насъ словечко? не льзя-ли соединить съ чѣмъ-нибудь дру-

гимъ; нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы и слово было и ударъ былъ.

ТИБАЛЬТЪ.

О, вы всегда найдете меня готовымъ на это, синьоръ, когда вамъ угодно будетъ подать поводъ.

МЕРКУЦІО.

А развѣ вы сами не можете найти повода; такъ вамъ надобно подать его?

ТИБАЛЬТЪ.

Меркуціо! ты въ одномъ аккордѣ съ Ромео.

МЕРКУЦІО.

Аккордъ! что это такое? ты не хочешь ли изъ насъ сдѣлать музыкантовъ. Берегись: ты не услышишь отъ насъ ничего, кромѣ диссонансовъ. Вотъ мой смычекъ, я тебя заставлю плясать подъ него. Чортъ возьми, аккордъ!—

БЕНВОЛІО.

Синьоры, мы стоимъ на площади;
Или уйдемъ куда-нибудь подальше,
Иль объясняйтесь хладнокровнѣе,
Иль разойдитеся. Взгляните, сколько глазъ
На насъ глядятъ.

МЕРКУЦІО.

Глаза на то даны,
Чтобы глядѣть, и никому въ угоду
Я не уйду отсюда, я...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Ромео.

ТИБАЛЬТЪ.

Миръ съ вами,
Синьоръ, сюда идетъ мой человѣкъ.

МЕРКУЦІО.

Я дамъ себя повѣсить, если онъ
Носилъ когда-нибудь ливрею вашу! —
Ступайте въ поле: онъ пойдетъ за вами;
И въ этомъ смыслѣ, не ошиблись вы,
Для вашей чести онъ слуга покорный.

ТИБАЛЬТЪ.

Та ненависть, которую всегда
Питалъ я, Ромео, къ тебѣ, — не можетъ
Привѣта лучшаго придумать, кромѣ
Вотъ этого привѣта: ты подлецъ!

РОМЕО.

Что мнѣ велитъ любить тебя Тибальтъ,
То мнѣ велитъ простить ожесточенье
Привѣта твоего. Я не подлецъ,
Прощай; я вижу, ты меня не знаешь.

ТИБАЛЬТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! не отвертишься ты словами,
Не выкупишь ты ими оскорбленья.
Нѣтъ, становись и обнажай свой мечъ!

РОМЕО.

Не думаю, чтобъ я когда-нибудь
Могъ оскорбить тебя; нѣтъ, ты не правъ:
Напротивъ, я люблю тебя гораздо больше,
Чѣмъ можешь ты вообразить, не зная
Причины, почему люблю тебя.
Итакъ, оставь свою вражду ко мнѣ,
Мой добрый Капулетъ, — о, это имя
Мнѣ также дорого, какъ и мое.

МЕРКУЦІО.

Безкровное, позорное смиренье,
A la stoccata лишь его искупитъ.
(Обнажая мечъ).
Ну, мышеловъ Тибальтъ — не хочешь ли
Со мной схватиться?

ТИБАЛЬТЪ.

Но чего, скажи,
Ты хочешь отъ меня?

МЕРКУЦІО.

Добрый царь кошекъ, не болѣе какъ одной изъ десяти твоихъ жизней. Вытаскивай за уши свой мечъ или твои уши попробуютъ моего меча.

ТИБАЛЬТЪ.

Къ услугамъ вашимъ я...
(Обнажаетъ мечъ).

РОМЕО.

Мой другъ, Меркуціо, вложи свой мечъ!

МЕРКУЦІО.

Ну-ка, синьоръ, passado!
(Они дерутся.)

РОМЕО.

Бенволіо!
Берись за мечъ, обезоружимъ ихъ!
Синьоры, стыдно вамъ, остановитесь!
Меркуціо, Тибальтъ! забыли вы,
Что герцогъ строго запретилъ вступать
На улицахъ веронскихъ въ драку; — стой!

Тибальтъ, Меркуціо, мой добрый другъ!
(Тибальтъ и его партизаны уходятъ.)

МЕРКУЦІО.

Я раненъ;
Чума на ваши домы!—жизнь исчезла;
А онъ ушелъ и не взялъ ничего!

БЕНВОЛІО.

Неужли раненъ ты, Меркуціо?

МЕРКУЦІО.

Немножко оцарапанъ, оцарапанъ?
Довольно этого съ меня, гдѣ пажъ мой?
Эй, лекаря найди мнѣ, негодяй!

РОМЕО.

Не унывай, ты раненъ не опасно.

МЕРКУЦІО.

Да, да! конечно, рана моя не глубже колодца и не шире церковныхъ воротъ; впрочемъ она достаточна, другой не понадобится. Завтра милости прошу къ себѣ:—вы найдете меня пресерьёзнымъ человѣкомъ... Что-жъ? будетъ съ меня! Довольно я повозился на этомъ мірѣ... Чума на оба ваши дома!... О чортъ возьми! Эта собака, эта крыса, эта мышь, эта кошка, эта гадина могла убить человѣка! Хвастунъ, негодяй, подлецъ, который дерется по правиламъ ариѳметики! Какой дьяволъ дернулъ тебя сунуться между нами? Негодяй пронзилъ меня шпагою изъ-подъ твоей руки!

РОМЕО.

Я думалъ сдѣлать къ лучшему...

МЕРКУЦІО.

Ну, пособи, Бенволіо, добраться
Мнѣ до какого-нибудь дома здѣсь.
Я изнемогъ! Чума на ваши домы!
Я милостію ихъ пойду теперь
На кормъ червямъ! Чума на ваши домы!
(Уходятъ Меркуціо и Бенволіо.)

РОМЕО.

Меркуціо, мой другъ, мой вѣрный другъ
И герцога ближайшій родственникъ
Убитъ,—и за меня убитъ, и честь моя
Оскорблена Тибальтомъ, тѣмъ Тибальтомъ,
Съ которымъ я—въ родство вступилъ за часъ!...
О, Юлія, твоя краса меня
Изъ мужа въ женщину преобразила,
Желѣзный мой характеръ размягчила!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ромео и Бенволіо.

БЕНВОЛІО.

О, Ромео! Меркуціо скончался!
Ужъ благородный духъ за облаками!
Какъ рано землю онъ презрѣлъ...

РОМЕО.

О этотъ мрачный, черный день
Впередъ далеко броситъ тѣнь!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Тибальтъ.

БЕНВОЛІО.

Вотъ бѣшеный Тибальтъ идетъ назадъ.

РОМЕО.

И онъ живетъ, и торжествуетъ онъ!
Меркуціо убитъ!—Ступай, ступай
На небеса разборчивая кротость!
Да будетъ бѣшенство съ огнемъ во взорѣ
Руководителемъ моимъ теперь!
Тибальтъ! возьми обратно подлеца,
Котораго ты мнѣ недавно далъ.
Душа Меркуціо недалеко
Теперь еще отъ насъ уйти успѣла, —
И ждетъ она твоей души, Тибальтъ!
Иль ты, иль я, иль оба мы должны
За нимъ итти.

ТИБАЛЬТЪ.

Ты, мальчикъ жалкій, съ нимъ
Соединишься.

РОМЕО.

Это пусть рѣшитъ!
(Бьются; Тибальтъ падаетъ).

БЕНВОЛІО.

Бѣги скорѣе, Ромео, бѣги!
Весь городъ поднялся. Тибальтъ убитъ.
Что ты стоишь, какъ будто оглашенный?
Судъ герцога тебѣ предпишетъ смерть,

Когда ты будешь схваченъ, — о, бѣги,
Бѣги скорѣй!

РОМЕО.

Я случая игрушка!

БЕНВОЛІО.

Что жь ты стоишь?

(Ромео уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бенволіо, гражданинъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Гдѣ тотъ, которымъ былъ
Меркуціо убитъ? какой дорогой онъ,
Тибальтъ, убійца, убѣжалъ? —

БЕНВОЛІО.

Вотъ здѣсь
Тибальтъ лежитъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Во имя герцога
Синьоръ, прошу васъ слѣдовать за мной.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. Герцогъ со свитою; Монтэгю, Капулетъ, ихъ жены и проч.

ГЕРЦОГЪ.

Гдѣ подлые зачинщики кровавой драки?

БЕНВОЛІО.

О, благородный герцогъ! я могу
Тебѣ сказать всѣ обстоятельства
Несчастныя кровавой этой ссоры.
Убійца храбраго Меркуціо,
По крови близкаго тебѣ, — вотъ онъ
Лежитъ сраженъ рукою Ромео.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Тибальтъ, племянникъ мой! сынъ брата моего!
Видъ горестный! Увы! племянникъ мой,
Пролита кровь твоя! — Ты правосуденъ,
О герцогъ! ты—за нашу кровь прольешь
Кровь нашего врага!... Племянникъ мой!
Племянникъ мой!

ГЕРЦОГЪ.

Бенволіо! скажи
Кто началъ ссору?

БЕНВОЛІО.

Тотъ, кто здѣсь лежитъ,
Поверженный рукою Ромео.
Напрасно Ромео старался успокоить
Словами мирными его, напрасно
Ему напоминалъ онъ, какъ ничтожна
Причина ссоры, представлялъ вашъ гнѣвъ...
И это все такъ кротко, такъ смиренно,
И даже униженно говорилъ.
Но тщетно все: Тибальтъ неукротимый
Былъ къ миру глухъ; онъ бросился мгновенно
На храбраго Меркуціо съ мечемъ.
Меркуціо разгорячился также; —
Мечемъ своимъ онъ встрѣтилъ мечъ врага;
Одной рукой съ небрежностью воинской
Онъ отбивалъ напоръ холодной смерти,
Другою жъ отсылалъ ее къ Тибальту
Назадъ—Тибальтъ искусно отражалъ.
Остановитесь, Ромео кричалъ,
Друзья остановитесь, разойдитесь!
И въ тотъ же мигъ быстрѣе слонъ своихъ
Въ средину ихъ онъ ринулся съ мечемъ—
И ловкою рукой мечи развелъ.
Но между тѣмъ изъ-подъ руки его
Тибальта мечъ коварный угодилъ
Въ меркуціеву грудь... Тибальтъ ушелъ,
Но вскорѣ воротился; Ромео
Отмщеньемъ запылалъ тогда,—и вотъ
Быстрѣе молніи они схватились,
И прежде, чѣмъ я мечъ свой вынуть могъ,
Чтобъ ихъ разнять, — Тибальтъ уже лежалъ
Безжизненный, а Ромео ушелъ.
Вотъ все, — я ничего не утаилъ,
И если я солгалъ, казни меня —
Въ твоихъ рукахъ и жизнь, и смерть моя.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Онъ родственникъ убійцѣ, онъ пристрастенъ;
Не правду онъ сказалъ: въ несчастной схваткѣ
До двадцати здѣсь билось человѣкъ —
И двадцать человѣкъ одну сгубили жизнь.
Я правосудія прошу, о герцогъ!
И ты его мнѣ долженъ оказать,
Ты долженъ казнь убійцѣ предписать.

герцогъ.

Тибальта Ромео убилъ,
Меркуціо сраженъ Тибальтомъ былъ!
За эту драгоцѣнную мнѣ кровь
Кто будетъ отвѣчать?

монтэгю.

Не Ромео —
О, герцогъ! онъ былъ другъ Меркуціо;
Онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ-бы законъ:
Его рукой Тибальтъ былъ умерщвленъ.

герцогъ.

И Ромео за это изгоняемъ
Немедленно изъ нашей мы земли!
Вы ссоритесь,—а мы за васъ стралаемъ.
И кровный мой лежитъ въ своей крови.
Отнынѣ буду глухъ для состраданья;
Вы плачете, вы просите меня, —
Но слезы не изгладятъ злодѣянья.
И такъ не нужно слезъ: внимайте мнѣ!
И мигъ одинъ въ моей землѣ
Для Ромео послѣднее мгновенье.
Несите трупъ. Исполнить повѣленье!
Преступникъ тотъ, щадитъ кто преступленье.

(Уходятъ всѣ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Комната въ домѣ Капулета.

юлія, (одна).

Скорѣй, скорѣй, огненноногіе,
Къ жилищу фебову скачите, кони!
Когда бы фаэтонъ, о кони, вами правилъ,
Давно бы васъ онъ къ западу угналъ,
Тѣнистая давно бъ настала ночь!
О ночь, прибѣжище любви, приди
И распусти свой занавѣсъ густой,
Чтобы затмился взоръ идущихъ мимо,
Чтобъ Ромео пришелъ въ мои объятья
Невидимый, никѣмъ не осужденный!
Любовникамъ довольно ужъ свѣтло
Отъ блеска ихъ взаимной красоты!
Кто-му-жь, какъ говорятъ, слѣпа любовь—
Что-жь можетъ съ ней дружнѣе ночи быть?
Иди же ты, торжественная ночь,
Какъ величавая жена, вся въ черномъ!
И научи меня, какъ вмѣстѣ проиграть
И выиграть въ таинственной игрѣ.
Закрой меня, чтобы не видно было,
Какъ мнѣ въ лицо бьетъ дѣвственная кровь;
Закрой меня своей мантильей черной,
И не снимай ея съ меня, пока
Застѣнчивость любви моей пройдетъ,
И долгъ святой смущать ея не будетъ!
О ночь, приди! — мой Ромео приди!
Я жду тебя, ты день во тьмѣ ночной!
На крыльяхъ ночи ты бѣлѣе будешь,
Чѣмъ новый снѣгъ на воронovыхъ перьяхъ!
Ночь милая, ночь полная любви,
Ты, черноокая, иди, иди,
И моего мнѣ Ромео подай!...
А если онъ умретъ, возьми его;
На звѣзды мелкія разрѣжь его:
Онъ небо такъ роскошно озаритъ,
Что цѣлый міръ тебя полюбитъ, ночь,
Хвастливый день тебѣ свой тронъ уступитъ.
Я для себя купила домъ любви,
Но жить въ него еще не перешла;
Я куплена сама, но мой властитель
Не взялъ еще меня, своей покупки.
Мнѣ скученъ этотъ день, какъ ночь ребенку
Нетерпѣливому на свѣтлый праздникъ,
Въ который онъ сбирается надѣть
Свою обновку въ первый разъ. Ахъ, няня!

(Входитъ няня съ веревочною лѣстницею).

И вѣсти мнѣ несетъ. О, тотъ языкъ, который
Лишь имя Ромео произнесетъ,
Небеснымъ краснорѣчіемъ звучитъ!
Ну что ты, милая, что скажешь няня?
Что у тебя въ рукахъ? А, лѣстница,
Что Ромео просилъ тебя достать...

няня.

Да, лѣстница!

(Бросаетъ лѣстницу на полъ).

юлія.

А, горе мнѣ! скажи мнѣ, что случилось?
Зачѣмъ свои ломаешь руки ты?

няня.

О горе намъ! онъ умеръ, умеръ, умеръ!

Погибли мы, синьора, мы погибли!
Несчастный день! онъ умеръ, онъ убитъ!

ЮЛІЯ.

Ужели такъ завистлива судьба!

НЯНЯ.

Нѣтъ не судьбу, а Ромео вините!
О Ромео, о Ромео! кто бъ могъ
Подумать? Ромео!

ЮЛІЯ.

Что ты за дьяволъ —
Что мучаешь меня такою пыткой?
Въ самомъ аду такихъ мученій нѣтъ!
Что? Ромео убилъ себя, убилъ?
Скажи мнѣ *да*, мнѣ только *да* одно —
И этотъ звукъ мнѣ будетъ ядовитѣй,
Чѣмъ смертоносный василиска взоръ.
Иль я, иль этотъ звукъ, по вмѣстѣ мы
Существовать не можемъ. Умеръ онъ?
Скажи мнѣ *да*, и *нѣтъ*, когда онъ живъ:
Отъ этихъ звуковъ жизнь моя зависитъ!

НЯНЯ.

Я видѣла, вотъ этими глазами,
Я рану видѣла — помилуй Боже!
Здѣсь, на груди его широкой рану!
Трупъ бѣдный, жалкій трупъ, кровавый трупъ,
И блѣдный, блѣдный будто пепелъ! весь
Въ крови, въ крови, запекшейся крови...
Я въ обморокъ упала...

ЮЛІЯ.

Сердце, сердце!
О, гдѣ теперь твое богатство? ты
Банкрутъ теперь!...
Въ тюрьму глаза: вамъ больше не видать!
Свободы прахъ презрѣнный, въ прахъ разсыпься!
Остановись, движенье, здѣсь... Одна
Доска меня и Ромео придавитъ.

НЯНЯ.

Тибальтъ, Тибальтъ! Ты такъ меня любилъ!
Такъ вѣжливъ былъ! такъ благороденъ былъ!
Я дожила тебя увидѣть мертвымъ!

ЮЛІЯ.

Со всѣхъ сторонъ противный вѣтеръ дуетъ!
Какъ? Ромео убитъ и мертвъ Тибальтъ!
Любимый братъ! супругъ боготворимый!
Не протрубила-ли послѣдняя труба?
Кто жь живъ еще, когда двухъ этихъ нѣтъ?

НЯНЯ.

Тибальта нѣтъ, — а Ромео въ изгнаньи
За то, что онъ Тибальта умертвилъ.

ЮЛІЯ.

О Боже! Ромео убилъ Тибальта?

НЯНЯ.

Убилъ, убилъ! о горе! умертвилъ!

ЮЛІЯ.

Змѣя, змѣя, сокрытая въ цвѣтахъ!
Когда убѣжище дракона было
Великолѣпно такъ! Злодѣй съ лицомъ
Очаровательнымъ! Духъ злобный тьмы,
Видъ духа свѣтлаго принявшій!...
О, воронъ въ перьяхъ голубиныхъ, агнецъ,
Исполненный свирѣпствомъ лютымъ волка!
Презрѣнный духъ въ богоподобномъ тѣлѣ!
Кто можетъ такъ ссбѣ противорѣчить?
Природа, ты зачѣмъ сходила въ адъ,
Духъ демона зачѣмъ, зачѣмъ впустила
Ты въ рай земной прекраснѣйшаго тѣла?
Видалъ ли кто-нибудь въ такой оправѣ
Съ такимъ ужаснымъ содержаньемъ книгу!
Обманъ въ такомъ великолѣпномъ храмѣ,
Обманъ живетъ...

НЯНЯ.

Ни правды нѣтъ, ни вѣры,
Ни чести у мужчинъ; всѣ вѣроломны,
Измѣнчивы, коварны и притворны!
Эй, человѣкъ! дай мнѣ немного спирту.
Всѣ эти горести, печали, слезы
Меня состарятъ. Стыдъ, позоръ на Ромео!

ЮЛІЯ.

Будь проклятъ твой языкъ за это слово!
Позоръ! Нѣтъ, не рожденъ онъ для позора!
Не смѣетъ стыдъ чела его коснуться.
Стыдъ самъ-себя тогда бы устыдился!
Чело его величественный тронъ
Для повелительницы міра—чести!
Какимъ же я была животнымъ низкимъ,
Когда его дерзнула порицать!

няня.

Вы хвалите того, кѣмъ братъ вашъ былъ
Убитъ?

юлія.

Такъ неужели жь я должна
Супруга порицать? а! бѣдный мой супругъ,
Властитель мой! Теперь какой языкъ
Благословлять твое названье будетъ,
Когда ужъ я, твоя жена, жена,
Неболѣе какъ три часа назадъ,
Проклясть его успѣла!...
Зачѣмъ же брата моего, негодный,
Ты умертвилъ? но этотъ братъ хотѣлъ
Супруга моего убить, — назадъ,
О слезы глупыя, назадъ теките
Къ источнику! — Вы данники печали;
Какою же ошибкой дань свою
Приносите вы радости теперь?
Тибальтъ хотѣлъ супруга моего
Убить, но живъ супругъ — убитъ Тибальтъ!
Прекрасно все: о чемъ же плачу я?
Но есть одна изъ всѣхъ ея вѣстей:
Тибальта смерть ничто въ сравненьи съ ней!
Какъ смертный грѣхъ духъ грѣшника тревожитъ,
Такъ память мнѣ она гнететъ!
Тибальтъ убитъ и изгнанъ Ромео;
О, это *изгнанъ*, это слово *изгнанъ*
Тибальтовъ десять тысячъ умертвило!
Конечно горестна Тибальта смерть,
Но тутъ и все, и если горе любитъ
Являться къ намъ со свитой бѣдъ другихъ,
То для чего за этими словами:
Тибальтъ убитъ, она мнѣ не сказала,
Отецъ твой, или мать, иль даже оба?
Обыкновенная была бъ тутъ горесть.
Тибальтъ убитъ, и изгнанъ Ромео;
И изгнанъ Ромео — два эти слова
Всѣхъ—мать, отца, Тибальта, Ромео
И Юлію, всѣхъ умертвили, всѣхъ!
И изгнанъ Ромео, о въ этомъ словѣ
Нѣтъ ни конца, ни мѣры, ни предѣла!
И слово бы напрасно захотѣло
Всю полноту несчастья передать!
Скажи мнѣ, гдѣ мои отецъ и мать?

няня.

Они надъ трупомъ все Тибальта плачутъ.
Хотите-ли? я васъ къ нимъ проведу.

юлія.

Не обмываютъ ли слезами ранъ его?
Пусть плачутъ, пусть! поплачутъ, перестанутъ.
Когда жь потоки слезъ ихъ всѣ изсякнутъ,
Я объ изгнаніи супруга моего
Свои пролью. Теперь ты, няня, можешь,
Унесть назадъ веревки эти всѣ.
Бѣдняжка лѣстница — жалка ты мнѣ!
Ты не нужна теперь, ты не поможешь
Притти ко мнѣ супругу моему.
Обмануты мы, лѣстница, съ тобою!
Въ изгнаньи онъ: ты не нужна ему;
А я, не бывъ женой, умру вдовою.
Я въ брачную постель теперь пойду,
Не Ромео, а смерть я въ ней найду.

няня.

Ступайте въ комнату свою, а я
Найду вамъ Ромео — утѣшить васъ.
Я знаю, гдѣ его теперь найти.
Увидитесь вы съ нимъ,— пойду скорѣй,
Теперь онъ у Лоренцо.

юлія.

О, найди,
Найди его. И пусть мой вѣрный рыцарь
Надѣнетъ перстень мой: отдай ему.
Проси его притти ко мнѣ проститься.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Жилище Лоренцо.

Ромео и Лоренцо.

лоренцо.

Выдь, Ромео, о боязливый, выдь!
Несчастье въ красоту твою влюбилось,
И грозная судьбина нарекла
Тебя своимъ супругомъ.

ромео.

Мой отецъ,
Что новаго? что герцогъ присудилъ?
Какое же, невѣдомое мнѣ,
Несчастіе со мной знакомства ищетъ?

ЛОРЕНЦО.

Давно тебѣ несчастіе знакомо,
Мой милый сынъ, ты слишкомъ друженъ
съ вимъ.
Я вѣсть тебѣ принесъ о герцогскомъ
Рѣшеніи.

РОМЕО.

Конечно, казнь — не меньше —
Мнѣ судъ властителя опредѣлилъ?

ЛОРЕНЦО.

О нѣтъ! не столь жестокое рѣшенье
Уста его тебѣ произнесли:
Нѣтъ, не на смерть, а только на изгнанье
Ты осужденъ.

РОМЕО.

Га! какъ! изгнаніе?
О, пощади меня: скажи, что смерть!
Ужаснѣе безъ всякаго сравненья,
Ужаснѣе изгнанье для меня,
Чѣмъ смерть... О, Бога ради, мой отецъ,
Не говори, не говори «изгнанье!»

ЛОРЕНЦО.

Ты изъ одной Вероны только изгнанъ,
Такъ успокойся же: вѣдь міръ великъ!

РОМЕО.

Какой же міръ нашелъ ты внѣ Вероны?
Внѣ стѣнъ ея — чистилище, самъ адъ!
Быть изгнану изъ стѣнъ Вероны — зна-
читъ
Быть изгнану изъ міра — умереть!
Вотъ видишь ли — изгнанье значитъ смерть
Подъ ложнымъ именемъ, и называя
Изгнаньемъ смерть, ты голову мнѣ ру-
бишь,
Съ улыбкой, топоромъ позолоченымъ.

ЛОРЕНЦО.

О смертный грѣхъ! какая грубая
Неблагодарность! какъ?... твою вину
Законы наши смертью наказуютъ,
Но добрый принцъ, вступившись за тебя,
Законъ смягчилъ, и слово это — смерть
Изгнаньемъ замѣнилъ — и въ этомъ ты
Не видишь милости?

РОМЕО.

Какая милость?
Да это приговоръ къ мученьямъ пытки!
Гдѣ Юлія живетъ — тамъ рай, тамъ небо!
И даже самыя собаки, кошки,
И всякое презрѣнное твореньe
Не лишено блаженства быть вблизи
Отъ ней, а Ромео его лишенъ!...
Почетнѣе, завиднѣе и выше
Жизнь мухи, чѣмъ моя, да! для нея
Рукъ дивныхъ бѣлизна, рукъ Юліи
Доступна, и она украдкой можетъ
Амвросію похитить съ устъ ея,
Съ тѣхъ цѣломудренныхъ и чистыхъ гу-
бокъ,
Которыя, другъ къ другу прикасаясь,
Отъ собственныхъ лобзавій пламенѣютъ;
А Ромео не можетъ: онъ изгнанникъ!
Я не могу — а мухи, мухи могутъ!
Они народъ свободный — я изгнанникъ!
Еще ль теперь ты станешь говорить,
Что будто бы изгнаніе — не смерть?
Иль для того, чтобъ умертвить меня,
Ты не нашелъ ни яду, ни ножа,
И ничего другаго, кромѣ слова
Ужаснаго «изгнанье»?...какъ!...изгнанье...
Старикъ! въ аду проклятый это слово
Съ стенаніемъ и воплемъ изрыгаетъ...
О, какъ ты могъ, почтенный мужъ, мой
другъ,
Мой духовникъ, какъ могъ ты поразить
Меня такимъ ужаснымъ словомъ? какъ,
Скажи мнѣ, у тебя достало духу
Произнести его?...

ЛОРЕНЦО.

Безумецъ ты, безумецъ!
Дай вымолвить хоть слово мнѣ.

РОМЕО.

Нѣтъ, нѣтъ!
Ты вновь заговоришь мнѣ объ изгнаньи!

ЛОРЕНЦО.

Я средство дамъ тебѣ снести его:
На философію тебя я укажу,
На мудрую цѣлительницу равъ;
Ты съ ней найдешь въ изгнаньи утѣшенье.

РОМЕО.

Опять изгнаніе! Пусть чортъ возьметъ
Всю философію твою! — Когда
Она не можетъ Юлію создать,
Перенести въ другое мѣсто городъ
И герцога рѣшенье измѣнить,
То философія твоя безплодна,
Безсильна, не нужна, — и больше ты
Не говори объ ней ни слова мнѣ.

ЛОРЕНЦО.

Теперь я вижу, что безумцы глухи.

РОМЕО.

Какъ имъ не быть глухимъ, когда вы слѣпы,
Вы — мудрецы!

ЛОРЕНЦО.

Поговоримъ теперь
О положеніи твоемъ.

РОМЕО.

Не можешь ты
И говорить о томъ, чего не чувствуешь!
Когда бы ты такъ молодъ былъ, какъ я,
И еслибъ Юлія была твоею,
И еслибъ ты, назвавъ ее супругой
За полчаса, убійцей сталъ Тибальта,
И такъ-же бъ изгнанъ былъ,—тогдабъ ты
могъ
Что̀ хочешь говорить, рвать волосы
На голонѣ, и на полъ грянуться,
Какъ я теперь, чтобы себѣ
Заранѣе измѣрить гробъ на немъ!...

ЛОРЕНЦО.

Встань, встань! Стучатся, добрый Ромео!
Встань, скройся гдѣ-нибудь.

РОМЕО.

Нѣтъ, нѣтъ!
Не скроюся, когда меня не скроютъ
Моихъ вздыханій облака!

ЛОРЕНЦО.

Ты слышишь,
Стучатся... эй, кто тамъ?... Встань, Ро-
мео!
Ты хочешь, чтобъ тебя схватили?...
встань!
Сейчасъ, сейчасъ!... Вставай скорѣй и
скройся
Вотъ въ эту дверь... Сейчасъ я отопру!...
О какъ же ты упрямъ! Иду, иду!...
Кто тамъ стучится такъ?... кто ты? от-
куда?
Что надобно тебѣ?...

НЯНЯ, (за сценою.)

Впустите прежде;
А тамъ узнаете зачѣмъ и къ вамъ.
Меня синьора Юлія прислала.

ЛОРЕНЦО.

А если такъ, то милости прошу.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и няня.

НЯНЯ.

Ахъ, мужъ святой, скажи мнѣ мужъ
святой,
Гдѣ Ромео, супругъ моей синьоры?

ЛОРЕНЦО.

Тамъ на полу: онъ опьянѣлъ отъ слезъ.

НЯНЯ.

Ахъ точно тѣжь и съ госпожей моей,
Вотъ точно такъ.

ЛОРЕНЦО.

Плачевное
Сочувствіе, и горестное сходство!

НЯНЯ.

Вотъ точно такъ лежитъ она, рыдаетъ
И плачетъ, плачетъ и рыдаетъ... Встань-
те!
Да встаньте же, не стыдно ль: вы муж-
чина.
Я васъ отъ Юліи, для Юліи
Прошу, да встаньте-жь... Боже, какъ вы
это
Такъ глубоко упали въ горесть!...

РОМЕО.

Няня!

НЯНЯ.

Ахъ, мой синьоръ, конецъ нашъ общій
смерть!

РОМЕО.

Объ Юліи ты говорила? Что,
Скажи мнѣ, что не видитъ ли она
Во мнѣ закоренѣлаго убійцу?
Я нашего блаженства первый цвѣтъ
Успѣлъ ужь кровью запятнать, и кровью
Ей родственной. Скажи мнѣ, гдѣ она?
И что она? Что̀ говоритъ она?

НЯНЯ.

О, ничего синьоръ, не говоритъ.
Все плачетъ лишь она, все плачетъ,
плачетъ;
То бросится въ постель, то вскочитъ
вдругъ,
Зоветъ Тибальта,—вдругъ воскликнетъ:
Ромео!
И бросится въ постель.

РОМЕО.

О, это имя
Ее сражаетъ какъ ударъ смертельный!

Такъ, этою рукой, которая
Проклятымъ именемъ заклеймена,
Убитъ былъ родственникъ ея. Старикъ
Скажи мнѣ, о скажи, въ какой же части
Скелета этого названіе
Мое живетъ? скажи, чтобы я могъ
Опустошить жилище ненавистное.
(Извлекаетъ мечь.)

лоренцо.

Останови неистовую руку!
Мужчина-ль ты? по образу мужчина, —
Твои-жъ рыданья—женскія рыданья;
Твои поступки звѣря обличаютъ;
Во образѣ мужчины, женщина
Ты безобразная; нѣтъ лучше—звѣрь
Полъ видомъ женщины и мужа вмѣстѣ.
Ты удивилъ меня, клянусь Франциском!
Я почиталъ тебя благоразумнѣй!
Тибальта ты убилъ, теперь себя
Ты хочешь умертвить, свою супругу,
Которая въ тебѣ лишь и живетъ.
Ты надъ рожденіемъ своимъ, надъ небомъ
И надъ землей ругаешься. Въ тебѣ
И небо и земля черезъ рожденье
Слились, какъ въ человѣкѣ, воедино;
И цѣлое прекрасное ты хочешь
На части раздробить. Стыдись, стыдись
Позорить ты и тѣла красоту,
И умъ твой, и любовь. Какъ ростовщикъ,
Имѣя множество вещей въ залогѣ,
Хранитъ ихъ всѣ безъ пользы для себя,
Такъ точно красота, любовь и умъ
Въ тебѣ внѣ назначенья своего.
Твое столь благородное лицо
Фигурѣ восковой теперь подобно:
Въ немъ силы мужеской нисколько нѣтъ.
Своей любви торжественную клятву
Ты обратилъ въ кощунство, убивая
То существо, которое любить
Ты далъ обѣтъ; твой умъ, который долженъ
Быть украшеніемъ твоей любви,
Твоей наружности, и управлять
Какъ той такъ и другой, забылъ себя;
Обезобразился въ своемъ правленьи;
Онъ пороху теперь подобенъ сталъ
Въ рукахъ у неискуснаго солдата,
Невѣжествомъ твоимъ воспламененный
И причинившій смерть тебѣ, тому,
Кому-бъ защитой долженъ быть всегда-шней.
Опомнись, встань! Жива твоя супруга,
А за нее сейчасъ ты умиралъ;
Тебѣ неимовѣрно служитъ счастье.
Тибальтъ хотѣлъ тебя убить, а ты
Убилъ его,—и это также счастье.
Законъ, тебѣ грозившій смертной казнью,
Сталъ другъ твой, и тебѣ опредѣлилъ
Изгнанье вмѣсто смерти: счастье также.
Ты осѣненъ благословеньемъ свыше,
И за тобой ухаживаетъ счастье.
А ты какъ дѣвочка упрямая,
Капризная изволишь губы дуть
И на судьбу и на любовь свою.
Эй берегись! чтобъ не было и худо!
Иди же ты теперь къ своей супругѣ,
Какъ вы условились,—утѣшь ее!
Однакоже, смотри, не медли тамъ,
А то бѣда:—когда разставятъ стражу,
Тебѣ отсель пробраться будетъ трудно.
Ты въ Мантуѣ до той поры пробудешь,
Когда намъ можно будетъ сдѣлать гласнымъ
Вашъ бракъ, и домы ваши примирить,
И испросить у герцога прощенье.
И возвратишься ты въ свою Верону,—
Тогда ты будешь веселъ, счастливъ
И во сто разъ счастливѣй, веселѣй,
Чѣмъ горестенъ теперь. Ступай ты, няня,
Ступай впередъ, и кланяйся синьорѣ;
Скажи ей, чтобъ она всѣхъ въ домѣ спать
Скорѣе постаралась уложить.
Не трудно сдѣлать это ей: ихъ всѣхъ,
Я думаю, тяжелая печаль
Ужь убаюкала. Вслѣдъ за тобой
Пойдетъ и Ромео.

няня.

Ахъ, Боже мой!
Какъ хорошо: я бъ слушала всю ночь;
Ужъ видно, что ученый говоритъ.
Синьоръ, я госпожѣ моей скажу,
Что вы идете къ ней за мною вслѣдъ.

РОМЕО.

Скажи: Да не забудь сказать ей также,
Чтобъ приготовилась она бранить меня.

НЯНЯ.

Она велѣла вамъ отдать кольцо,
Синьоръ. Поторопитесь, времени
Теперь терять не должно: поздно ужь.
(Уходитъ.)

РОМЕО.

Какъ оживилъ меня подарокъ этотъ!

ЛОРЕНЦО.

Ступай, ступай! да будетъ Богъ съ тобою!
Отъ этого судьба твоя зависитъ.
Смотри-же—до свѣта оставь Верону,
До той поры, когда разставятъ стражу.
Въ противномъ случаѣ переодѣнься.
Ты поселишься въ Мантуѣ, а я
Найду служителя здѣсь твоего,
И буду съ нимъ увѣдомлять тебя
По временамъ о всемъ, что здѣсь случится.
Дай руку мнѣ, ужь поздно, другъ прощай!

РОМЕО.

Мнѣ грустно бы съ тобой разстаться было,
Когда-бъ меня отсюда вызывало
Не высочайшее блаженство въ мірѣ.
Прощай.
(Уходятъ).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Комната въ домѣ Капулета.

Входитъ Капулетъ, синьора Капулетъ и Парисъ.

КАПУЛЕТЪ.

Такъ выпали несчастливо дѣла,
Что съ нашей дочерью мы не успѣли
Поговорить и взять ея согласье.
Вотъ видите ль: она любила очень
Двоюроднаго брата своего,
Тибальта, ну и я любилъ его;
Что жь дѣлать! всѣ для смерти мы родились.
Теперь ужь слишкомъ поздно, и она
Внизъ не сойдетъ. Я бъ самъ, повѣрьте мнѣ,
Давно бы ужь въ своей постели былъ,
Когда бъ не вы и не бесѣда съ вами.

ПАРИСЪ.

Не кстати въ это горестное время,
Я знаю, думать мнѣ о сватовствѣ.
Синьора, доброй ночи; мой поклонъ
Синьорѣ Юліи.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Я передамъ
Привѣтъ вашъ Юліи, и завтра же
По утру я съ ней стану говорить...

КАПУЛЕТЪ.

Ужь за согласье дочери моей
Я отвѣчаю вамъ, синьоръ Парисъ.
Я думаю, что мнѣ она во всемъ
Послушна будетъ—что я говорю?
Тутъ мало—думаю: я убѣжденъ.
Жена, ты погоди теперь ложиться—
Сходи-ка прежде къ ней, и дай ей знать
О предложеньи сына моего
Париса, да скажи ей, слышишь-ли,
Что въ середу,—нѣтъ погоди, постой...
Какой день нынче?

ПАРИСЪ.

Понедѣльникъ нынче.

КАПУЛЕТЪ.

Э! понедѣльникъ! ха, ха, ха! Такъ нѣтъ же, нѣтъ,
Нѣтъ, въ середу ужъ слишкомъ скоро будетъ,
Такъ ужь въ четвергъ. Скажи ей, что въ четвергъ
Она должна съ Парисомъ въ бракъ вступить.
Вы, графъ, что скажете? что? нравится
Поспѣшность эта вамъ... Мы, знаете,
Не будемъ слишкомъ много шуму дѣлать;
Два три не больше друга, а не то
Подумаютъ пожалуй, что Тибальта
Не потревожила насъ смерть;—и такъ
Мы пригласимъ полдюжину друзей,
И все съ концемъ. Ну что вы скажете
О четвергѣ?

ПАРИСЪ.

Синьоръ, я бы желалъ,

Чтобы четвергъ былъ завтра-же.

КАПУЛЕТЪ.

Ну ладно!
Теперь ступайте съ Богомъ. Такъ въ четвергъ.
Сходи же къ Юліи теперь, жена,
И дай ей знать, что свадьбу мы въ четвергъ
Хотимъ сыграть. — Прощайте графъ, прощайте.
Огня мнѣ въ комнату! Теперь такъ поздно,
Что скоро будетъ рано. Ну прощайте.

(Уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната Юліи.

Ромео и Юлія.

ЮЛІЯ.

Не торопись, еще не скоро день:
То соловей, не жаворонокъ, вѣрь,
Пугливый слухъ твой пѣньемъ поразилъ,
Онъ по ночамъ всегда поетъ на томъ
Громадномъ деревѣ,—то соловей,
Повѣрь мнѣ другъ,—то соловей пропѣлъ.

РОМЕО.

То жаворонокъ пѣлъ, — предвѣстникъ утра,
Не соловей, о, милая, взгляни—
Ты видишь ли какъ на востокѣ свѣтъ
Завистливый разсѣкъ тѣ облака.
Сгорѣли ужъ ночныя свѣчи,—день
Веселый всталъ и силится подняться
Надъ этими туманными горами,
Уйду такъ буду живъ, останусь—смерть.

ЮЛІЯ.

Тотъ свѣтъ не свѣтъ дневной, я знаю, знаю.
То посланный отъ солнца метеоръ
Свѣтитъ тебѣ въ твоемъ ночномъ пути.
Останься жъ другъ; еще уйти успѣешь.

РОМЕО.

Такъ пусть меня возьмутъ, пусть повлекутъ
На смерть меня—останусь! Я доволенъ.
Такъ Юлія моя желаетъ. Точно —
Тотъ сѣрый свѣтъ не утра сѣрый глазъ,
То отблескъ блѣдный Цинтіи чела.
Не жаворонокъ, нѣтъ, а соловей
Небесный сводъ такъ громко огласилъ.
Я не уйду, остаться я хочу!
Ну, смерть, добро пожаловать, я радъ;
Такъ хочетъ Юлія... И такъ, мой другъ...
Давай же говорить, не скоро день.

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ наступаетъ онъ. Бѣги,
Бѣги скорѣй, бѣги. То жаворонокъ,
Онъ выводилъ свою нестройную
И непріятную для слуха пѣснь.
Вотъ говорятъ, что жаворонокъ дѣлитъ
На сладкіе аккорды пѣснь свою;
Не правда, нѣтъ! Онъ раздѣлитъ насъ.
Повѣрье есть, что жаворонокъ будто
Глазами съ жабой помѣнялся.
О какъ бы я желала, чтобы онъ
И голосомъ съ ней также помѣнялся:
Изъ рукъ моихъ твою онъ вырываетъ,
Предвѣстникъ дня, тебя онъ изгоняетъ!
Бѣги: востокъ свѣтлѣе и свѣтлѣй!

РОМЕО.

Намъ небосклонъ тѣмнѣе и тѣмнѣй.

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Няня.

НЯНЯ.

Синьора!

ЮЛІЯ.

Няня!

НЯНЯ.

Къ вамъ матушка идетъ. Ужъ разсвѣтаетъ,
Смотрите, берегитесь вы, синьора.

(Уходитъ.)

ЮЛІЯ.

И такъ, окно, ты день ко мнѣ впусти,
Жизнь выпусти.

РОМЕО.

Прощай, прощай!
Лишь поцѣлуй одинъ и я спущусь.

(Ромео спускается).

ЮЛІЯ.

Такъ ты ушелъ? любовь моя, мой другъ,
Властитель мой! О, каждый день въ часу
Увѣдомлять меня ты долженъ о себѣ:
Да, для меня отнынѣ много дней
Въ минутѣ каждой будетъ. Если такъ,
Стара же буду я, когда увижу
Вновь Ромео, супруга моего.

РОМЕО.

Прощай, не упущу ни одного
Я случая прислать тебѣ привѣтъ,
Любовь моя.

ЮЛІЯ.

О Ромео, скажи
Какъ думаешь,—увидимся вѣдь мы?

РОМЕО.

Не сомнѣваюсь я—и, знаешь другъ,
Со временемъ всѣ наши горести
Послужатъ намъ предметомъ разговоровъ:
Какъ будетъ сладко намъ ихъ вспоминать!

ЮЛІЯ.

О Боже мой! какой вомнѣ зловѣщій духъ!
Ты кажешься мнѣ мертвецомъ теперь,
Стоя внизу, иль зрѣніе мое
Обманчиво, иль очень блѣденъ ты.

РОМЕО.

О Юлія, повѣрь: для глазъ моихъ
Ты также мертвой блѣдностью покрыта.
Кровь нашу горесть пьетъ... Прощай, прощай!

(Ромео уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Юлія и синьора Капулетъ.

ЮЛІЯ.

Судьба, судьба! тебя непостоянной
Зовутъ: чего жь ты хочешь отъ него,
Отъ Ромео: онъ славенъ постояствомъ.
Такъ будь же ты, судьба непостоянна
И не удерживай его надолго,
А поскорѣй вазадъ пришли ко мнѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Что, Юлія? ты встала ужь.

ЮЛІЯ.

Кто это?
Никакъ то мать моя? Что это значитъ
Такъ поздно не легла? Такъ рано встала?
Что въ этотъ часъ ее ко мнѣ приводитъ.

(Входитъ синьора Капулетъ.)

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Что Юлія, что скажешь ты?

ЮЛІЯ.

Синьора,
Я дурно чувствую себя.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Все плачешь
О смерти брата своего Тибальта?
Не хочешь ли слезами ты его
Поднять изъ гроба. Еслибъ и могла
Поднять, то не могла бы оживить.
Умѣренная горесть обличаетъ
Любовь,—печаль излишняя всегда
О глупости свидѣтельствуетъ нашей.

ЮЛІЯ.

Такъ ощутительна моя утрата,
Я не могу не плакать....

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Такъ утрату
Ты больше ощутишь, и все таки
Не ощутишь утраченнаго друга.

ЮЛІЯ.

Утрату чувствуя съ такою силой,
Я только и могу о другѣ плакать.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

О Юлія, я вижу плачешь ты
Не столько отъ того, что онъ убитъ,
Какъ отъ того, что тотъ подлецъ живетъ,
Который умертвилъ его.

ЮЛІЯ.

Подлецъ?
Какой подлецъ, синьора?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ромео!

ЮЛІЯ.

Подлецъ и Ромео, ахъ, сколько миль
Ихъ отдѣляетъ отъ Вероны. Пусть
Проститъ его Господь, а я прощаю
Отъ всей души, никто еще, какъ онъ,
Не волновалъ души моей и сердца.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

И потому, что онъ еще живетъ,
Убійца!

ЮЛІЯ.

Да, синьора, что живетъ,
Такъ далеко отъ рукъ моихъ... О, я

Желала бы одна отмстить ему
За смерть Табальта.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Мы отмстимъ, небойся!
И такъ не плачь, я въ Мантую пошлю,
Гдѣ онъ живетъ теперь, изгнанникъ низкій...
Я знаю одного тамъ человѣка,
Который угоститъ его такимъ напиткомъ,
Что скоро онъ къ Тибальту отойдетъ.
Надѣюсь я, что ты довольна будешь.

ЮЛІЯ.

О нѣтъ, не буду я довольна, нѣтъ!
Пока его я не увижу... *мертвымъ!*
Тибальта смерть терзаетъ сердце мнѣ:
О еслибъ вы нашли кого нибудь, синьора,
Снести къ нему мой ядъ; о страшный ядъ
Составлю я, и Ромео, его
Принявъ, въ минуту бы заснулъ спокойно!
Какъ тяжко слышать мнѣ его названье
И не летѣть къ нему... чтобъ отомстить
На тѣлѣ Ромео Тибальта смерть!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Составь свой ядъ, найду я человѣка.
Теперь, дитя мое, скажу тебѣ
Повеселѣе новость.

ЮЛІЯ.

Кстати, кстати.
Веселая во дни печали новость; —
Какая же, прошу я васъ, синьора?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Да, да! дитя мое, въ отцѣ своемъ
Имѣешь ты заботливаго друга;
Чтобъ вывесть изъ тоски твоей тебя,
Онъ праздникъ неожиданный тебѣ
Готовитъ, дочь.

ЮЛІЯ.

Синьора, что за праздникъ?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Дитя мое, въ четвергъ поутру рано
Цвѣтъ нашего дворянства, благородный
И юный графъ Парисъ тебя во храмѣ
Петра — своей супругой назоветъ,
Веселою супругой.

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, клянусь
Петровымъ храмомъ и Петромъ самимъ,
Не буду я веселою супругой.
Мнѣ удивительна поспѣшность эта:
Какъ можетъ онъ искать моей руки,
Не получивъ согласья моего!
Я васъ прошу, скажите моему
Отцу, что не хочу я въ бракъ вступать,
Что еслибъ должно было мнѣ избрать
Себѣ супруга, то скорѣй бы я
Избрала Ромео—вы знаете
Какъ онъ мнѣ милъ—чѣмъ этого Париса.
Да это точно новость для меня.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Отецъ твой самъ идетъ сюда,—скажи
Ему сама, что мнѣ сказала ты,
И посмотри, какъ приметъ это онъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, Капулетъ и няня.

КАПУЛЕТЪ.

Когда закатится на западъ солнце,
На землю падаетъ роса...
Когда же закатилась жизнь Табальта,
Дождь ливмя льетъ...
Какъ, ты еще все плачешь, дочь? все плачешь?
Твой дождь часъ-отъ-часу сильнѣй, сильнѣй!
Изъ маленькой своей особы, дочь,
Ты дѣлаешь подобье моря, лодки
И вѣтра наконецъ. Твои глаза
Могу назвать я моремъ: въ нихъ я вижу
Приливы и отливы бурныхъ слезъ
А тѣло—лодкою средь моря слезъ,
Порывы же твоихъ взыханій—вѣтеръ;
Свирѣпствуютъ ужасно вѣтръ и море,
И ежели они не усмирятся,
То лодочка разбитая грозой
Должна погибнуть. Ну жена, ну что?
Сказала ли ей ты рѣшенье наше?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Сказала я, синьоръ; она не хочетъ,
И васъ благодаритъ. О, лучше бы
Безумная вступила съ гробомъ въ бракъ!

КАПУЛЕТЪ.

Постой, жена! дай мнѣ догнать тебя.

Какъ, какъ? она не хочетъ? какъ? она
Неблагодарною быть смѣетъ, а?
Такъ эта дрянь и не гордится тѣмъ,
Что благороднаго Париса я
Въ супруги выбралъ ей? Она себя
Не назвала счастливѣйшей на свѣтѣ?

ЮЛІЯ.

Я этимъ не горжусь, вы угадали:
Но благодарна я; — гордиться тѣмъ
Я не могу, въ чемъ вижу зло себѣ,
Но я за зло могу благодарить,
Когда его источникъ есть—любовь!

КАПУЛЕТЪ.

Что, что такое, что? ты умничать
Изволишь, — а? Что это значить все?
Горжусь и *благодарна* я и *нѣтъ*,
Не благодарна я и *не горжусь*.
Эй душенька, смотри! Не нужно мнѣ
Ни благодарности, ни гордости твоей!
Разправь-ка деликатные свои
Суставы, — къ четвергу готова будь
Итти во храмъ Петра съ Парисомъ, —
слышишь?
Иль я тебя на петлѣ потащу.
Прочь отъ меня ты, блѣдная дѣвчонка,
Негодное, проклятое изчадье!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Фай, фай! что ты, въ умѣ ли ты своемъ!

ЮЛІЯ.

Мой добрый батюшка, я на колѣняхъ
Молю васъ выслушать меня съ тер-
пѣньемъ.

КАПУЛЕТЪ.

Пусть чортъ тебя возьметъ, негодная
И своевольная дѣвчонка! Слушай,
Не раздражай меня, готова будь
Итти въ четвергъ съ Парисомъ въ цер-
ковь, или
И на глаза не попадайся мнѣ.
Не возражай, не отвѣчай, молчи...
Зудить моя рука. Ну вотъ, жена,
Съ тобой всегда жалѣли мы, что Богъ
Одно лишь дѣтище оставилъ намъ.
Теперь благодарю Его за это!
Намъ въ наказанье Богъ ее послалъ.
Пусть чортъ тебя возьметъ, изчадье ада.

НЯНЯ.

Господь ее спаси! Вамъ грѣхъ, синьоръ,
Такъ обращаться съ ней.

КАПУЛЕТЪ.

Ты что, ты что?
Синьора мудрость,—ты то что? Держи
Покрѣпче свой языкъ, или ступай
Съ нимъ къ кумушкамъ своимъ и тамъ
болтай.

НЯНЯ.

Я словомъ не ушибла никого.

КАПУЛЕТЪ.

О, Господи! спаси насъ и помилуй!

НЯНЯ.

Да развѣ ужъ нельзя и говорить?

КАПУЛЕТЪ.

Молчи болтунья глупая; молчать!
Ступай-ка лучше къ кумушкамъ своимъ
И важничай тамъ съ ними за стаканомъ;
Здѣсь не нуждаются въ твоихъ совѣтахъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ты очень вспыльчивъ.

КАПУЛЕТЪ.

Господи Ты, Боже!
Отъ этого могу я обезумѣть,
Днемъ, ночью, дома и въ чужихъ людяхъ,
Во снѣ и наяву одна была
Забота у меня—найти ей мужа...
И вотъ теперь, когда я ей нашелъ
Супруга знатнаго происхожденья,
Въ союзѣ кровномъ съ герцогомъ самимъ,
Богатаго, прекраснаго собой
И съ головы до ногъ, какъ говорятъ,
Осыпаннаго счастія дарами, —
Ну словомъ лучше пожелать нельзя...
И что же? глупая дѣвчонка, кукла
Плаксивая невидитъ въ этомъ счастья,
И говоритъ: *я замужъ не хочу*,
Я не люблю, *я слишкомъ молода*,
Прошу меня уволить, *извините*.
Ну, хорошо,—я извиню тебя!
Ступай, кормись, гдѣ хочешь, у меня
Нѣтъ въ домѣ мѣста для тебя; ступай!
Обдумай же теперь: шутить, ты знаешь,
Я не люблю,—четвергъ не далеко,
На сердце руку и обдумай. Хочешь
Моею быть—отдамъ тебя Парису.
А если нѣтъ,—я выгоню тебя,
Будь нищею, подъ окнами таскайся
И голодай,—умри на улицѣ!
Клянусь душой! я никогда тебя

Своею дочерью не назову,
И изъ того, что мнѣ принадлежитъ,
Повѣрь, ты не получишь ничего.
Обдумай же, я твердъ въ своемъ рѣшеньи.
(Уходитъ.)

ЮЛІЯ.

О Боже, Боже мой, ужели съ облаковъ
Во глубь моихъ мученій не проникнетъ
Взоръ состраданія. О, мать моя,
Не отвергай меня, не отвергай,
Отсрочь мнѣ этотъ бракъ на мѣсяцъ лишь,
Лишь не надолго, если нѣтъ, то пусть
Мнѣ ложе брачное готовятъ тамъ,
Гдѣ положенъ Тибальта трупъ кровавый!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Не говори со мной объ этомъ, я
Ни слова не скажу, что хочешь дѣлай,
Мнѣ до тебя нѣтъ дѣла никакого.
(Уходитъ.)

ЮЛІЯ.

Творецъ! О, няня! посовѣтуй мнѣ,
Какъ мнѣ спастись... Супругъ мой на землѣ,
На небѣ клятва, данная супругу...
Какъ ей теперь ко мнѣ сойти назадъ?
Супругъ одинъ, покинувъ землю, можетъ
Сослать ее обратно мнѣ. О, няня!
Утѣшь меня... О горе, горе!... Небо,
За что на слабое созданье ты
Обрушило такую тяжесть. Няня,
Что скажешь ты? ужели у тебя
Нѣтъ никакого радостнаго слова,
И никакого утѣшенья, няня...

НЯНЯ.

О, какъ не быть! послушайте меня:
Вѣдь Ромео теперь въ изгнаньи; руку
На отсѣченіе даю, что онъ
Не будетъ смѣть здѣсь снова показаться,
Чтобъ объявить на васъ свои права;
А если бъ и дерзнулъ на это онъ,
То не иначе какъ тайкомъ, украдкой.
Теперь при обстоятельствахъ такихъ,
Вы лучшаго не можете придумать,
Какъ выйти за Париса. Ахъ, синьора,
Что это за любезный кавалеръ!
Вашъ Ромео,—дрянь просто передъ нимъ!
Какъ взоръ орла, синьора, взоръ его
И проницателенъ и быстръ и свѣжъ.
Повѣрьте совѣсти моей, синьора,
Вашъ бракъ второй счастливѣй будетъ; лучше,
Гораздо лучше онъ, чѣмъ первый бракъ.
Да если бъ и не такъ—что жъ толку въ немъ.
Супругъ вашъ первый умеръ, право лучше,
Когда бы умеръ онъ, вѣдь онъ для васъ
Не служитъ ни къ чему, что пользы въ немъ?

ЮЛІЯ.

Отъ сердца ли ты говоришь?

НЯНЯ.

Отъ сердца,
И отъ души, когда жь не такъ, пусть Богъ
И душу мнѣ и сердце проклянетъ.

ЮЛІЯ.

Аминь.

НЯНЯ.

Къ чему аминь сказали вы?

ЮЛІЯ.

Чудесно ты утѣшила меня!
Ступай, и отъ меня скажи синьорѣ,
Что оскорбивъ отца, рѣшилась я
Итти раскаятся въ грѣхахъ моихъ,
На исповѣдь къ монаху францисканцу.

НЯНЯ.

Я доложу, вы вздумали прекрасно.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЮЛІЯ, (одна).

Проклятая, коварный, злобный дьяволъ!
Изъ двухъ твоихъ грѣховъ, который больше—
Совѣтъ ли злой презрѣть святую клятву,
Иль то, что ты супруга моего
Дерзнула порицать тѣмъ языкомъ,
Которымъ столько тысячъ разъ его
Превозносила всѣхъ на свѣтѣ выше?
Ступай совѣтница! отнынѣ ты
И грудь моя раздѣлены навѣки.
Теперь пойду къ Лоренцо я; когда
Лоренцо мнѣ помочь не будетъ въ силахъ,
Найду въ себѣ я силу умереть.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Келья Лоренцо.

Лоренцо и Парисъ.

ЛОРЕНЦО.

Въ четвергъ, синьоръ? ужъ это слишкомъ скоро.

ПАРИСЪ.

Отецъ мой, Капулетъ, желаетъ такъ,
Не мнѣ его поспѣшность замедлять.

ЛОРЕНЦО.

Вы говорите, неизвѣсно вамъ,—
Какъ думаетъ она сама объ этомъ.

ПАРИСЪ.

Я потому не говорилъ объ этомъ,
Что въ горести она теперь безмѣрной
По случаю тибальтова убійства.
Въ обители стенанія и плача
Не улыбается любви богиня.
Отецъ ея боится, чтобъ она
Подъ бременемъ тоски своей не пала,
И бракъ нашъ для того онъ ускоряетъ,
Чтобы сдержать потоки слезъ ея,
Которыя сильнѣй всегда бываютъ
Въ уединеніи. Такъ вотъ причина
Поспѣшности: вы знаете ее.

ЛОРЕНЦО (въ сторону.)

О лучше бъ я не зналъ, что остановкой
Должно ей быть! Смотрите вонъ идетъ
Сюда сама синьора; вотъ она.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Юлія.

ПАРИСЪ.

Какъ счастливо мы встрѣтились теперь,
Моя владычица, моя супруга!

ЮЛІЯ.

Я буду тѣмъ, чѣмъ вы меня назвали,
Когда супругой вашей буду я.

ПАРИСЪ.

И это будетъ, непремѣнно быть
Должно въ четвергъ.

ЮЛІЯ.

Что быть должно, то будетъ.

ПАРИСЪ.

Вотъ это истина.

ЛОРЕНЦО.

Скажите, вы
На исповѣдь пришли къ отцу святому?

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, не къ нему, а къ вамъ, когда бы я
На вашъ вопросъ отвѣтъ дала.

ПАРИСЪ.

И отъ него
Не скройте же, что любите меня.

ЮЛІЯ.

Отъ васъ не скрою я,—люблю его.

ПАРИСЪ.

Увѣренъ я, что вы признаетесь
Въ любви ко мнѣ.

ЮЛІЯ.

О если это такъ,
То болѣе цѣны въ моемъ признаньи будетъ,
Когда его я сдѣлаю заочно,
Чѣмъ вамъ въ лицо.

ПАРИСЪ.

Бѣдняжечка, твое
Прекрасное лицо отъ горькихъ слезъ
Жестоко пострадало.

ЮЛІЯ.

О, не много
У моего лица отняли слезы!
Кто не богатъ, не много тотъ теряетъ.

ПАРИСЪ.

Вы оскорбляете лицо свое
Словами этими гораздо больше,
Чѣмъ слезы всѣ.

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, истина, синьоръ,
Не можетъ оскорбить; что я сказала,
То своему лицу сказала я.

ПАРИСЪ.

Твое лицо не мнѣ ль принадлежитъ?—
И собственность мою ты оскорбила.

ЮЛІЯ.

Быть можетъ, вы и правы, мой синьоръ,
Незнаю я: не мнѣ мое лицо

Принадлежитъ. Досугъ-ли, мой отецъ,
Тебѣ теперь? не то я вечеромъ
Сюда приду.

ЛОРЕНЦО.

Теперь свободенъ я,
И мой досугъ къ твоимъ услугамъ, донь.
Синьоръ, наединѣ намъ должно быть.

ПАРИСЪ.

Избави Богъ смутить святое дѣло!
Сейчасъ же я уйду. Ну, Юлія!
Я рано разбужу тебя въ четвергъ!
И такъ прощай, прощай до четверга;
Теперь прими священное лобзанье.

(Парисъ цѣлуетъ ея руку и уходитъ.)

ЮЛІЯ.

Запри, запри скорѣе дверь... приди...
И помоги мнѣ плакать: все погибло!
Нѣтъ для меня спасенья, нѣтъ надежды!

ЛОРЕНЦО.

Ахъ, Юлія! я знаю скорбь твою;
Она меня выводитъ изъ ума.
Какъ слышалъ я, рѣшительно въ четвергъ
Ты съ этимъ графомъ въ бракъ должна вступить.

ЮЛІЯ.

Не говори, что слышалъ ты объ этомъ,
Когда сказать не можешь, какъ спастись,
И если мнѣ твоя помочь не можетъ мудрость,
Одобри лишь рѣшеніе мое —
И этотъ ножъ въ мгновенье мнѣ поможетъ.
Меня и Ромео самъ Богъ соединилъ,
Моя рука принадлежитъ супругу —
И прежде чѣмъ отдать ее другому,
Я лучше отсѣку ее...
Скорѣй въ себѣ я сердце умерщвлю,
Чѣмъ допущу другому передаться.
О, пусть же, пусть мнѣ опытность твоя
Подастъ теперь совѣтъ какой-нибудь,
Не то, смотри, сыграетъ роль судьи
Вотъ этотъ ножъ: разсудитъ онъ меня
Съ моей бѣдой,—онъ тяжбу разрѣшитъ,
Которой ты ни старостью своей,
Ни мудрою наукой не рѣшишь!
О, говори, скорѣе говори!
Мнѣ ждать нельзя: я жажду умереть,
Когда все то, что ты сказать мнѣ можешь,
Не будетъ словомъ избавленья.

ЛОРЕНЦО.

Тише
Дочь, надежда: мелькнуло что-то мнѣ,
Похожее какъ будто на надежду;
Но то, что намъ свершить оно велитъ,
Отчаянно, ужасно, какъ и то
Что мы хотимъ предотвратить теперь.
Когда, чтобъ избѣжать съ Парисомъ брака,
Ты силу чувствуешь въ себѣ на смерть,
То безъ сомнѣнія рѣшишься ты
Быть въ состояніи подобномъ смерти?..
Рѣшишься ты? я средство дамъ тебѣ.

ЮЛІЯ.

Чтобъ избѣжать ужаснаго союза,
Готова я съ той башни соскочить!
Охотнѣй я въ разбойничій притонъ
Или въ берлогу змѣй пойду... О, лучше!
Прикуй меня къ одной цѣпи съ медвѣдемъ,
Иль ночью на кладбище брось меня,
Покрытое костями мертвецовъ,
Скелетами и черепами ихъ
Безгубыми и желтыми! Пусть буду
Я слышать стукъ и трескъ сухихъ костей!
Иль положи въ недавнюю могилу
И съ мертвецомъ однимъ одѣнь покровомъ:
На все, на все готова я рѣшиться,
О чемъ я не могла и слышать прежде
Безъ ужаса, на все рѣшусь безъ страха,
Безъ всякаго раздумья, лишь остаться бъ
Супругу моему — женою чистой.

ЛОРЕНЦО.

Такъ слушай же, иди теперь домой;
Будь весела, скажи, что ты согласна,
За графа выйти. Завтра середа;
Но завтрешнюю ночь ты постарайся
Одной остаться къ комнатѣ своей,
И даже пяпю не пускай ложиться
Съ собой. Когда совсѣмъ въ постель ты ляжешь,
Вотъ эту склянку выпей всю до дна.
Вдругъ пробѣжитъ по тѣлу у тебя

Сокъ усыпляющій, холодный. Онъ
Въ тебѣ всѣ жизненныя силы схватитъ.
Артеріи замрутъ, не станутъ биться;
Ни теплоты не будетъ, ни дыханья;
Ничто не обличитъ, что ты живешь;
Лица и устъ твоихъ увянутъ розы
И блѣдвымъ пепломъ станутъ. Окна глазъ
Закроются какъ будто дланью смерти.
И каждый членъ, упругость потерявъ,
Недвижимый, окостенѣетъ весь
И будетъ холоденъ. Ты въ этомъ видѣ,
Взаймы у смерти цѣпенящей взятомъ,
Пробудешь сорокъ-два часа, потомъ
Какъ будто бы отъ сладостнаго сна
Проснешься ты. Когда придетъ поутру
Женихъ тебя будить, мертва ты будешь.
По нашему обычаю, тогда
Тебя въ одежды лучшія одѣнутъ,
И понесутъ, не закрывая гроба,
Въ могильный склепъ фамильи Капулетовъ;
А между тѣмъ, еще ты не проснешься.
Я къ Ромео пошлю письмо и дамъ
Все знать ему — и онъ сюда прибудетъ.
Мы съ нимъ тогда стеречь твой будемъ сонъ,
И какъ проснешься ты, то въ туже ночь
Уѣдешь въ Мантую отсюда съ нимъ.
Вотъ, что должно тебя освободить
Отъ этого ужаснаго стыда,
Когда въ тебѣ ни женская причуда,
Ни женскій страхъ души не поколеблетъ.

ЮЛІЯ.

Дай мнѣ, о дай! не говори о страхѣ.

ЛОРЕНЦО.

На вотъ, возьми! неколебима будь
И счастлива въ рѣшеніи своемъ;
А къ Ромео пошлю монаха я
Съ письмомъ скорѣй.

ЮЛІЯ.

Любовь, дай силы мнѣ!
Она одна меня избавить можетъ;
Прощай, отецъ мой милый.

(Уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Комната въ домѣ Капулета.

Капулетъ, синьора Капулетъ, няня, и слуга.

КАПУЛЕТЪ.

По списку этому зови гостей.

(1-й слуга уходитъ.)

Ты, негодяй, ступай и приведи
Мнѣ двадцать поваровъ искусныхъ.

2-й СЛУГА.

Ужь дурнаго не приведу, синьоръ; вѣдь я посмотрю, облизываютъ ли они у себя пальцы.

КАПУЛЕТЪ.

Да что же ты черезъ это узнаешь?

2-й СЛУГА.

А какъ же, синьоръ. Тотъ плохой поваръ, который не облизываетъ пальцевъ; такъ ужь того я не приведу, который не умѣетъ облизывать пальцевъ.

КАПУЛЕТЪ.

Иди же скорѣй.

(Слуга уходитъ).

Эхъ, не успѣемъ мы всего уладить!
Гдѣ дочь моя? На исповѣдь пошла?

НЯНЯ.

Такъ точно, мой синьоръ.

КАПУЛЕТЪ.

Ну, дай-то Богъ,
Чтобы монахъ на путь ее наставилъ.
Какая своевольная дѣвчонка!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Юлія.

НЯНЯ.

Смотрите-ка, какъ весело идетъ.

КАПУЛЕТЪ.

Ну что, упрямица? Гдѣ ты бродила?

ЮЛІЯ.

Я тамъ была, гдѣ научилась я
Раскаянью въ грѣхѣ непослушанья.
Монахъ святой велѣлъ мнѣ пасть къ ногамъ
Отца и у него молить прощенье.
Я васъ молю простить меня, — отнынѣ
Не выду я изъ послушанья къ вамъ.

КАПУЛЕТЪ.

Послать скорѣй за графомъ; — извѣстить
Его объ этомъ. Я хочу, чтобъ бракъ
Былъ завтра же поутру совершенъ.

ЮЛІЯ.

Я встрѣтилася съ графомъ у Лоренцо.
Изъ правъ любви ему я уступила
Все то, что скромности не оскорбляетъ.

КАПУЛЕТЪ.

Я радъ, я радъ, — вотъ хорошо, ну встань.
Все это такъ, какъ быть должно. Я графа
Хочу сейчасъ же видѣть. Эй, кто тамъ!
Ступай, зови сюда скорѣе графа.
Какой монахъ почтенный, право онъ
Сокровище для города всего.

ЮЛІЯ.

Ты, няня, хочешь ли итти со мной
Въ мою уборную и мнѣ помочь
Для завтрашняго дня наряды выбрать?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Для завтрашняго дня? для четверга.
До четверга довольно времяни.

КАПУЛЕТЪ.

Ступай съ ней, няня. Завтра, завтра свадьба.

(Юлія и няня уходятъ.)

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Когда же приготовить все успѣемъ?
Вѣдь скоро ночь.

КАПУЛЕТЪ.

Молчи ужъ ты, успѣемъ!
Какъ я примусь, такъ все пойдетъ какъ надо —
Повѣрь, жена. Поди-ка къ Юліи
И помоги въ нарядахъ сей! я нынче
Совсѣмъ не лягу спать — оставь меня, —
На этотъ разъ я буду самъ хозяйкой.

(Синьора Капулетъ уходитъ).

Кто тамъ? Всѣ разбрелись... ну что жъ?
Я къ графу самъ пойду и самъ его
Увѣдомлю, что свадьба будетъ завтра.

(Уходя.)

Какъ у меня теперь легко на сердцѣ!
Одумалась упрямица моя!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната Юліи.

Юлія и няня.

ЮЛІЯ.

Конечно, этотъ лучше всѣхъ нарядъ.
Но, няня милая, прошу тебя,
Оставь меня одну на эту ночь.
Мнѣ надобно молиться много, много,
Чтобъ надъ собой умилостивить небо:
Ты знаешь грѣхъ тяжелый я свершаю.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и синьора Капулетъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Вы все еще хлопочете! Ну что,
Вамъ не нужна ли помощь?

ЮЛІЯ.

Нѣтъ, синьора,
Мы выбрали ужъ все, что нужно будетъ.
Теперь позвольте мнѣ одной остаться.
Пусть няня эту ночь пробудетъ съ вами,
Вы въ хлопотахъ: она помочь вамъ можетъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Прощай, спокойной ночи! лягъ теперь,
Тебѣ покой необходимъ.

(Синьора Капулетъ и няня уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЮЛІЯ, (одна.)

Прощайте!
Когда мы вновь увидимся, Богъ знаетъ!
Томящій холодъ страха пробѣгаетъ,
По жиламъ у меня и жизнь во мнѣ
Оледѣняетъ... кликну ихъ назадъ...
Мнѣ страшно... Няня! но зачѣмъ мнѣ няня?
Одной сыграть мнѣ должно эту сцену.
Приди, фіалъ!
Что, если не подѣйствуетъ напитокъ?...

И повлекутъ меня на бракъ съ Парисомъ?...
Нѣтъ, нѣтъ! вотъ что спасетъ меня, лягъ здѣсь!

(Кладетъ возлѣ себя кинжалъ).

Что если это ядъ? что, если онъ
Нарочно для меня его составилъ,
Чтобъ отвратить позоръ втораго брака?
Боюсь — но впрочемъ нѣтъ, не можетъ быть,
Онъ праведный, благочестивый мужъ...
Оставь меня, оставь, дурная мысль!...
Но если я проснуся въ этомъ гробѣ
Не во время, не къ той порѣ, когда
Придетъ мой Ромео спасти меня?...
Я не могу безъ ужаса подумать!...
Я задохнусь подъ сводами пещеры:
Вѣдь въ пасть ея не входитъ свѣжій воздухъ.
И я умру, и мертвую меня
Мой Ромео найдетъ!... Положимъ нѣтъ,
Я не умру, — но очень можетъ быть,
Что страшное тьмы съ смертью сочетанье,
И ужасомъ исполненное мѣсто:
Пещера мрачная, гроба, могилы,
Гдѣ прадѣдовъ моихъ умершихъ кости
Ужь нѣсколько столѣтій хоронились;
Гдѣ свѣжій трупъ, кровавый трупъ Тибальта
Лежитъ, гніетъ, окутанъ въ саванъ свой,
И гдѣ, повѣрье есть, въ часы ночные
Блуждаютъ привидѣнья... Боже мой,
Создатель мой!... легко, легко, быть можетъ,
Проснувшись я... и этотъ смрадъ гніенья,
Невнятныя стенанья подъ землей,
Похожія на стоны Мандрагоры,
Когда ее съ корнями вырываютъ...
И если человѣкъ услышитъ ихъ,
Онъ обезумѣетъ... легко быть можетъ...
О, если я проснусь, отъ ужаса
Разстроится мой умъ, — безумная
Начну играть моихъ отцовъ костями,
И съ мертваго Тибальта сдерну саванъ,
И въ бѣшеномъ припадкѣ костью предка
Я раздроблю больной свой черепъ... о!...
Смотри, вотъ онъ, я вижу, духъ Тибальта,
Онъ ищетъ Ромео; — а! Ромео,
Ты прокололъ его концемъ меча!
Остановись, Тибальтъ, постой, постой...
Иду я, Ромео — пью за тебя!

(Бросается на постель.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Зала въ домѣ Капулета.

Синьора Капулетъ и няня.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Вотъ, на ключи, и разныхъ пряностей
Ты забери побольше.

НЯНЯ.

Финиковъ
Въ пирожное на кухнѣ требуютъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Капулетъ.

КАПУЛЕТЪ.

Живѣй, живѣй, второй пѣтухъ пропѣлъ;
Ужь колоколъ звонилъ — ужь три часа.
Ты, добрая Анджелика, сходи
Да посмотри за кухонной работой.

НЯНЯ.

Идите-ка, идите, хлопотунъ,
Ложитесь спать; не ляжте-ка — смотрите,
Больнымъ вамъ завтра быть.

КАПУЛЕТЪ.

Вотъ вздоръ какой.
Я часто ночи проводилъ безъ сна,
Для дѣлъ гораздо меньшихъ, чѣмъ теперь,
И болѣнъ не былъ никогда.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Я знаю,
Ты волокита не послѣдній былъ
Въ свои года. Теперь не то, теперь
Сама прогуливать я буду сонъ,
Чтобъ только по ночамъ ты не гулялъ.

(Уходятъ синьора Капулетъ и няня.)

КАПУЛЕТЪ.

Ревнивая какая! Человѣкъ,
Что тамъ несешь ты — а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Капулетъ и слуга.

1-й слуга.

Для повара несу я что-то, самъ не знаю что.

капулетъ.

Иди скорѣй, иди скорѣй. (*слуга уходитъ*)
Ты, братъ,
Ступай полѣньевъ принеси сухихъ,
Піетро кликни: онъ тебѣ покажетъ,
Гдѣ ихъ найти.

2-й слуга.

И у меня, синьоръ,
Есть голова — найдетъ она полѣнья,
И не зачѣмъ полѣньями Піетро
Тревожить мнѣ, синьоръ.

капулетъ.

Клянусь душой,
Онъ ловко говоритъ. Ай, негодяй!
Ха, ха! каковъ? — да ты, братъ самъ полѣно!
Ужь разсвѣло — клянуся честью, день!
Вотъ съ музыкой и графъ придетъ сейчасъ.
(Музыка.)
Что онъ сказалъ, то сдержитъ—музыку
Ужь слышу я, онъ близко; — няня, няня!
Жена, кто тамъ... Эй няня, чортъ возьми!
(Входитъ няня.)
Ступай скорѣе, Юлію буди
И помоги убраться ей, ступай, —
А я пойду съ Парисомъ поболтаю.
Ну, шевелись, иди скорѣй: женихъ
Ужь здѣсь — ступай скорѣй, я говорю.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Комната Юліи. Юлія въ постелѣ.

няня.

Синьора! эй, синьора! Юлія!
Эге — да какъ же крѣпко спитъ она!
Эй козочка, синьора! фу, какая
Сонливица! вставай, мой свѣтъ, вставай
Синьора, милочка моя, невѣста!
Фу, Боже мой, ни слова, ни словечка!
На цѣлую недѣлю видно вы
Хотите выспаться, и то сказать
На будущую ночь, ручаюсь я,
Парисъ стараться неусыпно будетъ,
Чтобъ не уснули вы. Прости насъ, Боже! —
Какъ спитъ она здорово! — надобно
Мнѣ разбудить ее, — синьора,
Синьора, — эй синьора! хорошо жь,
Вотъ графъ придетъ, застанетъ васъ въ постелѣ,
Онъ васъ спугнетъ, и вскочите вы разомъ, —
Ахъ! Боже мой, совсѣмъ одѣтая,
Не скинула и платья! Охъ, какая!
Опять въ постель упала; — какъ-нибудь
Да разбужу — синьора, эй синьора!
Синьора! Ахъ! мой Боже! — помогите!
О горе мнѣ, зачѣмъ родилась я!
Подайте спирту мнѣ.. Синьора! синьора!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и синьора Капулетъ.

синьора капулетъ.

Что здѣсь за шумъ?

няня.

Плачевный день! плачевный!

синьора капулетъ.

Скажи мнѣ, что такое?

няня.

Посмотрите!
О тяжкій день!

синьора капулетъ.

О горе, горе мнѣ!
Мое дитя, дитя мое, проснись!
О, оживи! проглянь! иль я умру
Съ тобою... помогите! помогите!
Кричи, зови!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Капулетъ.

капулетъ.

Э, стыдъ какой! Скорѣе
Ведите Юлію — ужь здѣсь.

няня.

Ужь умерла она, она скончалась!
Мертва, мертва, несчастный день! о горе!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Несчастный день! она мертва, мертва!

КАПУЛЕТЪ.

Га! дайте мнѣ ее увидѣть — о!
Ужь холодна! остановилась кровь
И члены замерли, опѣпенѣли....
Отъ этихъ устъ ужь отлетѣла жизнь!
Смерть на нее легла, морозъ, морозъ
Безвременный сдавилъ цвѣтокъ прекрасный,
Прекраснѣйшій на всемъ лугу!
Проклятый часъ! старикъ несчастный я!

НЯНЯ.

Плачевный день!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

О, злополучный день!

КАПУЛЕТЪ.

О смерть! ты у меня ее отняла,—
Чтобъ воплями мнѣ душу истомить:
Зачѣмъ же ты теперь языкъ сковала
И не даешь мнѣ говорить?

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Лоренцо, Парисъ съ музыкантами.

ЛОРЕНЦО.

Готова-ли итти невѣста въ церковь?

КАПУЛЕТЪ.

Пойдетъ она, но ужь не возвратится.
О, сынъ мой! въ эту ночь на брачный день твой
Съ невѣстою твоею смерть легла.
Смотри, вотъ здѣсь лежитъ она.—Цвѣтокъ
Прекрасный, смерть тебя оборвала!
Сопъ смерти взялъ въ супруги дочь мою;
Онъ мнѣ и зять, онъ и наслѣдникъ мой!
Я умереть хочу, и все оставлю зятю:
Исчезла жизнь — все достается смерти!

ПАРИСЪ.

Такъ долго ждалъ я видѣть это утро —
Какой же видъ оно мнѣ представляетъ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Проклятый день, день бѣдственный, несчастный!
О, ненавистный день! плачевный часъ!
Такого часу время не видало
Съ тѣхъ поръ, какъ начало свой путь оно!
Одно дитя, одно всегда и было,
Одно дитя, одно лишь бѣдное дитя!
Одна была отрада у меня,
Одно мнѣ было утѣшенье — смерть
Взяла его!

НЯНЯ.

О горе, горе, горе!
День горестный, день бѣдственный, плачевный!
Такого дня еще я не видала.
О день! о день! о ненавистный день!
Земля такого дня еще не знала,
Такого мрачнаго! О день несчастный!

ПАРИСЪ.

Обманутъ я, растерзанъ, оскорбленъ,
Убитъ! О смерть чудовище! тобой
Обманутъ я. О смерть свирѣпая
Ты растерзала, ты меня низвергла!
Любовь моя! о жизнь! нѣтъ ужь не жизнь,—
Любовь!—Любовь моя въ объятьяхъ смерти!

КАПУЛЕТЪ.

Отчаянье, убійство, муки, адъ!
Часъ горестный! зачѣмъ, зачѣмъ пришелъ ты?
Убилъ, убилъ ты наше торжество!
Дитя мое, дитя! душа моя!
Я дѣтищемъ своимъ тебя назвать
Не смѣю — умерла ты, умерла!
О горе мнѣ! дитя мое скончалось!

ЛОРЕНЦО.

Довольно! постыдитесь! горесть вы
Не укротите горестнымъ стенаньемъ.
Въ прекрасной дѣвушкѣ двѣ части было,
И часть одна принадлежала вамъ,
Другая часть принадлежала небу;
Теперь же вся принадлежитъ она ему:
И что жъ могло быть лучше для нея?
Вы вашу часть упрочить не могли,
Вы не могли сберечь ее отъ смерти.
Богъ къ жизни вѣчной пріобщилъ свою.
Цѣль высочайшая стремленій вашихъ
Была ее возвысить; рай отрадъ
Въ стремленіяхъ своихъ вы находили.
Объ чемъ же вы рыдаете теперь?
Превыше облаковъ она теперь

Вознесена, она на горнемъ небѣ!
Плохую жь вы любовь имѣли къ ней,
Когда въ отчаяньѣ вдаетесь вы
Безумное, и плачете о томъ,
Что Богъ ее возвысилъ!....
Отрите-жь слезы, полно плакать; тѣло
Прекрасное вѣнчайте розмариномъ,
И въ лучшія убравъ ее одежды,
Какъ слѣдуетъ, вы въ церковь понесите....

КАПУЛЕТЪ.

Приготовленья къ свадебному пиру
Для мрачныхъ похоронъ послужатъ намъ,
Звонъ колокольный, заунывный звонъ —
Вотъ наша музыка; — пиръ свадебный
Въ печальныя поминки перешелъ,
А свадебныя пѣсни въ панихилу,
И не невѣсту — трупъ цвѣты украсятъ!

ЛОРЕНЦО.

Синьоръ, ступайте; вы, синьора, съ нимъ,
И вы Парисъ идите. Приготовьтесь
Всѣ слѣдовать за мертвецомъ прекрасным.
За что-нибудь караетъ небо васъ:
Съ покорностью внимайте Божій гласъ!

(Капулетъ, синьора Капулетъ, Парисъ, Лоренцо уходятъ; уносятъ Юлію.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Музыканты и няня.

1-й музыкантъ.

Намъ теперь приходится убрать наши инструменты и убираться.

НЯНЯ.

Ахъ, люди добрые! ахъ, уберите!
Не до того теперь: вездѣ разстройство.

(Уходитъ.)

1-й музыкантъ.

Ну, что жь? настроить можно какъ-нибудь.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Піетро.

ПІЕТРО.

Музыканты, о, музыканты! — *отраду сердечную, отраду сердечную!* Если вы не хотите, чтобъ я умеръ — сыграйте *отраду сердечную.*

1-й музыкантъ.

Зачѣмъ же *отраду сердечную?*

ПІЕТРО.

О музыканты! затѣмъ, что мое сердце само напѣваетъ вотъ этотъ припѣвъ:

Изныло отъ горя сердечко мое!

Сыграйте же мнѣ, пожалуйста, что-нибудь веселенькое.

2-й музыкантъ.

Теперь не до игры.

ПІЕТРО.

Такъ вы не хотите?

МУЗЫКАНТЫ.

Нѣтъ!

ПІЕТРО.

А я бы вамъ заплатилъ звучную плату.

1-й музыкантъ.

Чѣмъ же бы ты заплатилъ намъ?

ПІЕТРО.

Не деньгами, нѣтъ! а я бы спѣлъ вамъ, я бы послужилъ вамъ своимъ голосомъ.

1-й музыкантъ.

Правда, холопъ только и можетъ платить своею службою.

ПІЕТРО.

Тебѣ видно захотѣлось, чтобы холопскій кинжалъ постучался въ твою голову.

2-й музыкантъ.

Вложи-ка свой кинжалъ, а выложи лучше свое остроуміе.

ПІЕТРО.

Берегитесь же моего остроумія, я проколю васъ желѣзнымъ остріемъ безъ помощи кинжала. Отвѣчайте мнѣ, какъ слѣдуетъ умнымъ людямъ.

Когда душа болитъ отъ ѣдкой муки,
И горести грудь нашу истомятъ,
То музыки серебряные звуки...

Почему *серебряные звуки?* а? почему сказано *музыки серебряные звуки?* Что ты скажешь, Симонъ Струнка?

1-й музыкантъ.

Да потому, должно быть, что серебро имѣетъ пріятный звукъ.

ПІЕСТРО.

Прекрасно. Ну а ты Гуго Бубенъ?

2-й МУЗЫКАНТЪ.

Я думаю, потому серебряные звуки, что музыканты звучатъ за серебро.

ПІЕСТРО.

Превосходно. Ты что̀ скажешь, Джемсъ Запѣвало?

3-й МУЗЫКАНТЪ.

Да что сказать; я ужь не знаю что̀ сказать.

ПІЕСТРО.

Ахъ, братъ, прости, я забылъ, что ты пѣвчій. Я ужъ самъ скажу за тебя. Музыки серебряные звуки сказано потому, что вашъ братъ рѣдко получаетъ золото за свое звучанье.

То музыки серебряные звуки
Мгновенно грудь и душу исцѣлятъ!

(Піестро уходитъ напѣвая.)

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Что это за негодяй такой?

2-й МУЗЫКАНТЪ.

Ну его къ чорту, Джакъ! Пойдемъ-ка туда, подождемъ похоронной процессіи; можетъ быть, еще и поѣбѣдать дадутъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мантуа. Улица.

РОМЕО (одинъ.)

Когда не лжетъ глазъ, видящій во снѣ,
То сны мои мнѣ радость близкую
Пророчатъ. Царь груди моей легко
И весело на тронѣ возсѣдаетъ.
Весь этотъ день какой-то дивный духъ
Какъ будто бы меня приподнимаетъ
Веселыми мечтами отъ земли.
Мнѣ снилося, что будто бы пришла
Сюда моя супруга, и нашла
Меня уже умершимъ; (странный сонъ!
Я былъ мертвецъ, не потерявъ сознанья!)
И будто бы она въ меня вдохнула
Жизнь новую, и будто я возсталъ
И ощутилъ себя владыкой міра.
О Боже мой! и призраки любви
Такъ радостью богаты! что̀ жь она,
Сама любовь? какими же она
Богатствами владѣетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Ромео и Бальтазаръ.

РОМЕО.

Изъ Вероны
Извѣстья! — Ну что, мой Бальтазаръ?
Ты не письмо ль привезъ мнѣ отъ Лоренцо?
Ну что моя супруга? что она?
Что мой отецъ? объ ней то мнѣ скажи,
Объ Юліи моей: здорова-ли? —
Она всего дороже... все прекрасно,
Когда она благополучна только.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Прекрасно все: она благополучна...
Въ могилѣ Капулетовъ прахъ ея
Покоится; безсмертная жь душа
Средь ангеловъ; я видѣлъ самъ,
Какъ вынесли ее въ могильный склепъ.
И съ похоронъ я прямо поскакалъ
Къ вамъ съ этой вѣстію сюда; простите
Меня за вѣсть плачевную мою!
Вы сами мнѣ приказывали строго
Васъ извѣщать не медля обо всемъ.

РОМЕО.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ? ну, теперь судьба,
Съ тобой расчетъ окончена!.. Бальтазаръ!
Ты знаешь домъ, въ которомъ я живу?
Ступай сейчасъ, достань бумаги мнѣ,
Достань чернилъ — да лошадей нанять:
Я ѣду въ ночь.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Простите мнѣ, синьоръ:
Я не могу оставить васъ теперь.
Вы блѣдны такъ, вашъ взоръ блуждаетъ дико —
Недоброе онъ предвѣщаетъ мнѣ.

РОМЕО.

Пустое, другъ, пустое! ты ошибся...
Оставь меня и дѣлай все, что я
Тебѣ велѣлъ. А отъ Лоренцо нѣтъ
Письма ко мнѣ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Нѣтъ, добрый мой синьоръ.

РОМЕО.

Ну все равно: ступай же ты теперь
Найми мнѣ лошадей; я за тобой
Приду сейчасъ же.

(Бальтазаръ уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

РОМЕО, (одинъ.)

Хорошо же, Юлія, —
Я въ эту ночь съ тобой соединюсь...
Подумаемъ о средствахъ.— А, не долго
Мысль страшная ты заставляешь ждать
Того, кому нужна бываешь ты!..
Мнѣ въ голову пришелъ одинъ аптекарь...
Онъ гдѣ-то здѣсь живетъ не подалеку...
Его недавно, какъ-то видѣлъ я...
Съ лицемъ нахмуреннымъ, въ лахмотьяхъ бѣдныхъ,
Заботливо онъ травы разбиралъ;
Въ глазахъ его былъ виденъ страшный холодъ,
И до костей его изгрызла нищета...
Въ его убогой лавкѣ, видѣлъ я,
Висѣла черепаха, крокодилъ
И чучелы другихъ уродливыхъ
Страшилищъ, нищенски по полкамъ были
Разставлены пустые ящики,
Зеленые горшки и пузырьки.
Согнившая аптекарская дрянь
Валялася какъ будто на показъ;
Смотря на нищету его, тогда
Я самъ-себѣ сказалъ, вотъ если бы
Кому-нибудь понадобился ядъ,
Котораго продажа въ Мантуѣ
Подъ смертной казнію запрещена, —
Вотъ этотъ неголяй презрѣнный тотчасъ
Продастъ его; о эта мысль тогда
Была предвѣстницей того, что скоро
Нуждаться самъ я буду въ ядѣ! Этотъ
Бѣднякъ его теперь продать мнѣ долженъ.
Сегодня праздникъ, кажется, какой-то
И лавка заперта его. Эй, ты!
Аптекарь!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОМЕО и АПТЕКАРЬ.

АПТЕКАРЬ.

Кто зоветъ меня такъ громко?

РОМЕО.

Поди сюда. Я вижу бѣденъ онъ.
Вотъ видишь 60 червонцевъ здѣсь:
За нихъ мнѣ дай ты драхму яду; слышишь!
Такого яду дай, чтобы въ одно
Мгновенье онъ по жиламъ разливался,
Чтобъ жизнью утомленный человѣкъ,
Принявъ его, на мѣстѣ мертвымъ палъ.
Такого яду дай, чтобъ отъ него
Дыханіе изъ тѣла вылетало
Съ такою же могучей быстротой,
Какъ порохъ, загорѣвшись, вылетаетъ
Изъ пушки...

АПТЕКАРЬ.

Я имѣю ядъ такой.
Но въ Мантуѣ подъ смертной казнію
Законъ его продажу запрещаетъ.

РОМЕО.

Какъ, неуже-ль боишься смерти ты,
Бѣднякъ, оборванный, несчастный? Голодъ
Въ твоихъ щекахъ, гнетущая нужда
Въ глазахъ твоихъ гнѣздится, нищета
Клочками на спинѣ твоей повисла.
Нѣтъ, этотъ міръ тебѣ не другъ; не другъ
Тебѣ законъ, предписанный отъ міра:
Законъ тебя обогатить не можетъ. —
Такой законъ не издавался міромъ.

Такъ выдь же ты изъ нищеты своей
И откажись отъ ней — на вотъ, возьми...

АПТЕКАРЬ.

Я волей твердъ, но бѣдность уступаетъ.

РОМЕО.

И золото я бѣдности твоей
Даю, а воля пусть не принимаетъ.

АПТЕКАРЬ.

Вотъ ядъ: въ какую вамъ угодно жилкость
Вы всыпьте порошокъ и выпейте,
И еслибъ вы хоть двадцать человѣкъ
Превосходили силою своей,
Лишитесь жизни вы въ одно мгновенье.

РОМЕО.

Вотъ золото: возьми ты этотъ ядъ,
Онъ гибельнѣй для человѣка; больше,
Гораздо больше онъ надѣлалъ зла
На этой отвратительвой землѣ,
Чѣмъ бѣдный запрещенный порошокъ.
Не ты мнѣ продалъ ядъ, а я тебѣ.
Прощай, купи себѣ скорѣе корму
И мясомъ кости голыя одѣнь.
Пойдемъ со мной, лекарство, а не ядъ,
Ко гробу Юліи пойдемъ со мной;
Мнѣ тамъ нужна твоя услуга будетъ.

(Уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Жилище Лоренцо.

Іоаннъ и Лоренцо.

ІОАННЪ.

Лоренцо, эй! Лоренцо, братъ Лоренцо!

(Входитъ Лоренцо.)

ЛОРЕНЦО.

А, это голосъ брата Іоанна.
Грядущему изъ Мантуи привѣтъ.
Что Ромео? Ну что онъ говоритъ?
Иль, можетъ быть, онъ написалъ ко мнѣ,
Такъ дай письмо.

ІОАННЪ.

Я не былъ въ Мантуѣ.
Отправившись за братомъ босоногимъ,
Чтобъ взять его и съ нимъ пуститься въ путь,—
А онъ тогда недужныхъ навѣщалъ,—
Съ товарищемъ я остановленъ былъ
Градскою стражею по подозрѣнью,
Что оба мы въ больницѣ заразились,
Въ больницѣ, гдѣ свирѣпствуетъ чума.

ЛОРЕНЦО.

Кто жъ къ Ромео отнесъ мое письмо?

ІОАННЪ.

Послать не могъ я также, — вотъ оно,
Никто не брался отнести его:
Страшились всѣ чумы.

ЛОРЕНЦО.

Несчастный случай!
Письмо мое, клянусь св. Франциском,
Имѣло много важнаго въ себѣ.
Опасность изъ того большая можетъ быть,
Что не было доставлено оно.
Братъ Іоаннъ, ступай скорѣй, доставь
Мнѣ ломъ и принеси сюда сейчасъ же.

ІОАННЪ.

Братъ мой, иду,—и принесу тебѣ.

ЛОРЕНЦО.

Теперь спѣшить мнѣ должно къ монументу;
Навѣрное вотъ въ эти три часа
И Юлія прекрасная проснется.
И мнѣ она не будетъ благодарна,
Что Ромео объ этихъ приключеньяхъ
Не получилъ извѣстья никакого.
Но въ Мантую тогда я напишу
Вторичное письмо, а Юлію
Возьму къ себѣ,—она пробудетъ здѣсь
Въ моей обители до той поры,
Какъ Ромео сюда прибыть успѣетъ.
О трупъ живой, о бѣдный трупъ живой,
Въ могилѣ мертвеца похороненный!

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Могильный склепъ, монументъ Капулетовъ.
Парисъ, его пажъ съ цвѣтами и факелами.

ПАРИСЪ.

Подай мнѣ факелъ, пажъ, поди стань одаль,
Нѣтъ, нѣтъ! не нужно факела, возьми!
Я не хочу, чтобъ видѣли меня.
Поди и ляг во всю свою длину

Подъ кипарисомъ тѣмъ, и ухо ты
Плотнѣй къ землѣ изрытой приложи.
Земля рыхла отъ частыхъ погребеній,
Малѣйшій шорохъ ты услышать можешь;
Ты свистомъ мнѣ подашь сигналъ тотчасъ-же,
Когда шаги услышишь чьи-нибудь.
Подай цвѣты, ступай, исполни все.

ПАЖЪ.

Мнѣ страшно одному остаться здѣсь,
Среди могилъ, но должно покориться!

ПАРИСЪ.

Я ложе брачное твое, цвѣтокъ
Прекраснѣйшій, цвѣтами усыпаю!
Счастливый гробъ: въ своихъ объятьяхъ ты,
Вмѣщаешь совершенный образецъ
Безсмертія. Прелестное созданье,
Средь ангеловъ живущее теперь,
О Юлія, прими послѣдній даръ
Изъ рукъ моихъ, изъ рукъ того, который
Благоговѣлъ передъ тобой при жизни
И гробъ твой чтитъ надгробною хвалой!

(Пажъ свиститъ)

Мнѣ пажъ даетъ сигналъ—идутъ сюда.
Чья святотатская нога блуждаетъ
Въ ночное время здѣсь, о, кто смущаетъ
Надгробное привѣтствіе любви?
Какъ! съ факелами? Ночь, сокрой меня на мигъ.

(Отходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ромео и Бальтазаръ.

РОМЕО.

Подай мнѣ ломъ и вотъ возьми письмо.
Ты моему отцу вручишь его
Поутру завтра, дай теперь мнѣ факелъ.
Послушай! если жизнь тебѣ мила,
То что бы ты ни видѣлъ, чтобъ ни слышалъ,
Не подходи, не прерывай меня...
Я въ ложе смертное хочу сойти,
Чтобы лицо жены моей увидѣть,
Но главное, чтобъ съ пальца у нея
Снять драгоцѣнное кольцо, мнѣ нужно,
Для дѣла важнаго оно мнѣ нужно!
Уйди же, другъ, уйди совсѣмъ отсюда.
Но если ты, влекомый любопытствомъ,
Осмѣлишься подсматривать за мной,
Бѣда тебѣ; клянуся небесами,
Клянусь,—я разорву тебя на части
И жадное кладбище я усѣю
Твоими членами; часъ этотъ страшенъ!
Намѣренья мои свирѣпо-дики,
Не такъ неумолимъ голодный тигръ
И море бурное не такъ опасно!...

БАЛЬТАЗАРЪ.

Синьоръ, уйду, не помѣшаю вамъ.

РОМЕО.

Ты этимъ дружбу мнѣ свою докажешь.
Возьми вотъ это, другъ, иди скорѣй,
Живи, будь счастливъ, добрый человѣкъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Слова его, напротивъ, заставляютъ
Не уходить, ужасенъ взоръ его,
Намѣреньямъ его не вѣрю я.

(Отходитъ.)

РОМЕО.

Пасть ненасытная, утроба смерти!
Часть лучшую пожрала ты,
Я вскрою челюсти твои гнилыя,

(Разбиваетъ двери монумента.)

И начиню тебя я новой пищей.

ПАРИСЪ.

А! изгнанный надменный Монтэгю,
Который умертвилъ двоюроднаго брата
Моей возлюбленной; я думаю,
Что это и свело ее во гробъ,
О, онъ пришелъ сюда, чтобъ наругаться
Надъ ихъ тѣлами—я схвачу его.

(Приближается.)

Останови свой нечестивый замыслъ,
О подлый Монтэгю! неужли мщенье
Ты простираешь за предѣлы смерти?
Я задержу тебя, изгнанникъ низкій,
Ступай за мной, ты долженъ умереть.

РОМЕО.

Я долженъ умереть: за этимъ я
Сюда пришелъ, мой добрый юноша.
Не искушай отчаяннаго ты,
Бѣги, оставь меня: ты видишь ли,
Какое множество здѣсь мертвыхъ,
Подумай же объ нихъ и устрашись.
О юноша, прошу тебя, прошу
Не навлекай на голову мою

Ты новаго грѣха,—не раздражай меня,
Уйди скорѣй! Клянуся небомъ, я
Гораздо болѣе тебя люблю,
Чѣмъ самого-себя, повѣрь—сюда
Я съ умысломъ на жизнь свою пришелъ.
Уйдижъ, уйди, живи—ты послѣ скажешь,
Что человѣкъ съ больнымъ умомъ тебя
Изъ сожалѣнья же къ тебѣ просилъ уйти.

ПАРИСЪ.

Я презираю всѣ твои угрозы,
Преступникъ ты: я здѣсь тебя свяжу.

РОМЕО.

Такъ ты меня на битву вызываешь;
Ну, мальчикъ, берегись.

(Они дерутся.)

ПАЖЪ.

О, Боже мой?
Они дерутся, побѣгу за стражей!

ПАРИСЪ.

О, я убитъ! (*Падаетъ.*) Съ ней положи меня,
Когда тебѣ доступно состраданье.

РОМЕО.

Исполню, хорошо; но кто же онъ?
Вглядюсь въ его лице... А! родственникъ
Меркуціо—Парисъ... Что говорилъ мнѣ
Мой человѣкъ, когда мы шли сюда?
Былъ невнимателенъ мой духъ тревожный.
Какъ помнится, мнѣ Бальтазаръ сказалъ,
Что будто съ Юліей былъ обрученъ
Парисъ. Сказалъ мнѣ это Бальтазаръ?
Иль мнѣ пригрезилось? Быть можетъ, это
Я въ помѣшательствѣ ума вообразилъ,
Когда онъ мнѣ разсказывалъ объ ней.
О дай, Парисъ, дай руку мнѣ свою!
Въ одной со мной несчастья черной книгѣ
Записавъ ты! въ торжественной гробницѣ
Я схороню тебя; въ гробницѣ? Нѣтъ!
Въ обители прозрачной, полной свѣта:
Въ ней Юлія покоится, Парисъ!
И красотой гробницу превращаетъ
Въ веселую обитель ликованій!
Покойся здѣсь, мертвецъ, похороненный
Руками мертвеца!..

(Кладетъ его въ монументъ.)

Не рѣдко люди
Становятся въ послѣднія минуты
Вдругъ веселы, и эту вспышку жизни
Зовутъ мгновенной молніей предъ смертью.
Но вспышку мрачную мою—могу-ль
Я молнійнымъ лучемъ назвать? Супруга!
О Юлія! дыханіе твое
Смерть выпила, но не имѣетъ смерть
Надъ красотой твоею власти—ты
Не побѣжденная лежишь!...
О! красоты сіятъ цвѣтъ пурпурный
И на устахъ, и на лицѣ твоемъ,
Смерть пальца блѣднаго еще до нихъ
Не довела... А ты, Тибальтъ, ты здѣсь ли
Лежишь въ своемъ кровавомъ одѣяньи?
Что лучшаго могу тебѣ я сдѣлать,
Какъ не повергнуть твоего врага
Рукою той, которая сломила
Цвѣтъ юности твоей! Прости меня,
Мой братъ!... Ахъ Юлія, ты отчего
Все также хороша? Неужли должевъ
Подумать я, что призракъ безтѣлесный,
Въ тебя влюбилась смерть, и здѣсь во тьмѣ
Костлявое чудовище тебя
Хранитъ и требуетъ твоей любви...
Но я—я здѣсь! Тебя стеречь я буду,
Изъ этого чертога мрачной ночи
Не выду никогда; на вѣки здѣсь
Останусь я,—въ сообществѣ червей,
Прислужниковъ теперешнихъ твоихъ:
Здѣсь вѣчное пристанище себѣ
Я основую, и съ тѣла моего,
Наскучившаго міромъ, я стряхну
Ярмо враждебныхъ звѣздъ... Глаза, глядите
Въ послѣдній разъ, вы, руки, обнимите
Въ послѣдній разъ! А вы, уста,
Врата дыханія, запечатлѣйте
Законнымъ поцѣлуемъ то, что я
У смерти ненасытной сторговалъ
На вѣчное владѣнье! О приди
Мой горькій проводникъ, приди, приди,
Ты кормчій безвадежный,—вотъ минута!
Бросай скорѣй на гибельный утесъ
Свой утомленный и больной корабль!...
За Юлію я пью! (*Пьетъ.*) Аптекарь честный,

О! быстро дѣйствуетъ твое лекарство!
Такъ; съ этимъ я лобзаньемъ умираю.
(Умираетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ съ другаго конца пещеры Лоренцо съ факеломъ и ломомъ.

ЛОРЕНЦО.

Святой Францискъ! направь мои шаги.
Ужъ сколько разъ мои скользили ноги
Между гробовъ во мглѣ ночной! Кто тамъ?
Кто въ часъ глухой и поздній въ гости къ смерти
Пришелъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вашъ другъ и человѣкъ съ нимъ вмѣстѣ;
Знакомый вамъ.

ЛОРЕНЦО.

Благослови тебя Господь!
Скажи, мой добрый другъ, чей факелъ тамъ
Льетъ тщетный свѣтъ по головамъ и черепамъ
Лишеннымъ глазъ? какъ мнѣ сдается, онъ
Горитъ у монумента Капулетовъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Вы не ошиблись, мужъ благочестивый,
И господинъ мой тамъ, любимый вами.

ЛОРЕНЦО.

Кто?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ромео.

ЛОРЕНЦО.

Давно ли онъ пришелъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ужъ полчаса.

ЛОРЕНЦО.

Ступай за мной въ пещеру.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Не смѣю я, мой господинъ не знаетъ,
Что я остался здѣсь. Ужасно онъ
Грозитъ мнѣ смертію, когда осмѣлюсь
Остаться здѣсь и подсмотрѣть за нимъ.

ЛОРЕНЦО.

Останься жь, я пойду одинъ. Страхъ, страхъ,
Овладѣваетъ мной...

БАЛЬТАЗАРЪ.

Когда я спалъ
Подъ кипарисомъ, мнѣ пригрезилось,
Что будто господинъ мой съ кѣмъ-то бился
И что противника убилъ мой господинъ.

ЛОРЕНЦО.

Эй, Ромео! (*Приближается.*) О Боже, Боже! горе!
Чья это кровь предъ входомъ монумента
Пролита? Чьи мечи лежатъ нагіе,
Окровавленные въ жилищѣ мира?
(Входитъ въ монументъ.)
Какъ, Ромео? О! блѣдный... Кто еще?
Какъ, и Парисъ? и весь окровавленный!
Она встаетъ...
(Юлія просыпается и встаетъ)

ЮЛІЯ.

Лоренцо!.. гдѣ же мой супругъ?
Я помню хорошо, гдѣ я должна была
Проснуться и гдѣ проснулась я,
Гдѣ жь мой супругъ, Ромео?
(Слышенъ шумъ.)

ЛОРЕНЦО.

Я слышу шумъ....
Синьора, убѣжимъ скорѣй отсюда,
Изъ этого жилища смерти, язвы
И неестественнаго сна! Уйдемъ!
Могущество превыше смертныхъ силъ
Разрушило предначертанья наши.
О поспѣши! твой мужъ въ твоихъ объятьяхъ
Лежитъ безжизненный. Вотъ и Парисъ.
Пойдемъ, пойдемъ, я отведу тебя
Въ обитель инокинь святыхъ—спѣши,
Неспрашивай. Ужъ стража здѣсь, идутъ..
Идемъ же, Юлія! (*Шумъ усиливается*) я ухожу.
(Уходитъ.)

ЮЛІЯ.

Ступай, ступай! я не пойду съ тобой
Что это? склянка... О, какъ крѣпко сжала
Ее рука супруга моего!
А! вижу—ядъ, супругъ мой, дни твои
Безвременно скончалъ. Какой ты жадный:

Все выпилъ, все, ни капли не оставилъ..
Возьму лобзанье съ устъ твоихъ. Быть
можетъ,
Достаточно на нихъ осталось яду,
Чтобъ умертвить, чтобъ изцѣлить меня.
(Она цѣлуетъ его.)
Уста твои теплы.
ГОЛОСА, (за сценой.)
Куда же, гдѣ?
ЮЛІЯ.
Я слышу шумъ! скорѣй, скорѣе къ дѣлу!
А! благодѣтельный кинжалъ!— сюда!—
(Схватываетъ кинжалъ Ромео.)
Здѣсь, здѣсь ножны твои! *(Закалывается)*
Заржавѣй здѣсь,
А мнѣ дай умереть!
(Умираетъ.)
ПАЖЪ.
Вотъ здѣсь, вонъ тамъ, гдѣ факелъ свѣ-
тится.
1-й СТРАЖЪ.
Кровь на землѣ, обѣгайте кладбище,
Берите всѣхъ, кто попадется вамъ.
(Нѣкоторые выходятъ).
О жалкій видъ!—Вотъ графъ лежитъ
убитый
И Юлія въ крови, тепла еще,
И видно, что не давно умерла,
А между-тѣмъ она схоронена
Два дня назадъ... Ступайте къ герцогу,
Бегите къ Капулетамъ,—поднимите
Всѣхъ въ домъ Монтэгю, другихъ зовите!
(Выходятъ еще нѣсколько человѣкъ. Входятъ
нѣкоторые изъ стражей съ Бальтазаромъ.)
2-й СТРАЖЪ.
Вотъ Ромео служитель,—на кладбищѣ
Нашли его.
1-й СТРАЖЪ.
Держите же его
До той поры, какъ герцогъ самъ при-
будетъ.
(Входитъ другой стражъ съ Лоренцо.)
3-й СТРАЖЪ.
Вотъ мнѣ монахъ попался—онъ дрожитъ
И плачетъ и вздыхаетъ. У него
Я взялъ вотъ этотъ ломъ и мечъ.
А шелъ онъ съ этой стороны кладбища.
1-й СТРАЖЪ.
Большое подозрѣнье,—задержите.
(Входитъ герцогъ со свитою).

ГЕРЦОГЪ.
Какое же несчастье здѣсь случилось?
Какое же несчастье васъ воззвало
Отъ утренняго сна?
(Входятъ Капулетъ, синьора Капулетъ
и другіе.)
КАПУЛЕТЪ.
Что̀ значитъ это?
Что за тревога здѣсь—и что это за кри-
ки?
СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Народъ на улицѣ взываетъ: Ромео!
Другіе: Юлія, Парисъ! и всѣ бѣгутъ
Сюда къ гробницѣ нашей.
ГЕРЦОГЪ.
Что за страхъ
Смущаетъ всѣхъ и слухъ тревожитъ
нашъ?
1-й СТРАЖЪ.
Вотъ, повелитель, графъ Парисъ лежитъ.
Вотъ мертвый Ромео, вотъ Юлія,
Умершая давно, но теплая,
И умерщвленная сейчасъ.
ГЕРЦОГЪ.
Ищите,
И разъузнайте какъ столь страшное
убійство
Свершилось.
1-й СТРАЖЪ.
Вотъ мы нашли монаха,
И Ромео умершаго слугу.
При нихъ всѣ нужныя орудья были,
Чтобъ отпереть жилище мертвецовъ.
КАПУЛЕТЪ.
О, Боже мой! жена—смотри, дочь наша,
Въ крови! Кинжалъ ошибся: домъ его
Теперь пустой—при бедрѣ Монтэгю,
А онъ попалъ въ грудь дочери моей.
СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
О этотъ видъ, видъ смерти, будто звонъ,
Звонъ похоронный, въ гробъ меня зовущій.
(Входятъ Монтэгю и другіе.)
ГЕРЦОГЪ.
Приблизься, Монтэгю—ты рано всталъ,
Но раньше легъ наслѣдникъ твой и сынъ.
МОНТЭГЮ.
Ахъ, повелитель мой, жена моя
Скончалась въ эту ночь—печаль о сынѣ
Изгнанникѣ ей сокрушила грудь.
Какія жь вновь несчастья сговорились

И бѣдной старости моей грозятъ?

ГЕРЦОГЪ.

Смотри—и ты увидишь.

МОНТАГЮ.

О сынъ мой, сынъ!
Не хорошо съ отцемъ ты поступилъ,
Не давъ ему пойти впередъ ко гробу.

ГЕРЦОГЪ.

Сдержите же теперь свои стенанья—
Все темное намъ должно уяснить,
И отыскавъ источникъ бѣдъ кровавыхъ
Я поведу печали ваши самъ
И васъ самихъ, быть можетъ, приведу
Къ могилѣ я. Умолкните жь, теперь,
И скорбь свою терпѣнью покорите.
На чью главу упало подозрѣнье?

ЛОРЕНЦО.

Всѣхъ больше на меня оно упало,
Хоть меньше всѣхъ способенъ я на то,
Въ чемъ можете меня подозрѣвать;
Противъ меня и время говоритъ
И мѣсто страшнаго убійства. И вотъ
Я здѣсь стою: признаніемъ моимъ
Я обвиню и извиню себя.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ говори-жь, и разскажи, что̀ знаешь.

ЛОРЕНЦО.

Мое повѣствованье будетъ кратко,
На долгій же мучительный разсказъ
Не стало-бы дыханья моего:
Срокъ не великъ моей печальной жизни.
Сей Ромео, лежащій здѣсь безъ жизни,
Сей Ромео, былъ Юліи супругъ.
А Юлія, безжизненная также
Его супругой вѣрною была.
Я брачное имъ далъ благословенье;
День тайнаго союза ихъ былъ днемъ
Погибели Тибальта—смерть его
Изгнала новобрачнаго отсюда.
Объ немъ-то такъ, совсѣмъ не о Тибальтѣ,
Крушилась Юлія. Вы думали
Освободить ее отъ власти горя,
Вы силою хотѣли за Париса
Отдать ее. Она ко мнѣ пришла,
Съ отчаяньемъ во взорѣ умоляла,
Отъ этого вторичнаго союза
Ее спасти,—и въ келью у меня
Убить себя грозила. Я ей далъ,
Своей наукою руководимый,—
Напитокъ усыпительный, и онъ
Не обманулъ меня, и произвелъ
То дѣйствіе, котораго я ждалъ:
Онъ далъ ей видъ умершей. Между тѣмъ
Я къ Ромео послалъ письмо, чтобъ онъ
Прибылъ сюда, къ несчастной этой ночи,
Помочь ей встать изъ чуждаго ей гроба.
Но тотъ, съ кѣмъ я послалъ мое письмо,
Братъ Іоаннъ, случайно былъ задержанъ,
И мнѣ вчера принесъ письмо обратно.
Тогда рѣшился я пойти одинъ
Подъ этотъ сводъ, въ минуту пробужденья,
Чтобъ Юлію отвесть въ мою обитель.
Тамъ, думалъ я, останется она
До той поры, какъ Ромео получитъ
Извѣстье обо всемъ. Какъ я пришелъ,
Ужь графъ Парисъ и вѣрный Ромео
Безжизненны лежали здѣсь. Она
Проснулася, я умолялъ ее
Пойти со мной—съ терпѣніемъ нести
Небесный приговоръ. Возникшій шумъ
Меня уйти заставилъ, а она
Въ отчаяньи за мною не пошла
И собственной рукой лишила жизни
Себя, какъ видимъ мы. Вотъ все, что̀ знаю.
Кормилицѣ былъ тайный бракъ извѣстенъ.
Вотъ все, и если въ чемъ-нибудь меня
Находите виновнымъ вы, то пусть
Жизнь старая моя погибнетъ жертвой
Подъ строгостью закона безпощадной!

ГЕРЦОГЪ.

Мы праведнымъ тебя всегда считали.
Гдѣ Ромео служитель?—Что̀ ты скажешь?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Я господину моему привезъ извѣстье
О смерти Юліи. Изъ Мантуи
Онъ прискакалъ сюда, къ гробницѣ этой.
Здѣсь онъ письмо мнѣ отдалъ—вотъ оно,
Письмо къ отцу—и смертью мнѣ грозилъ,
Идя въ пещеру, если я остануся.

ГЕРЦОГЪ.

Подай письмо,—я посмотрю его.
А гдѣ Парисовъ пажъ, поднявшій стражу?
Что дѣлалъ здѣсь твой господинъ—скажи.

ПАЖЪ.

Онъ усыпалъ цвѣтами гробъ невѣсты,
Заранѣе вслѣдъ мнѣ отойти.
Вдругъ кто-то съ факеломъ сюда явился,
Чтобъ отворить гробницу—и мгновенно
Мой господинъ напалъ на незнакомца,
А я скорѣй за стражей побѣжалъ.

ГЕРЦОГЪ.

Письмо слова монаха подтверждаетъ;
Здѣсь ихъ любовь, извѣстіе о смерти...
Онъ пишетъ также здѣсь, что ядъ купилъ—
У бѣднаго аптекаря,—и съ нимъ
Пришелъ подъ этотъ сводъ, чтобъ умереть.
Приблизьтесь Капулетъ и Монтэгю!
Сюда, враги! Смотрите: бичь небесный
Караетъ васъ за дикую вражду.
Всѣ радости у васъ убило небо
И чѣмъ же, чѣмъ?—любовію убило!
Двухъ человѣкъ по крови близкихъ мнѣ
Лишился я—надъ всѣми Бога длань!

КАПУЛЕТЪ.

О, братъ мой, Монтэгю, дай руку мнѣ...

МОНТЭГЮ.

И болѣе, чѣмъ руку дамъ тебѣ:
Я статую изъ золота поставлю
Въ честь Юліи,—и никогда,
Пока слыветъ Вероною Верона
Въ такую цѣну статуи не будетъ.

КАПУЛЕТЪ.

Такую жъ статую поставлю я
Въ честь Ромео, съ его супругой рядомъ.
О жертвы бѣдныя вражды несчастной!

ГЕРЦОГЪ.

Угрюмый миръ намъ этотъ день несетъ—
Свѣтило дня не хочетъ появиться!
Идемъ; несчастныхъ дѣлъ разсмотримъ ходъ,
Одни накажутся, инымъ простится.
Нѣтъ повѣсти печальнѣе, чѣмъ повѣсть
О Ромео и Юліи его!

ШИЛЛЕРЪ.

Въ Виртембергскихъ владѣніяхъ на возвышенности, орошаемой Неккеромъ, лежитъ хорошенькій городокъ Марбахъ. Народное преданіе говоритъ, что на холмѣ, гдѣ теперь живописно раскинуты, между садами, его чистенькіе домики, возвышался нѣкогда дремучій лѣсъ, жилище какого-то великана, и трудно понять, какимъ образомъ оно усвоило гиганту имя Марса, отъ чего будто бы и самый городъ получилъ свое названіе*. «Въ этомъ-то мѣстѣ, освященномъ народными преданіями, родился гигантъ поэзіи, въ бѣдномъ домикѣ булочника Кодвейса, дѣда его со стороны матери. При первомъ вступленіи поэта въ міръ, его уже встрѣтили впечатлѣнія бѣдности и заботъ о самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни.

Отецъ Шиллера, долго служившій полковымъ лекаремъ, оставивъ службу, поселился въ Людвигсбургѣ, гдѣ занимался земледѣліемъ. Потомъ герцогъ Карлъ Виртембергскій далъ ему чинъ маіора и поручилъ надзоръ надъ садами въ своемъ прелестномъ замкѣ *Солитюдъ*, въ окрестностяхъ Штутгарда. Тамъ старый Шиллеръ окончилъ въ спокойствіи и достаткѣ жизнь, долго обуреваемую заботами и огорченіями. Гаспаръ Шиллеръ былъ человѣкъ характера твердаго, строгаго, даже нѣсколько суроваго; но ума прямаго, дѣятельнаго, и въ особенности практическаго. При рожденіи сына Фридриха, (11-го ноября 1759-го года), онъ взялъ его на руки и поднявъ къ небу, произнесъ краткую молитву: «Боже всемогущій, даруй этому младенцу свѣтъ разума; замѣни Твоею благодатію воспитаніе, котораго я не въ состояніи ему дать.» Молитва старца была услышана. Онъ дожилъ до того, что видѣлъ славу сына, и вполнѣ насладился его успѣхами. День, въ который онъ узналъ, что въ Штутгардѣ печатаютъ новое сочиненіе его любезнаго Фридриха, былъ для него счастливымъ днемъ. Онъ тотчасъ спѣшилъ къ издателю, бралъ рукопись дрожащею рукою, и читалъ ее съ живѣйшимъ волненіемъ. Чтобы лучше понимать духъ поэтическихъ произведеній сына, онъ занимался чтеніемъ литературныхъ, историческихъ и критическихъ сочиненій; они открыли ему новый міръ идей, куда прежде никогда не проникала его душа, простая и чуждая мечтательности. «Если бы даже я не помнилъ, чѣмъ батюшка былъ для меня и для всѣхъ насъ, и тогда не могъ бы безъ умиленія подумать о концѣ его трудолюбивой, дѣятельной жизни, исполненной чести и справедливости. Да, трудный, не маловажный подвигъ оставаться вѣрнымъ самому себѣ въ теченіи долгаго и горестнаго существованія и покинуть свѣтъ 73 лѣтъ съ сердцемъ чистымъ и простымъ. Зачѣмъ, цѣною всѣхъ моихъ страданій, не могу я искупить такой же безукоризненной кончины? Жизнь—тяжкое испытаніе. Дарованія, которыми провидѣніе меня надѣлило,

* Marbach — ручей Марса.

гибельны для сердца и истиннаго спокойствія. Не станемъ плакать о батюшкѣ; онъ теперь счастливъ; мы всѣ за нимъ послѣдуемъ. Никогда образъ его не изгладится изъ нашей памяти и сожалѣніе о потерѣ его только тѣснѣе скрѣпитъ узы, которые насъ соединяютъ.» Эти строки, содержащія самую краснорѣчивую похвалу старому Шиллеру, писалъ Фридрихъ къ своей матери, вскорѣ послѣ кончины отца.

Мать Шиллера, Елисавета Колвейсъ, была женщина нѣжная и набожная; кротость ея обращенія, ея ясный умъ умѣряли суровый и непреклонный характеръ мужа. Въ молодости она обнаруживала сильную склонность къ поэзіи и музыкѣ. Бѣдность ея родителей не позволила дать ей воспитаніе, соотвѣтствующее ея способностямъ; но сама она съ жадностію ловила все, что могло питать въ ней поэтическое чувство, и слыла между подругами восторженною и мечтательницею. До сихъ поръ сохранилось даже нѣсколько стиховъ, написанныхъ ею, посвященныхъ мужу и замѣчательныхъ не столько по содержанію, сколько по устройству стиха и гармоніи риѳмы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шиллеръ своей матери и книгамъ, которыя составляли ея любимое чтеніе, былъ обязанъ поэтическимъ чувствомъ и тѣмъ расположеніемъ къ благочестію, которое онъ обнаружилъ съ самой ранней юности. До 4-хъ лѣтъ онъ жилъ въ Марбахѣ одинъ съ матерью: отецъ его находился тогда въ походѣ. По возвращеніи его, они переселились въ Лорьхъ, на границу Виртембергскихъ владѣній. Тамъ Фридрихъ сталъ заниматься начальными правилами греческаго и латинскаго языковъ, подъ руководствомъ пастора Мозера и продолжалъ пользоваться кроткими наставленіями матери. То разсказывала она ему исторію изъ Библіи, и ребенокъ слушалъ ее съ религіознымъ умиленіемъ; то забавляла его прелестными и простодушными преданіями, которыя нѣмецкій народъ такъ хорошо хранитъ въ памяти; то заставляла читать лучшіе отрывки изъ своихъ любимыхъ поэтовъ — торжественные стихи Мессіады, гимны Герарда, басни Геллерта. Иногда, она знакомила его съ древними поэтами, означая въ краткихъ чертахъ ихъ качества и недостатки. Въ Германіи, не рѣдко случается, что женщины бѣднаго состоянія, получившія самое ограниченное воспитаніе, въ продолженіе мирной и уединенной жизни сами собою, посредствомъ чтенія, образуютъ свой вкусъ, пріобрѣтаютъ обширныя литературныя свѣденія, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что они соединены съ большою скромностію и совершенно изъяты отъ всякихъ требованій и всякаго педантства. Мать Шиллера принадлежала къ числу такихъ женщинъ. Между тѣмъ, какъ классическіе уроки пастора и материнскія наставленія рано изощряли разумъ юнаго Фридриха, любовь къ природѣ, — этотъ божественный источникъ возвышенныхъ мыслей и благотворныхъ впечатлѣній, — пробуждалась въ его сердцѣ. Изъ цвѣтущихъ долинъ Неккера судьба перенесла его въ страну суровую и величественную. Село *Лорьхъ* лежитъ на концѣ уединенной поляны, окруженной сосновымъ лѣсомъ, при подошвѣ холма, обросшаго огромными деревьями, одѣтыми мрачною зеленью и увѣнчаннаго стѣнами монастыря. Сзади, тянется цѣпь горъ, придающихъ этому романическому ландшафту величественный характеръ; въ монастырѣ находятся гробницы Гогенштауфеновъ. Исторія эпохи, обильной поэтическими преданіями, исторія племени геройскаго, пылкаго, славолюбиваго, столько же славнаго своими несчастіями, сколько успѣхами, находилась тутъ рука объ руку съ простою, первобытною природою. Какое богатое поле для юнаго воображенія, которое начинало уже расправлять свои крылья! Фридрихъ любилъ бродить подъ грустною тѣнью сосновыхъ рощъ, взбираться на вершину холма, сидѣть въ раздумьи у стѣнъ монастыря. Душа его развертывалась въ тайныхъ и восхитительныхъ впечатлѣніяхъ, доступныхъ простодушной и пріемчивой душѣ младенца и чуждыхъ мужу съ его глубокомысліемъ и духомъ анализа. Ребенокъ — поэтъ, онъ не промѣнялъ бы ни на что величественныхъ и прелестныхъ картинъ, которыя его окружали. Онъ любилъ смотрѣть на пробужденіе яснаго дня съ горы;

на долину, когда она распускалась, какъ корзинка съ цвѣтами, при первыхъ лучахъ солнца; на игру тѣни и свѣта, которые, попеременно, то освѣщали, то оѣвали мракомъ глубь лѣса; онъ понималъ и таинственную жизнь растѣній, которыя мѣстами красуются даже на обнаженныхъ бокахъ дикаго утеса; ему были знакомы миріады существъ, которыя толпятся въ воздухѣ, плаваютъ въ водахъ, купаются въ каплѣ росы, или блуждаютъ на травномъ стеблѣ. Часто также отецъ Фридриха водилъ его съ собою въ лагерь,—гдѣ, въ качествѣ капитана рекрутовъ, онъ долженъ былъ присутствовать при маневрахъ,—или въ древній сосѣдній замокъ, котораго исторію онъ ему разсказывалъ. Каждая прогулка была для ребенка обильнымъ источникомъ воспоминаній. Впечатлѣнія дѣтства безконечны послѣдствіями. Подобно прозрачнымъ ручьямъ Швейцаріи, которые незамѣтно пробираются подъ кустами, травою и вѣтвями деревьевъ — они скрываются подъ впечатлѣніями болѣе свѣжими; но одно слово, случайно сказанное, мимолетный звукъ, неожиданно встрѣтившійся ландшафтъ — будятъ ихъ внезапнымъ очарованіемъ, оживляютъ и снова заставляютъ насъ испытывать ихъ могущество. Кто знаетъ, можетъ быть исторія Гогенштауфеновъ, разсказанная Шиллеру на ихъ могилахъ, сообщила незамѣтно для него самаго, уму его направленіе; кто знаетъ, не имѣли ли въ послѣдствіи вліянія на его участь ощущенія, которыя въ ранней молодости онъ почерпнулъ въ своей пламенной любви къ природѣ.

—О какъ, здѣсь хорошо! вскричалъ онъ однажды, гуляя съ товарищемъ въ Лорьхскомъ лѣсу. Я скорѣе согласился бы отдать все, что имѣю, нежели отказаться отъ счастія, которое испытываю въ тѣни свѣжихъ, прекрасныхъ деревъ!» Въ эту минуту какъ будто судьба хотѣла испытать его искренность; къ нему подходитъ бѣдный мальчикъ, покрытый рубищемъ и обремененный ношею дровъ. Фридрихъ бѣжитъ къ нему и съ самымъ нѣжнымъ состраданіемъ отдаетъ все, что только у него было, не исключая и старинной серебряной монеты,—подарка отца въ день его рожденія. Въ другой разъ онъ пошелъ гулять. День былъ жаркій. Къ вечеру густыя тучи облегли небо; блеснула молнія, начиналась гроза, а Фридрихъ не возвращался. Встревоженные родители бѣгаютъ, ищутъ его — и вдругъ находятъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ деревъ, растущихъ на холмѣ. Несчастный, что ты тамъ дѣлаешь? закричалъ отецъ. — Я хотѣлъ узнать, отвѣчалъ Фридрихъ: — откуда происходитъ небесный огонь.»

Ко всѣмъ этимъ впечатлѣніямъ жизни, проведенной въ полѣ, или у домашняго очага, присоединялось пламенное чувство религіи и набожности. Онъ обнаруживалъ рѣшительную наклонность вступить въ духовное званіе, и впослѣдствіи нерѣдко съ жаромъ изъявлялъ сожалѣніе, что ему не удалось посвятить жизнь и дарованія свои на распространеніе высокихъ истинъ вѣры. Между тѣмъ, положеніе его родителей становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Отецъ его рѣшился наконецъ обратиться къ великому герцогу, который и помѣстилъ его въ Людвигсбургскій гарнизонъ. Тамъ Шиллеръ продолжалъ свои науки, подъ руководствомъ профессора Яна, человѣка холоднаго и суроваго, но котораго онъ однако умѣлъ къ себѣ привязать.

Въ Людвигсбургѣ Шиллеръ присутствовалъ въ первый разъ при театральномъ представленіи. Играли одну изъ скучныхъ миѳологическихъ оперъ, занесенныхъ въ Германію изъ Франціи. Блескъ декорацій, одежда актеровъ, музыка — произвели на ребенка глубокое впечатлѣніе. Съ той минуты онъ бросилъ свои игры и занялся устройствомъ театра, на которомъ, подобно Гёте, заставлялъ дѣйствовать куколъ. Въ Людвигсбургѣ также посѣтило его первое поэтическое вдохновеніе, и вотъ по какому случаю. Однажды, (ему было тогда 9-ть лѣтъ) онъ и одинъ изъ его товарищей тверже обыкновеннаго сказали свой урокъ изъ катехизиса и получили въ награду по два крейцера. Счастливые и гордые своимъ сокровищемъ, они рѣшились весело позавтракать на эти деньги въ ближней деревнѣ. Но тамъ никто не хотѣлъ угостить ихъ за такую ничтожную плату. Огорченные отказомъ, они отпра-

вились далѣе и наконецъ нашли домикъ, гдѣ имъ подали въ изобилiи молока и плодовъ. На возвратномъ пути дѣти остановились на холмѣ, съ котораго можно было видѣть обѣ мызы. Фридрихъ произнесъ въ стихахъ проклятiе на него-степриимный домъ, изъ котораго ихъ изгнали и благословенiе крестьянину, который ихъ принялъ съ такимъ радушiемъ. Въ 1770 году, Гаспаръ Шиллеръ былъ назначенъ смотрителемъ замка Солитюдъ. Фридрихъ остался у профессора Яна и тамъ въ первый разъ узналъ тягость принужденiя и разницу жизни школьной съ тою, которою наслаждался возлѣ матери. Веселый, довѣрчивый мальчикъ сталъ робкимъ и дикимъ. Его единственнымъ утѣшенiемъ было изрѣдка посѣщать родителей въ ихъ новомъ жилищѣ. Онъ продолжалъ, однакоже, ревностно учиться и готовился уже начать курсъ Богословiя; но судьба рѣшила иначе.

Великiй герцогъ Виртембергскiй основалъ въ это время родъ военной академiи и желалъ наполнить ее отличнѣйшими воспитанниками другихъ заведенiй. Янъ рекомендовалъ ему Фридриха, къ большому огорченiю достойнаго Гаспара и жены его, которые, такъ сказать, посвятили уже сына на служенiе Богу. Фридрихъ поступилъ въ академiю Карла.

Это заведенiе было совершенно въ военномъ духѣ: всѣ члены его носили военныя названiя; занятiя совершались при звукѣ трубъ и барабановъ; въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ господствовала военная дисциплина и строгость невѣроятная. Все существо восторженнаго, свободнаго сына природы, любимца доброй и умной матери, возстало противъ жестокихъ наказанiй за малѣйшее уклоненiе отъ однообразныхъ правилъ, которыя превращаютъ человѣка въ машину; противъ необходимости прибѣгать къ хитрости, чтобы написать письмо къ другу, или прочесть книгу. Душа его ожесточалась по мѣрѣ того, какъ просвѣщался умъ; съ этой минуты началась въ его сердцѣ та глубокая ненависть къ раболѣпству, которая, впослѣдствiи, съ такою силою излилась въ его драмахъ. Сначала его назначали къ правовѣденiю. Но по прошествiи года, герцогъ велѣлъ ему готовиться къ званiю доктора. Это было новымъ огорченiемъ для Шиллера и его родителей; однако же онъ принялся за изученiе медицины съ ревностiю, которой никогда не оказывалъ въ изученiи правъ. Казалось, онъ предчувствовалъ, что знанiе физики, физiологiи и анатомiи, не будетъ ему безполезно, при составленiи трагедiй. Впослѣдствiи, Шиллеръ нерѣдко говаривалъ, что каждый поэтъ, независимо отъ своихъ любимыхъ занятiй, долженъ избрать какое нибудь званiе. «Я боюсь, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей:—чтобы во вдохновенiи не угаснуть мнѣ, если поэзiя будетъ моимъ единственнымъ средствомъ къ существованiю, между тѣмъ, какъ она вѣчно сохранитъ для меня новую прелесть, если я стану посвящать ей только избранные часы и лучшiе порывы моего восторга.» Одушевленный этою надеждою, онъ въ скоромъ времени отличился между товарищами и написалъ два очень хорошiя медицинскiя разсужденiя.

Но, давая обѣтъ предаться исключительно медицинѣ, Шиллеръ слишкомъ много полагался на свою твердость. Еще ребенкомъ, ввела его мать въ міръ поэзiи; онъ дышалъ воздухомъ ея очарованыхъ страницъ; передъ нимъ открывался уже необъятный горизонтъ мысли. Всѣ эти образы еще жили въ его умѣ, но чтенiе книгъ, разговоръ съ товарищемъ оживляли ихъ безпрерывно новыми цвѣтами. Въ эту эпоху, нѣмецкая литература разрывала свои старинныя оковы, выходила изъ давнишней колеи подражанiя, чтобы устремиться въ новый путь, который ей предназначено было совершить съ такимъ блескомъ. Не смотря на строгость военнаго порядка, воспитанники слышалиотъ времени до времени о новомъ славномъ имени, читали новыя книги;—они предчувствовали новую эпоху и съ жадностью ловили всѣ признаки ея появленiя. *Гецъ фонъ Берлихингенъ* и *Вертеръ*, который только что вышелъ, произвели живѣйшее впечатлѣнiе на Шиллера; критическiя сочиненiя и драмы Лессинга сдѣлались его любимымъ чтенiемъ. *Уголино* Герстенберга, *Юлiй Тарентскiй* —Лейзевица также привлекли его вниманiе. Но былъ геній, который долженъ былъ

сдѣлать на его душу впечатлѣніе несравненно болѣе глубокое. Отрывокъ изъ Шекспира, сказанный однимъ профессоромъ, потрясъ Шиллера до глубины души. Онъ не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока не досталъ полныхъ его сочиненій. Онъ читалъ и перечитывалъ ихъ съ жадностію. Друзья Шиллера утверждаютъ, что это чтеніе рѣшило его призваніе. Любопытно знать сужденіе, которое, позднѣе, онъ произнесъ о геніальномъ поэтѣ Англіи. «Когда въ моей ранней юности, говоритъ онъ, я прочелъ въ первый разъ Шекспира, меня возмутила холодность, нечувствительность, которая позволяетъ ему шутить въ минуту самаго высокаго восторга, портить шутовскими выходками самый раздирающія сердце сцены Гамлета, Макбета, или короля Лира, — останавливаться, возбудивъ сочувствіе читателя, или холодно терзать его сердце въ ту минуту, когда онъ спокоенъ. — Привыкнувъ въ сочиненіяхъ искать прежде всего творца ихъ, мнѣ было невыносимо тяжко нигдѣ не находить его въ твореніяхъ Шекспира; нѣсколько лѣтъ онъ былъ для меня предметомъ удивленія, а я еще не уловилъ въ поэтѣ человѣка, еще не любилъ его лично, не пришелъ въ гармонію съ его геніемъ. Въ это время я еще не былъ способенъ понимать природу съ перваго взгляда.» Кромѣ поэтическихъ произведеній, Шиллеръ читалъ, когда только могъ, философскія и историческія сочиненія, между прочимъ Плутарха, и ревностно изучалъ свой природный языкъ въ Лютеровомъ переводѣ Библіи, этомъ удивительномъ памятникѣ нѣмецкаго языка. Увлеченный прелестью поэзіи, Шиллеръ наконецъ захотѣлъ самъ принять участіе въ литературной жизни, которая рисовалась его неопытному воображенію, какъ представляется обширная, цвѣтущая долина сквозь рѣшетку темницы. Онъ составилъ съ нѣкоторыми изъ товарищей родъ академіи, гдѣ они преважно разсуждали о предметахъ поэзіи и искусствъ и о правахъ на славу извѣстнѣйшихъ писателей. Въ пылу юнаго и простодушнаго честолюбія, члены этой академіи добивались не многаго; а именно, каждый изъ нихъ положилъ выдти изъ школы съ твореніемъ, которое бы удивило свѣтъ. Одинъ задумывалъ романъ *à la Вертеръ*, другой слезную драму, третій трагедію, въ родѣ *Геца фонъ Берлихингенъ*. Шиллеръ ревностно искалъ предмета для драмы; наконецъ нашелъ его во самоубійствѣ одного студента, и написалъ трагедію «Нассаускій студентъ.» Отъ нея намъ ничего неосталось, также какъ и отъ послѣдовавшей за нею, героемъ которой былъ Косьма Медичи.

Среди первыхъ порывовъ драматическаго генія, Шиллеръ продолжалъ заниматься лирическою поэзіею, которой рано началъ повѣрять свои мимолетныя впечатлѣнія и каждое движеніе души. Самое первое произведеніе Шиллера въ этомъ родѣ есть ода подъ названіемъ: *Вечеръ*, помѣщенная въ швабскомъ магазинѣ съ слѣдующею замѣткою издателя: «Сочинитель этихъ стиховъ молодой человѣкъ 16-ти лѣтъ; кажется, онъ уже ознакомился съ хорошими писателями и со временемъ можетъ быть *изрядным* стихотворцемъ. Другая піэса была совершенное подражаніе Клопштоку, въ чемъ сознается въ послѣдствіи и самъ Шиллеръ. Ничто тогда еще не предвѣщало, съ какою свободою онъ будетъ писать со временемъ. «Не должно воображать, говоритъ одинъ изъ его друзей, чтобы первыя стихотворенія Шиллера были плодомъ воображенія, всегда обильнаго и разнообразнаго; или вдохновеніемъ постоянно благосклонной музы. Напротивъ. Долго собиралъ онъ и приводилъ въ порядокъ свои впечатлѣнія, долго обогащалъ умъ наблюденіемъ, мыслями, образами, прежде, нежели самые проницательные судьи начали предугадывать въ немъ будущаго поэта.» Между тѣмъ пребываніе въ школѣ становилось для него часъ отъ часу нестерпимѣе. Разъ онъ совсѣмъ было собрался бѣжать; но мысль, что неудовольствіе герцога можетъ имѣть гибельное вліяніе на судьбу его родителей, заставила его перемѣнить намѣреніе. Онъ остался, но остался для того только, чтобы жить въ беспрерывной и жестокой борьбѣ съ самимъ собою, чтобы страдать ежеминутно отъ противорѣчія стремленій души съ вещественными препятствіями. Единственное средство освободиться на нѣсколько времени отъ при-

нужденія, въ которомъ онъ жилъ, было сказываться больнымъ; тогда ему позволяли имѣть огонь возлѣ кровати. Можно представить какое было блаженство для бѣднаго студента, томимаго жаждою къ наукѣ и поэзіи, предаваться чтенію, не опасаясь ежеминутно, что его прервутъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Къ несчастію, однакоже, невинныя хитрости его были уничтожены бдительностію одного изъ наставниковъ. Однажды товарищи Шиллера застали его въ жестокомъ отчаяніи; у него только что отняли Шекспира и всѣ его литературныя книги.

Въ этихъ-то чувствахъ возмущенія, гнѣва и вынужденной покорности, Шиллеръ написалъ *Разбойниковъ* — трагедію, рѣшившую его участь. Эта драма, какъ и всѣ прочіе опыты Шиллера, написана урывками. Онъ окончилъ ее въ то самое время, когда вышелъ изъ школы и поступилъ въ службу полковымъ лекаремъ съ жалованьемъ по 45-ти руб. въ мѣсяцъ. Онъ былъ обязанъ строгою службою; сверхъ того еще долженъ былъ являться на смотрахъ и парадахъ. Шиллеру минулъ тогда 21 годъ. Онъ былъ чрезвычайно худощавъ и высокъ, шею и руки имѣлъ необыкновенно длинныя, ноги выгнутыя, лицо, какъ у матери, блѣдное, усѣянное веснушками; длинный носъ, тонкія губы, глаза окруженные краснымъ ободкомъ, волосы съ рыжеватымъ отливомъ. Впослѣдствіи, когда его физіономія приняла опредѣленный характеръ, должно было удивляться трогательному выраженію его взора, благородству его чела, сильной игрѣ въ губахъ; но въ это время онъ былъ вовсе не красивъ. Можно вообразить какую жалкую фигуру онъ представлялъ въ мундирѣ, въ маленькой треугольной шляпѣ, съ длинною косою, огромными буклями на каждой сторонѣ висковъ и со всею неловкостію бѣднаго поэта. Положеніе его было вовсе незавидно. Но онъ вступалъ въ свѣтъ, гдѣ такъ часто леталъ мечтою; онъ былъ свободенъ! Освободясь отъ ига, которое тяготѣло надъ нимъ столько лѣтъ, онъ не устоялъ противъ первыхъ обольщеній жизни, и, съ пылкостію необузданной природы, перешелъ изъ одной крайности въ другую: отъ невольничества, къ буйству. Къ этому времени относится первая и, по увѣренію друзей поэта, постоянно почтительная и платоническая любовь Шиллера. Въ одномъ домѣ съ нимъ жила вдова, уже не молодая и сверхъ того довольно сомнительной репутаціи. Но она была первая женщина, которую поэтъ встрѣтилъ, первая дѣйствительность послѣ долгой мечты, живой образъ, послѣ столькихъ неопредѣленныхъ и эѳирныхъ призраковъ, которые, подобно мимолетнымъ тѣнямъ, мелькали въ его умѣ. Шиллеръ преклонился у ногъ ея со всею пылкостію первой страсти, онъ полюбилъ и воспѣлъ ее. Къ ней подъ именемъ Лауры, писалъ онъ тѣ идеальныя, дышащія мечтательностію оды, въ которыхъ великіе образы человѣческой судьбы и природы мѣшаются съ восторженнымъ выраженіемъ любви. Поняла ли, оцѣнила ли счастливица энтузіазмъ поэта, этого мы не можетъ сказать.

Къ счастію, роковое увлеченіе и безумная разсѣянность юнаго лекаря были непродолжительны. Возлѣ роскошнаго и опаснаго Штудгарта, гдѣ на каждомъ шагу коварныя обольщенія обвивали легковѣрную и неопытную душу Шиллера, находилось тихое убѣжище его родителей. Туда укрылся онъ отъ самаго себя. Нѣсколько дней, проведенныхъ среди семейства, зрѣлище жизни простой, полной безмятежныхъ радостей и желаній безъ угрызеній, — прохладили пылъ страстей, и показали ему бездну, въ которую онъ повергался.

Но время заблужденій произвело чрезвычайное разстройство въ денежныхъ обстоятельствахъ Шиллера. Впрочемъ и то сказать, долго ли истратить 45 рублей? До сихъ поръ Шиллеръ хранилъ свою драму, какъ осколокъ своего генія, какъ послѣднее прибѣжище въ крайней нуждѣ. Вынужденный разстаться съ первымъ и любимымъ плодомъ своей фантазіи, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Если швабскій поэтъ Штандлинъ беретъ за свои стихи по червонцу за листъ, почему мнѣ не получить столько же за цѣлую трагедію?

Все, что выручишь сверхъ 100 флориновъ, будетъ твое.»

100 флориновъ за первое, но уже великое произведеніе юнаго поэта! Однако, Шиллеръ не только не получилъ и этой ничтожной суммы, но долженъ былъ издать трагедію на свой счетъ. *Разбойники* появились въ свѣтъ, напечатаные на сѣрой бумагѣ, старыми литерами.

Шиллеръ послалъ нѣсколько экземпляровъ въ Мангеймъ къ книгопродавцу Швану съ просьбою постараться продать книги. Шванъ отвѣчалъ ему, что баронъ Дальбергъ, директоръ Мангеймскаго театра, изъявилъ желаніе поставить его піэсу на сцену, если онъ согласится измѣнить нѣкоторыя мѣста. Такого счастія Шиллеръ никакъ не смѣлъ надѣяться, тѣмъ болѣе, что Мангеймскій театръ, подъ искуснымъ управленіемъ Дальберга и при содѣйствіи актеровъ Бока и знаменитаго Ифланда, считался однимъ изъ лучшихъ въ Германіи.

13 января на углахъ всѣхъ Мангейскихъ улицъ, были приклеены афишки, напечатанныя огромными литерами: «*Разбойники, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, написанная для сцены г. Шиллеромъ.*» Это представленіе привлекло въ Мангеймъ многочисленное стеченіе зрителей. Изъ Гейдельберга, Франкфурта, Майнау и всѣхъ окрестныхъ городовъ толпами спѣшили любопытные пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ. Всѣ переходы театра кипѣли народомъ. Шиллеръ просилъ позволенія съѣздить въ Мангеймъ. Ему отказали, прибавивъ сухо, чтобы онъ побольше думалъ о своихъ обязанностяхъ. Но поэтъ не вытерпѣлъ, ушелъ тихонько, внималъ рукоплесканіямъ толпы и возвратился домой въ упоеніи восторга! Впечатлѣніе, произведенное его драмою, переходило изъ города въ городъ... Со всѣхъ сторонъ повторяли его имя; твореніе его было предметомъ всѣхъ разговоровъ. Германію наводнили драмы, которыхъ героями были премилые разбойники. Въ Лейпцигѣ цѣлое общество молодыхъ людей рѣшились удалиться въ Богемскіе лѣса и тамъ заняться благороднымъ ремесломъ грабителей. Шиллеръ былъ рѣшительно произведенъ во *львы*. Праздные посѣтители не давали ему покоя. Съ утра до вечера являлись къ нему — то щеголь-путешественникъ, который надѣялся блеснуть въ какой нибудь гостиной описаніемъ лица, пріемовъ, одежды юнаго поэта; то чувствительная дама, которая громко жаловалась на несправедливость и жестокость судьбы, при видѣ бѣдной комнаты и ветхой мебели того, кто заставлялъ ее проливать такія сладостныя слезы.

Но скоро Шиллеръ долженъ былъ искупить безплодные знаки удивленія, которые только льстили его тщеславію. *Разбойники* ввели его въ долги; онъ не зналъ какъ расплатиться. Все издавіе было раскуплево; но барышъ принадлежалъ книгопродавцу. Печатаніе Антологіи, которую онъ издалъ въ то же время, увеличило долгъ. Всего же горестнѣе было то, что неблагонамѣренные люди насказали великому герцогу о безнравственномъ содержаніи драмы, сочиненной Шиллеромъ, и даже старались доказать, что она заключала обидные намеки на его дворъ. Неудовольствіе герцога обнаружилось по самому ничтожному поводу. Во 2-мъ актѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «Ступай въ Гринвальдъ — это Аѳины плутовъ.» Г. С***, уроженецъ этой страны, горячо вступился за честь своей родины въ Гамбурскомъ Кореспондентѣ. Герцогу представили въ самыхъ черныхъ краскахъ дерзость Шиллера. Раздраженный принцъ запретилъ ему писать о другомъ предметѣ, кромѣ медицины и предписалъ заняться самымъ строгимъ исполненіемъ его обязанности.

Это запрещеніе поразило Шиллера, какъ громовой ударъ. Одушевленный успѣхомъ «*Разбойниковъ*» онъ составилъ планъ многихъ сочиненій, отъ которыхъ надѣялся всего въ будущемъ—и вдругъ ему велятъ заглушить мысль, вдохновеніе; отказаться отъ всего, что составляло его славу, радость, надежду, жизнь!

Черезъ нѣсколько времени онъ опять тихонько съѣздилъ въ Мангеймъ и подвергся аресту и жестокому выговору отъ герцога. Тогда Шиллеръ прибѣгнулъ къ барону Дальбергу въ надеждѣ, что онъ за-

ступится за него у герцога и исходатайствуетъ ему облегченіе приговора. Онъ написалъ къ нему длинное и трогательное письмо и получилъ учтивый отвѣтъ, въ которомъ баронъ ничего ему не обѣщалъ.

На другое письмо онъ не получилъ никакого отвѣта. Тогда Шиллеръ рѣшился оставить родину и семейство, съ опасностію быть схваченнымъ и осужденнымъ, какъ дезертеръ. Онъ надѣялся лично упросить барона Дальберга за него вступиться, а въ случаѣ неудачи поселиться въ Мангеймѣ и предаться тамъ на свободѣ литературнымъ занятіямъ.

Онъ выбралъ для побѣга время празднествъ, которыя давались въ Штутгардѣ по случаю прибытія одной царственной особы. Отцу онъ не сообщилъ своего намѣренія, чтобы не вовлечь его въ отвѣтственность передъ герцогомъ, и только простился съ матерью. Добрая старушка плакала, но не смѣла его удерживать. Товарищъ Шиллера Штрейтеръ, который ѣхалъ съ нимъ, не имѣя впрочемъ нужды скрываться, долженъ былъ взять на себя всѣ приготовленія къ отъѣзду, потому что Шиллеръ, восхищенный чтеніемъ какой-то оды и совершенно поглощенный своими мечтами, только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не способный думать ни о чемъ житейскомъ. Въ 10-ть часовъ вечера, двое друзей ѣхали по темнымъ улицамъ города, полные страха и безпокойства. Трудно выразить, что долженъ былъ чувствовать юный бѣглецъ, когда у заставы дежурный унтеръ-офицеръ остановилъ ихъ. Кто ѣдетъ?—Докторъ Эйттеръ и докторъ Вольфъ въ Есслингенъ. Пропускай! Карета проѣхала.

За заставою друзья вздохнули свободнѣе. Въ эту минуту яркій свѣтъ разлился по горизонту въ сторонѣ Людвигсбурга. Блескъ иллюминаціи внезапно озарилъ весь городъ и лѣсъ, гдѣ знаменитаго посѣтителя тѣшили охотою при свѣтѣ факеловъ. Въ этомъ лучезарномъ свѣтѣ, глазамъ Шиллера явился замокъ *Солитюдъ*, жилище его родителей; онъ невольно и тяжко вздохнулъ, произнося имя матери. На другой день, путешественники были въ Мангеймѣ. Баронъ Дальбергъ находился въ Штутгардѣ, но режиссеръ театра, Мейеръ, принялъ ихъ очень хорошо. Первымъ попеченіемъ Шиллера было написать къ герцогу почтительное письмо; онъ изъяснялъ ему причины своего побѣга и униженно просилъ позволенія слѣдовать своему призванію, обѣщая въ такомъ случаѣ возвратиться въ отечество и болѣе не подавать повода къ жалобамъ. Великій герцогъ велѣлъ ему объявить, что онъ можетъ возвратиться, не опасаясь наказанія. Не этимъ ограничивались надежды поэта. Онъ остался въ Мангеймѣ. Онъ привезъ съ собою рукопись *Заговора Фіески*, за которою въ послѣднее время работалъ каждую ночь. Актеры собрались у Мейера слушать чтеніе этой піесы. Читалъ Шиллеръ. Послѣ перваго дѣйствія, никто не сказалъ ни слова; со 2-го слушатели начали зѣвать, а нѣкоторые даже удалились; по окончаніи піэсы разошлись и остальные, не порадовавъ сердца юнаго автора ни однимъ словомъ одобренія. Шиллеръ, отправился домой въ отчаяніи. Оставшись съ его товарищемъ, Мейеръ спросилъ: — Скажите пожалуйста, не ужели точно Шиллеръ написалъ Разбойниковъ?—Конечно. Но къ чему такой вопросъ? — Мнѣ не вѣрится, чтобы авторъ, піесы, имѣвшей такой успѣхъ, могъ написать жалкую драму, которую мы сейчасъ слушали.

Вечеромъ Мейеръ вздумалъ самъ просмотрѣть піесу. Окончивъ чтеніе онъ тотчасъ побѣжалъ къ Штрейтеру. Виноватъ! вскричалъ онъ. *Фіеско* — превосходная драма и написана гораздо лучше *Разбойниковъ*. Но когда Шиллеръ читалъ ее, съ своею странною декламаціею и швабскимъ выговоромъ, она показалась намъ несносною. Положили принять піесу Шиллера, если ее одобритъ баронъ Дальбергъ, а авторъ нѣсколько исправитъ. Въ продолженіе спора, возвратилась жена режиссера, которая ѣздила на праздники въ Штутгардъ; она сообщила Шиллеру, что его бѣгство надѣлало много шума и уговаривала его скрыться. Друзья рѣшились удалиться въ Франкфуртъ. Они идутъ пѣшкомъ, проселочными дорогами, Шил-

леръ, занятый своими поэтическими мечтами, то погруженный въ глубочайшее уныніе, то въ восхищеніи отъ какихъ нибудь стиховъ; за нимъ слѣдовалъ вѣрный Штрейтеръ, указывая ему путь, поддерживая его, какъ больное дитя.

Изъ Франкфурта Шиллеръ писалъ къ Дальбергу, представляя ему въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ свое горестное положеніе, и умоляя прислать сколько нибудь денегъ, въ зачетъ за представленіе *Фіески*. Послѣ многихъ дней томительнаго ожиданія, послѣ многократныхъ путешествій на почту, Шиллеръ получилъ отъ Мейера письмо, наполненное безплодными похвалами и холодную, ничего незначащую записку отъ того, кого онъ считалъ своимъ покровителемъ.

Положеніе поэта и его друга было ужасно. Къ счастію, неожиданный случай спасъ ихъ отъ голодной смерти. Товарищъ Шиллера получилъ отъ матери нѣсколько денегъ на проѣздъ въ Гамбургъ, гдѣ онъ предполагалъ учиться музыкѣ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать первоначальному плану, онъ раздѣлилъ деньги съ Шиллеромъ. Оставаться въ Франкфуртѣ, гдѣ жизненные припасы непомѣрно дороги, было невозможно. Друзья снова избрали мѣстомъ своего пребыванія окрестности Мангейма, а именно: мѣстечко Опергеймъ. Тамъ, живя въ глубочайшемъ уединеніи, Шиллеръ исправилъ *Фіеско*, и началъ писать *Коварство и Любовь*, работая большею частію ночью. Эта привычка, впослѣдствіи, сдѣлалась для него необходимостію и много способствовала къ разстройству его здоровья.

Черезъ мѣсяцъ онъ представилъ *Фіеско* Дальбергу, но, не смотря на настояніе Иффланда, Дальбергъ отказался принять эту піэсу. Шиллеръ въ отчаяніи поспѣшилъ продать ее книгопродавцу Швану, по лудору за листъ. Разставшись съ своимъ вѣрнымъ Штрейтеромъ, онъ поспѣшилъ принять убѣжище, которое предложила ему г-жа Вольцогенъ, мать одного изъ его школьныхъ товарищей.

Тамъ Шиллеръ провелъ нѣсколько счастливыхъ дней въ мечтахъ и занятіяхъ. Онъ жилъ одинъ, въ пріятномъ убѣжищѣ, въ странѣ наполненной цвѣтущими долинами, окруженной лѣсами. Все его общество составляли книгопродавецъ ближняго города Рудольштата, Рейнвальдъ, который, впослѣдствіи, женился на его сестрѣ, и управитель замка, съ которымъ онъ изрѣдка игралъ въ шахматы. Онъ проводилъ цѣлые дни въ лѣсу и въ полѣ, обдумывая *Коварство и Любовь* и *Дона Карлоса*. Его уединеніе было на время прервано пріѣздомъ владѣтельницы дачи съ дочерью, которая сдѣлалась для Шиллера предметомъ нѣжной, чистой и идеальной любви. Мысль о союзѣ съ нею брала въ немъ верхъ даже надъ надеждами и самолюбіемъ поэта, о чемъ онъ самъ писалъ къ матери Шарлоты. «Было время, когда надежда безсмертія и славы восхищала меня, какъ восхищаетъ дѣвушку бальный нарядъ; теперь же слава не имѣетъ болѣе цѣны въ моихъ глазахъ. Я дарю вамъ мои лавры для приправы соусовъ, а мою трагическую музу отдаю вамъ въ услуженіе. О! что значитъ самая блистательная слава поэта въ сравненіи со счастіемъ.» Но Шарлота была обручена съ другимъ и Шиллеръ имѣлъ твердость побѣдить свою страсть. Вотъ что писалъ онъ къ брату этой дѣвушки: «Здѣсь, я въ первый разъ узналъ, какъ мало нужно для счастія. Первое его условіе благородное, пылкое сердце, а самый драгоцѣнный его даръ — вѣрный другъ. Восемь лѣтъ жили мы вмѣстѣ и были равнодушны одинъ къ другому. Теперь когда судьба разлучила насъ, мы стараемся сблизиться. Ты сдѣлалъ первый шагъ, и я стыжусь этого. Я всегда болѣе умѣлъ сохранять старыхъ друзей, нежели пріобрѣтать новыхъ... Ты поручилъ мнѣ Шарлоту. Благодарю тебя за такую довѣренность... Завидую тебѣ въ счастіи имѣть такую сестру. Ея душа чиста, прекрасна, обильна чувствами, какъ будто только что вышла изъ рукъ Создателя. Дыханіе общаго развращенія не коснулось еще свѣтлаго зерцала ея мысли. О, горе тому, кто дерзнулъ бы помрачить эту непорочную душу! Будь покоенъ на счетъ моего усердія давать уроки. Твоя матушка повѣрила мнѣ свои намѣренія въ отношеніи Шарлоты. Я знаю М**. Между нами были небольшія размолвки, но я не сержусь на него и говоря по совѣсти, долженъ признаться,

что онъ достоинъ твоей сестры. Я уважаю его. Чувство его къ ней благородно, а Шарлота любитъ его, какъ любятъ дѣвушки въ первый разъ». Шарлота никогда не знала, сколько пробудила любви въ душѣ поэта и чувствовала къ нему одну дружбу. Она вышла за того, кого ей назначили и черезъ годъ послѣ свадьбы скончалась.

Наконецъ баронъ Дальбергъ подалъ Шиллеру знакъ жизни, видя, что великій герцогъ его не преслѣдуетъ. «Вѣрно на Мангеймскомъ театрѣ случилось какое нибудь несчастіе, говорилъ Шиллеръ, иначе я не получилъ бы письма отъ Дальберга». Онъ поспѣшилъ въ Мангеймъ. Дальбергъ принялъ его отлично и уговаривалъ заключить съ нимъ условіе, которое удержало бы его въ Мангеймѣ. Шиллеръ принялъ его предложеніе на годъ. Онъ отдалъ на театръ свои двѣ піесы и обязался поставить еще третью, за 1,200 франковъ. Спачала, это положеніе удовлетворяло всѣ его желанія. Онъ нашелъ въ Мангеймѣ Штрейтера; мать и сестра его пріѣхали съ нимъ повидаться; онъ свободно предался своимъ занятіямъ и въ домахъ Дальберга и книгопродавца Швана ежедневно пользовался обществомъ отличныхъ людей, которые оказывали лестное уваженіе къ его генію. Въ концѣ 1784, *Фіеско* былъ представленъ, но не произвелъ большаго впечатлѣнія. Онъ имѣлъ болѣе успѣха въ Франкфуртѣ и Берлинѣ, гдѣ въ теченіе трехъ недѣль, его давали 15 разъ. Французская республика прислала ему титулъ гражданина, за сочиненіе *Фіески*, котораго она назвала «*республиканскою трагедіею*». Когда, по прошествіи трехъ смутныхъ лѣтъ, грамота дошла наконецъ къ Шиллеру, онъ замѣтилъ, что изо всѣхъ членовъ конвента, которые ее подписали, ни одного не осталось въ живыхъ. Не такъ понималъ Шиллеръ свободу и республику.

Коварство и Любовь, представленная черезъ 3 мѣсяца послѣ *Фіески*, была принята съ восторгомъ. Зрители обратились къ ложѣ, гдѣ находился Шиллеръ и привѣтствовали его поклонами и восклицаніями. Но эти успѣхи не вознаграждали его за безпрерывную нужду. 1,200 флориновъ было слишкомъ недостаточно для содержанія въ большемъ городѣ. Онъ опять заложалъ. Къ довершенію несчастія, Дальбергъ отказался возобновить съ нимъ условіе и даже увѣщевалъ его снова приняться за медицину. Шиллеръ былъ согласенъ и на это и просилъ только дать ему средства провести годъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, но получилъ отказъ.

Съ горя, онъ принялся за изданіе *драматико-критическаго* журнала. Справедливыя, но рѣзкія замѣчанія на игру актеровъ надѣлали ему множество враговъ. Вытерпѣвъ тысячу оскорбленій, онъ рѣшился оставить Мангеймъ, гдѣ вмѣсто выгодъ пріобрѣлъ только титулъ совѣтника, данный ему герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ въ проѣздъ его черезъ этотъ городъ. Въ Германіи, гдѣ такъ много придаютъ важности пустымъ звукамъ, *г. совѣтникъ Шиллеръ* значилъ болѣе, нежели *Шиллеръ*, авторъ трехъ большихъ драмъ. «Не хочу болѣе жить одинъ, писалъ онъ къ своему другу Губеру, въ Лейпцигъ. Входить въ мелочныя подробности жизни для меня труднѣе, несноснѣе всего на свѣтѣ; кромѣ того, чтобы знать счастіе, мнѣ нужно имѣть возлѣ себя, какъ ангела-хранителя, друга, которому я могъ бы сообщать мои мысли, по мѣрѣ того, какъ онѣ возникаютъ въ моей душѣ. Если ты не откажешь раздѣлить со мною твое убѣжище, я буду совершенно покоенъ. Ты можешь повѣрить, что я не дурной товарищъ; подъ часъ могу сообразоваться съ характеромъ друга, развеселить его и даже способствовать въ великой цѣли нравственнаго усовершенствованія. Для моего помѣщенія нужна только спальня, которая въ то же время будетъ и моимъ кабинетомъ, и еще комнатка для пріема гостей.—Всю мою мебель составятъ комодъ, конторка, кровать, диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Непріятно мнѣ было бы жить въ нижнемъ этажѣ, или на чердакѣ, или имѣть передъ окнами видъ кладбища. Я люблю смотрѣть на людей, люблю наблюдать движеніе толпы.» Шиллеръ отправился въ Лейпцигъ съ твердою рѣшимостію избрать другое поприще, кромѣ литературныхъ занятій. Быть можетъ, чувство, которое внушала

ему тогда дочь книгопродавца Швана, было причиною, что въ немъ пробудилось желаніе положительной жизни. Черезъ нѣсколько времени, по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, онъ просилъ руки этой дѣвушки. Въ порывѣ горестнаго изумленія, произведеннаго отказомъ, Шиллеръ написалъ одну изъ самыхъ трогательныхъ и торжественныхъ своихъ элегій—*Покорность Провидѣнію*. Онъ не прервалъ однако же дружескихъ сношеній съ Шваномъ. Неизвѣстно, что заставило его разстаться съ Губеромъ, съ которымъ онъ такъ желалъ жить вмѣстѣ. Положеніе его нисколько не улучшалось.

Но собственныя горести не могли сдѣлать его не чувствительнымъ къ страданіямъ другихъ. Въ полумилѣ отъ Лейпцига находится большая равнина; на ней, среди саловъ и виноградниковъ, раскинуто село Голисъ, мѣсто знаменитой битвы 1813-го года. Тамъ, въ уединенной тѣни прекраснаго Розенгеймскаго лѣса, не разъ воспѣтаго нѣмецкими поэтами, Шиллеръ обдумывалъ свои творенія. Однажды, прохаживаясь по берегу рѣки, онъ увидѣлъ несчастнаго студента, который отъ нищеты хотѣлъ утопиться. Шиллеръ отдалъ ему все, что имѣлъ съ собою, утѣшилъ, обнадежилъ пособіемъ въ будущемъ. Въ тотъ же вечеръ, находясь въ большомъ обществѣ, онъ съ жаромъ, увлекательно описывалъ свое приключеніе; потомъ взялъ тарелку и обошелъ присутствующихъ. Геній поэта расположилъ сердца людей къ состраданію. Несчастный получилъ сумму, которая на-долго оградила его отъ бѣдности. Этотъ поступокъ внушилъ Шиллеру прекрасную оду: Freude schöner, Götterfunke которая пользуется въ Германіи такою народностію, что ее поютъ на всѣхъ праздникахъ.

Предаваясь поэтическимъ вдохновеніямъ, Шиллеръ посвящалъ большую часть времени изученію философіи и исторіи — этого глубокаго источника философіи и поэзіи. Изысканія, которыя онъ дѣлалъ для *Дона Карлоса* побудили его написать *Исторію отпаденія Нидерландовъ*. Въ это время, онъ долженъ былъ отлучиться въ Дрезденъ, гдѣ познакомился съ одною дѣвушкою рѣдкой красоты. Пронырливая и опытная кокетка, она тотчасъ завлекла его въ свои сѣти. Мы сказали уже, что наружность Шиллера для тѣхъ, кто не умѣлъ понимать благороднаго и живаго выраженія его лица, совсѣмъ не казалась привлекательною. Къ этому должно прибавить величайшую небрежностькостюма, до которой когда либо доходилъ поэтъ. Обыкновенно онъ являлся въ свѣтѣ въ сѣромъ поношевномъ сюртукѣ, безъ галстуха, съ растрепанными волосами, съ лицемъ, выпачканымъ табакомъ. Только его блистательная слава и надежда выманить у него, какъ и у другихъ посѣтителей всякаго рода, подарки, побудили мать дѣвушки искатьего посѣщеній. Кто знаетъ чѣмъ кончилось бы гибельное увлеченіе поэта и какое вліяніе имѣло бы на его творческую дѣятельность, если бы друзья съ величайшимъ трудомъ не успѣли освободить его отъ опаснаго знакомства. Но скоро Шиллеръ забылъ свою мимолетную страсть. Онъ поѣхалъ въ Рудольфштатъ для свиданія съ своимъ другомъ и зятемъ Рейнвальдомъ. Это путешествіе рѣшило его участь. У своей прежней благодѣтельницы, г-жи Вольцогенъ онъ встрѣтилъ дѣвушку изъ благороднаго семейства, кроткую, ласковую и образованную, Шарлоту фонъ Ленгенфельсъ, которой судьба назначила быть подругою поэта. Въ домѣ ея матери онъ сошелся въ первый разъ съ Гёте. Со всею пылкостію своей души, со всѣмъ энтузіазмомъ юности Шиллеръ приближался къ человѣку, котораго умъ и дарованія уже царствовали безпредѣльно надъ всею нѣмецкою литературою. Но спокойствіе вѣчнаго безпристрастія Гёте, эта совершенная нравственная независимость, эта подвижность воображенія, которое всѣмъ довольствуется, все постигаетъ, всѣмъ одушевляется, никогда не извлекая ни изъ чего послѣдствій, эта всеобщность впечатлѣній, подобная зеркалу, если бы, отражая предметы, оно было одарено способностію находить въ этомъ наслажденіе, однимъ словомъ, весь характеръ Гёте нисколько не соотвѣтствовалъ страстному ожиданію Шиллера. Ихъ свиданіе не предвѣщало дружбы, которая соединяла въ послѣдствіи двухъ поэтовъ. Шиллеръ писалъ тогда къ Кернеру: «Высокое понятіе, которое я составилъ себѣ о Гёте, не уменьшилось, но между нами кажется, никогда не можетъ существовать дружбы. Ты-

слча предметовъ, которыеменя занимаютъ, возбуждаютъ мои желанія и надежды, для него уже истощены; его природа совершенно противоположна моей; свѣтъ его мнѣ чуждъ, и въ особенности, наши взгляды на предметы совершенно различны.»Говорятъ, что по совѣту и примѣру Гёте, Шиллеръ сталъ ревностно заниматься изученіемъ Гомера и греческихъ трагиковъ. Онъ перевелъ Ифигенію Эврипида и отрывки изъ его Финикіянокъ. Но среди разнообразныхъ и безпрерывныхъ трудовъ, желаніе семейной жизни и тихихъ ея радостей, столь свойственныхъ кроткой, любящей душѣ Шиллера,пробудилось въ немъ съ новою силою.

«До сихъ поръ, писалъ онъ къ своему другу, я былъ одинокимъ, и, такъ сказать, пришельцемъ въ жизни. Въ цѣломъ мірѣ не имѣлъ я угла, который могъ бы назвать своимъ, не имѣлъ ничего, къ чему бы сердце мое было неразрывно привязано. Я жажду семейной жизни. Давно уже я не испытывалъ счастія, не потому чтобы не имѣлъ случаевъ, но потому что только прикасался губами къ чашѣ радости, а не вкушалъ изъ нея, ибо не имѣлъ такихъ сладостныхъ ощущеній, которыя доставляетъ спокойная семейная жизнь.» Только сознаніе своей крайней бѣдности не позволяло ему просить руки избранной имъ дѣвушки. Но великій герцогъ Веймарскій вскорѣ назначилъ его профессоромъ Исторіи при Іенскомъ университетѣ. Сначала ,поэта поразила мысль объ игѣ, которое возлагала на него эта новая обязанность; онъ боялся утратить свою свободу. «Какъ тяжко, говорилъ онъ:—разставаться съ прекрасными, очаровательными музами! Онѣ женщины, слѣдовательно злопамятны. Сами онѣ часто покидаютъ насъ, но не любятъ, чтобы ихъ покидали. Онѣ уже не возвращаются на призваніе того, кто разъ ихъ оставилъ.—Я боюсь, примолвилъ онъ, смѣясь:—что буду жалкою фигурой въ моей новой обязанности; многіе изъ студентовъ свѣдущѣе въ Исторіи самаго профессора. Но я буду помнить слова Панеы: «Богъ дастъ должность, дастъ и умъ ее выполнить. Лишь бы мнѣ только получить островъ, а тамъ, ужъ я съ умѣю съ нимъ управиться.»

Однако послѣдствія не оправдали опасеній, которыя создавала себѣ трогательная скромность поэта. Его лекціи имѣли блистательный успѣхъ. Ежедневно стекалось къ нему болѣе 400 слушателей, привлеченныхъ уваженіемъ къ его генію и благородному характеру. Казалось, сама судьба старалась осуществить мечты и надежды Шиллера, стеченіемъ въ одно время многихъ благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Великій герцогъ назначилъ ему по 300 талеровъ жалованья. Братъ барона Дальберга изъявилъ намѣреніе давать ему 4000 флориновъ пенсіи. Въ 1790 году Шиллеръ женился. Былъ ли онъ счастливъ, можно заключить изъ письма, которое онъ писалъ къ другу, нѣсколько времени спустя послѣ свадьбы: «Жизнь представляется совершенно другою возлѣ любимой женщины, нежели тогда, когда живешь одинокій, покинутый всѣми. Еще въ первый разъ, я въ полномъ смыслѣ наслаждаюсь прекрасною природою и живу въ ней; я ношусь вокругъ себя веселою мыслію; мое сердце довольно; умъ находитъ пищу и успокоеніе. Все мое существо въ совершенной гармоніи; жизнь моя не обуревается болѣе страстями; она протекаетъ въ мирѣ и тишинѣ. Я весело смотрю въ будущее. Я достигъ цѣли и дивлюсь, какъ все случилось со мною сверхъ ожиданія. Сама судьба, казалось, преодолѣла всѣ препятствія, сама на рукахъ донесла меня къ цѣли. Всего ожидаю я отъ будущаго. Еще нѣсколько лѣтъ и я вступлю въ полное обладаніе своими умственными способностями; да, я надѣюсь возвратить для себя прекраснѣйшіе годы юности, возсоздавъ на свободѣ мою прекрасную внутреннюю жизнь поэта.» Изъ этого можно также заключить, что счастіе не мѣшало ему предаваться всей своей дѣятельности. Онъ писалъ тогда *Исторію 30-тилѣтней войны*, и принималъ участіе въ литературной газетѣ Талія. Но эта самая дѣятельность и была гибельна для его здоровья. Онъ сдѣлался боленъ такъ опасно, что въ цѣлой Германіи пронесся слухъ о его смерти. Доктора послали его въ Карлсбадъ, обѣщая облегченіе; но, увы! съ прекращеніемъ занятій,

Шиллеру снова грозили всѣ мученія и заботы бѣдности; гидра нужды поднимала уже свое жало. Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, иностранецъ, Принцъ Аугустембургскій, по просьбѣ знаменитаго датскаго писателя Богазена, пришелъ къ нему на помощь, предложивъ пенсію въ 4000 фл. Благородство и деликатность, съ которыми было выражено это предложеніе, не разбудили даже подозрительной гордости поэта и не позволили ему отказаться отъ суммы, которая была благодѣяніемъ для знаменитаго пѣвца Германіи. По возвращеніи въ Іену, здоровье Шиллера снова разстроилось; для поправленія его онъ долженъ былъ опять прибѣгнуть къ путешествію. Давно уже желаніе повидаться съ семействомъ таилось въ его душѣ. Остановясь въ Гейльбруннѣ, онъ писалъ въ Штутгардъ, можетъ ли безъопасности тамъ появиться. Великій герцогъ велѣлъ ему сказать, что не будетъ знать о его пріѣздѣ. Шиллеръ поѣхалъ. О, какая была радость для поэта свободно посѣтить отечество, покинутое имъ въ страхѣ, нищетѣ и тоскѣ смертельной! Свидѣться послѣ 10-ти лѣтней разлуки съ нѣжною, снисходительною матерью, съ отцемъ, который жаловался на бѣгство сына и видѣлъ его увѣнчаннымъ славою; съ сестрою, которая съ восторгомъ декламировала его стихи; съ друзьями, товарищами, которые съ радостію обступили его и напоминали ему школьное затворничество! Онъ посѣтилъ также своихъ профессоровъ и даже старика Яна, который съ гордостію припоминалъ, что давалъ уроки знаменитому Шиллеру. Но и среди радости свиданія съ родными и дружескихъ изліяній, Шиллеръ ревностно занимался *Валленштейномъ*. По возвращеніи въ Іену, онъ началъ издавать ежемѣсячное собраніе сочиненій подъ названіемъ: *Часы*. Не смотря на усиліе издателя и сотрудниковъ, изъ которыхъ многіе были извѣстны публикѣ своими твореніями, этотъ журналъ не произвелъ большаго впечатлѣнія и скоро прекратился. Съ этого времени, начинаются его дружескія сношенія съ Гёте. Два великіе поэта поняли, что они могутъ быть полезны одинъ другому, по самому различію своихъ свойствъ и образа жизни. Они шли паралельно, по двумъ противуположнымъ путямъ, но соединялись на высшей точкѣ искусства. Между ними установилась постоянная, ученая и дружественная переписка. Въ такихъ же сношеніяхъ былъ Шиллеръ съ Гумбольдтомъ. Въ 1795 году онъ сталъ издавать Альманахъ Музъ, который имѣлъ большой успѣхъ. Въ немъ, появились въ первый разъ прелестнѣйшія изъ его стихотвореній и балладъ. Тамъ же онъ и Гёте помѣщали небольшія двустишія, извѣстныя подъ названіемъ Ксеніевъ, и содержащія колкія эпиграммы на многихъ современныхъ писателей. Въ 98-мъ году онъ ковчилъ *Валленштейна*. Въ концѣ того же года эта трагедія была представлена на Веймарскомъ театрѣ, обязанномъ своею славою Гёте, который управлялъ имъ. Веймаръ, небольшой городокъ съ 6,000 жителей, былъ резиденціею двора, въ которомъ царствовалъ самый истинный и просвѣщенный вкусъ къ словесности. Въ Веймарѣ поселились Гердеръ и Виландъ. Веймарскій театръ походилъ на домашнюю сцену; актеры и сочинители, увѣренные въ добромъ расположеніи небольшой, но просвѣщенной публики, смѣло предавались своему вдохновенію. Гёте съ подвижностію ума, которая его отличала, находилъ особенное удовольствіе дѣлать на этой небольшой сценѣ самые разнообразные опыты. Иногда, устроивали залу на подобіе древняго театра; хоръ занималъ мѣсто оркестра; представляли какую нибудь греческую трагедію въ буквальномъ переводѣ. Въ другой разъ, играли комедію Теренція съ масками, сдѣланными по древнимъ рисункамъ. Потомъ появлялись на сцену вѣрные переводы Шекспира А. Шлегеля. Костюмы были наблюдаемы съ мелочною точностію. Самые знаменитые актеры дорожили честію дать нѣсколько представленій на Веймарскомъ театрѣ и заслужить лестныя похвалы знатоковъ. Можно вообразить, съ какимъ стараніемъ была представлена піеса Шиллера, которая должна была сдѣлать эпоху въ нѣмецкой литературѣ. Тщательно розыскали, какіе оружія и костюмы носили

солдаты 30-ти лѣтней войны, какой цѣлъ означалъ военачальника. Малѣйшія роли были выполнены такъ, что содѣйствовали общему успѣху. Выведенный на сцену съ такою точностію, лагерь Валленштейна долженъ былъ представлять самое любопытное и занимательное зрѣлище.

Въ скоромъ времени, Шиллеръ основался въ Веймарѣ. Тамъ, совершенно преданный драматическому искусству, среди своего семейства, въ обществѣ г-жи Вольцогенъ своей невѣстки, которой возвышенная душа и образованный умъ доставляли ему много наслажденій, въ кругу славнѣйшихъ литераторовъ, онъ былъ счастливѣе, нежели когда нибудь. Говорятъ, что дружба его съ Гёте представляла зрѣлище самое трогательное. Шиллеръ имѣлъ характеръ тревожный, болѣзненно-раздражительный. Онъ былъ обыкновенно молчаливъ; рѣчь и лице его оживлялись только въ минуты восторга. Въ обыкновенныхъ общественныхъ отношеніяхъ, онъ не рѣдко являлся требовательнымъ, своенравнымъ. Въ такихъ случаяхъ Гёте оказывалъ ему самую нѣжную внимательность. Болѣе, нежели кто другой, онъ былъ чувствителенъ къ его ларованіямъ; быть можетъ, потому, что находилъ въ немъ качества, которыхъ ему недоставало.

Въ продолженіе не многихъ годовъ Шиллеръ выдалъ: *Орлеанскую дѣву*, *Мессинскую невѣсту* и *Марію Стуартъ*; окончилъ переводъ *Макбета*, *Турандота* (волшебной комедіи Гоцца), и двухъ Французскихъ комедій. Среди своихъ бесѣдъ съ строгою трагическою музою, Шиллеръ не покидалъ своей лирической музы. Кто не знаетъ его *Пѣсни о колоколѣ*, его *Кассандры*, его *Торжества побѣдителей* и пр.? Многіе изъ его романсовъ и балладъ принадлежатъ также къ этой эпохѣ. Въ это же время, по желанію герцога, онъ перевелъ *Федру*. Этотъ переводъ вышелъ однако же послѣ *Вильгельма Телля*, послѣдняго и прекраснѣйшаго созданія Шиллера.

Но ни слава поэта, ни всеобщее уваженіе, которымъ его окружали, ни наслажденіе, которое онъ находилъ въ своихъ занятіяхъ, ни тихое семейное счастіе,—ничто не могло продлить его жизни долѣе срока, назначеннаго Провидѣніемъ; здоровье Шиллера видимо истощалось. Онъ самъ, казалось, предчувствовалъ близкій конецъ, и это предчувствіе только увеличивало его рвеніе къ занятіямъ. Онъ составилъ множество плановъ для драматическихъ твореній; изъ нихъ была всѣхъ болѣе приведена къ окончанію трагедія *Лжедмитрій*. Изъ отрывковъ, которые остались послѣ его смерти, особенно заслуживаютъ вниманіе оживленная и вѣрная картина польскаго сейма, и изображеніе характера этой націи. Въ 1805 году Шиллеръ занемогъ простудною лихорадкою, которая быстро усилилась. Всѣ, кто его зналъ и любилъ, а это значило одно и тоже, были поражены извѣстіемъ о его болѣзни. Онъ одинъ не изъявлялъ ни страха, ни безпокойства; до послѣдней минуты онъ оставался такимъ же добрымъ и ласковымъ ко всѣмъ окружающимъ, какимъ былъ въ продолженіе всей жизни. Когда ему становилось легче, онъ заставлялъ читать народныя преданія, рыцарскія сказки; кротко и спокойно говорилъ о женѣ, дѣтяхъ и о своей драмѣ, за которую, хотя и тщетно, нѣсколько разъ еще хотѣлъ приняться. 8-го мая, онъ позвалъ меньшую дочь, взялъ ее за руку, долго смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ глубочайшей горести, потомъ отвернулся, спряталъ голову въ подушки и горько заплакалъ. Вечеромъ невѣстка Шиллера спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ? *Все спокойнѣе и лучше*, отвѣчалъ онъ. Потомъ попросилъ ее отдернуть занавѣсы, яснымъ взоромъ встрѣтилъ лучи заходящаго солнца, которые еще золотили блѣднымъ и тонкимъ отсвѣтомъ его окна, и изъ глубины души простился съ природою, которую любилъ страстною любовію поэта. На другой день онъ скончался. Ему не было еще 46 лѣтъ.

Извѣстіе о его смерти произвело въ Германіи всеобщее чувство горести. Въ Веймарѣ закрыли театръ. Жители надѣли трауръ. Въ домѣ богача и хижинѣ бѣднаго, на улицахъ и на площадяхъ,

смерть и послѣднія минуты Шиллера были единственнымъ предметомъ разговоровъ. Его похоронили ночью. Двѣнадцать юношей изъ знатнѣйшихъ семействъ испросили честь нести его тѣло. День былъ бурный. Густыя тучи облегали небо. Но въ ту минуту, когда гробъ опускали въ землю, тучи раздвинулись, явилась луна и кроткій лучъ ея озарилъ могилу ея любимца-поэта.

ГОГОЛЬ ВЪ МАЛОРОССІИ.

УѢЗДНАЯ БЫЛЬ.

I.

Какъ жаль, что я не художникъ! Какой вѣрной, отчетливой кистью изобразилъ-бы я задумчивыя лица двухъ знакомыхъ мнѣ путешественниковъ, которые въ это время, молча, сидѣли на ветхой софѣ, въ домѣ содержателя почтовой станціи. Я уловилъ-бы каждую, малѣйшую черточку ихъ печальныхъ физіономій, и такъ *выпукло* обрисовалъ-бы эту печаль, что, взглянувъ на лица путешественниковъ, вы тотчасъ угадали-бы причину ихъ печали: «всѣ почтовыя лошади въ разгонѣ!»

Одинъ изъ моихъ героевъ былъ юноша лѣтъ двадцати двухъ, стройный, блѣднолицый, въ стальныхъ очкахъ. Онъ сидѣлъ, склоня свое лице на правую руру, а лѣвую заложилъ въ боковой карманъ теплаго, дорожнаго сюртука. Товарищъ его, двумя или тремя годами постарше своего спутника, былъ еще пасмурнѣе. Онъ такъ уныло свѣсилъ къ груди голову, и такъ страшно нахмурилъ свои черныя брови, что, какъ двѣ капли воды, походилъ на одного знакомаго мнѣ актера въ ту минуту, когда онъ декламировалъ извѣстный всѣмъ монологъ Гамлета «*Быть или не быть?*» Взоры этого путешественника были устремлены въ окно почтоваго дома, сквозь которое едва-ли что можно было увидѣть, потому что январскій морозъ расписалъ стекла своими фантастическими узорами. Но онъ разрушилъ своимъ дыханіемъ нѣсколько цвѣточковъ пышнаго узора, протеръ стекло носовымъ платкомъ — и внимательно смотрѣлъ на проѣзжую дорогу. Путешественникъ этотъ держалъ въ зубахъ янтарный мундштукъ коротенькаго чубука, сплетеннаго изъ лошадиной гривы; хотя огонь въ трубкѣ давно погасъ, но онъ, порою, втягивалъ въ себя воздухъ изъ чубука и выпускалъ изо рта не струи табачнаго дыма, но паръ собственнаго дыханія: въ комнатѣ было довольно прохладно. Потомъ, онъ вдругъ всталъ съ мѣста, протеръ еще разъ платкомъ стекло — и смотрѣлъ... смотрѣлъ! Вотъ онъ приложилъ ухо къ окну, желая явственнѣе разслышать что-то... физіономія его выражала въ эту минуту радость и нетерпѣніе. Онъ отнялъ ото рта чубукъ и спросилъ своего товарища:

— Ѳедоръ! слышишь?

— Что такое? проговорилъ блѣднолицый юноша въ очкахъ, выведенный этимъ вопросомъ изъ своей задумчивости.

— Колокольчикъ! вскричалъ первый путешественникъ.

— Колокольчикъ! повторилъ его товарищъ—и оба они выбѣжали изъ комнаты на крыльцо.

И точно къ крыльцу подъѣзжала почтовая повозка, въ которой сидѣлъ мужчина, въ военной шинели.

— Ай-да хватъ! славно прокатилъ! сказалъ военный, вставая съ повозки, когда она остановилась передъ домомъ: — Вотъ тебѣ двугривенной на водку! прибавилъ онъ, подавая монету ямщику.

Ямщикъ снялъ шляпу, почесалъ затылокъ и молвилъ: «Мало, добродію! Ей-же то Богу мало!.. Кони биглі щò есть духу... Будьте ласковы—прибавьте еще гривенку...

— Послушай, ямщикъ! прервалъ его слова одинъ изъ моихъ героевъ — нетерпѣливѣйшій: — не распрягай лошадей... мы сію минуту поѣдемъ... Насилу дождались: четыре часа сидимъ на станціи... Ну-же! выкладывай изъ повозки чемоданъ офицера — мы сію минуту ѣдемъ...

— Щò вы кажете? Куда ихать? спросилъ его ямщикъ на своемъ малороссійскомъ нарѣчіи.

— Извѣство куда: на слѣдующую станцію — въ Гадячь...

— Въ Гадячь? — Та щò се вы... Въ Гадячь? — Та куды вамъ!.. Чи можно таки на сихъ коняхъ доѣхати до Гадяча: не довезутъ!

— О, вздоръ! какъ нибудь доѣдемъ!.. Даль не Богъ знаетъ какая: сорокъ верстъ... Ну же, проворнѣй! Вотъ тебѣ цѣлковый на водку!

— Ни, добродію! Не возьму и двухъ! Чего не можно, то не можно!

— Ну, сдѣлай же одолженье! Если тебѣ мало одного цѣлковаго, я заплачу два...

— Не турбуйтесь понапрасно! Подивитесь на коней—яки воны? вси въ мылѣ... Одно слово: не можно! Выбачайте, панове!

— Ахъ, ты хохолъ сякой, такой!... закричалъ было раздосадованный путешественникъ, но товарищъ его, по видимому болѣе разсудительный, взялъ его за руку и сказалъ:

— Не горячись, mon cher! Онъ говоритъ правду. Ну, гдѣ этимъ измученнымъ клячамъ довезти насъ до Гадяча? Да. онѣ на второй же верстѣ приставутъ! Ужъ обождемъ еще часа три, четыре, пока онѣ отдохнутъ: нечего дѣлать!

Они снова вошли въ комнату и молча сѣли на прежнія мѣста свои. Пріѣхавшій офицеръ расположился въ другой, сосѣдней комнатѣ. Онъ съ досады что «лошади въ разгонѣ» хватилъ три чарочки малороссійской *варенухи*, разостлалъ на лавкѣ свою шинель, положилъ подъ голову чемоданъ, легъ и уснулъ. Но не объ немъ рѣчь! Пускай почиваетъ, а я васъ, между тѣмъ, познакомлю съ моими героями.

Блѣднолицый юноша въ очкахъ былъ — *Оедоръ Блюдечко*. Товарищъ его прозывался — *Евгеній Ситечко*. Оба они служили въ канцеляріи полтавскаго гражданскаго губернатора, и оба принадлежали къ разряду «ученыхъ канцелярскихъ чиновниковъ», потому что какъ тотъ, такъ и другой при опредѣленіи своемъ на службу представили аттестаты на степень *дѣйствительнаго студента*. Они ѣхали теперь изъ Полтавы въ Роменскій уѣздъ: Блюдечко къ своей старушкѣ матери, Ситечко—къ своей невѣстѣ, съ которой онъ не видался уже цѣлыя двѣ недѣли! Теперь причина его поспѣшности вамъ должна быть очень понятна.

— Это ужасно! сказалъ Евгеній, выходя изъ задумчивости. Это ужасно! повторилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, стоящему подлѣ него: четыре битыхъ часа ожидали лошадей — и, вотъ, опять должны ожидать столько же!.. Ахъ, онъ извергъ! Ахъ, онъ Іуда проклятый! говорилъ раздосадованный Ситечко, потчуя такими именами еврея, содержателя почтовой станціи.

— Да чѣмъ виноватъ Іуда, когда всѣ лошади въ разгонѣ? замѣтилъ весьма справедливо Оедоръ Блюдечко. Что дѣлать?.. не горячись! Подождемъ... Больше ждали — меньше осталось! Посмотри, вотъ, ужъ часъ прошелъ незамѣтно, прибавилъ онъ, вынувъ изъ кармана часы и показывая ихъ въ утѣшеніе своему опечаленному спутнику: —чрезъ три часа лошади отдохнутъ—и мы отправимся...

— Чрезъ три часа? Шутка! Будто это скоро!.. Три часа!! — И онъ снова началъ изливать свою желчь на бѣднаго еврея.

— Ты, право, странный человѣкъ!

Конечно, кому пріятно сидѣть въ этихъ стѣнахъ, но стоитъ ли такъ горячиться изъ такихъ пустяковъ?

— Пустяковъ? Такъ ты считаешь пустякомъ, что я, по милости этого негодяя, сижу пять часовъ въ холодной комнатѣ, между тѣмъ, когда бы я уже могъ быть близь моей невѣсты? Это у тебя пустяки?

— Днемъ раньше, днемъ позже: не все ли равно? Если нынче не удастся намъ пріѣхать въ Гадячъ, пріѣдемъ завтра... Одинъ день разницы—не велика бѣда!

— О, ты прекрасно разсуждаешь! Конечно, для тебя все равно: ты не знаешь любви.

— Не знаю? Ты такъ думаешь? спросилъ Ѳедоръ, улыбнувшись, и задумался.

Они замолчали... Евгеній ходилъ по комнатѣ и мечталъ о своей невѣстѣ; Ѳедоръ сидѣлъ, опустя руки въ боковые карманы сюртука и мечталъ... не знаю объ чемъ!

Чрезъ два часа послѣ этого, герои наши приказали согрѣть самоваръ и, надѣясь скоро отправиться въ желанный путь, весело прихлебывали чай изъ стакановъ и курили табакъ.

— Дорого заплатилъ бы я, чтобы узнать имя той хорошенькой незнакомки, съ которой я танцовалъ на вечерѣ у Бобровой! сказалъ Ѳедоръ Блюдечко, мѣшая ложечкой сахаръ въ стаканѣ.

— Ты все еще объ ней думаешь! Что нашелъ ты въ ней хорошаго? тонкая, какъ тростникъ и блѣдная, какъ смерть!

— Но эта блѣдность въ ней такъ привлекательна!... Эта дѣвушка напоминаетъ мнѣ *Адельгонду* Гоффмана.

— Что за романическая голова! — Ужъ не успѣлъ-ли ты въ нее влюбиться?

— Не то, чтобы влюбиться—а такъ... Я имѣю нѣкоторое право думать, что она меня *замѣтила*...

— Это почему?

— Когда я танцовалъ съ ней мазурку—ты помнишь?—въ то время она была въ особенности хороша... Она такъ граціозно улыбалась, и такъ мило краснѣла, разговаривая со мной... Румянецъ ея можно было уподобить розовому отливу на лепесткѣ лиліи... я говорилъ съ ней... не помню о чемъ я говорилъ съ ней, только помню, что крошечная рука ея нѣсколько разъ пожимала мою руку...

— Она кокетка!

— Она наивна, какъ дитя!

— Какъ-же ты не разузналъ, кто она такая?

— Вотъ поди-же! Никто не зналъ ея фамиліи: она недавно выпущена изъ пансіона и въ первый разъ привезена была на вечеръ къ Бобровой, вмѣстѣ съ другими пансіонерками... Впрочемъ, это одна глупость! прибавилъ Ѳедоръ:—я ее скоро забуду... И къ чему же думать о ней, когда я, можетъ быть, никогда ея не увижу?... А жаль! Я чувствую, что могъ бы любить ее... Я не любилъ еще ни одной женщины...

Въ это время снова раздался звонъ колокольчика и герои наши снова выбѣжали на крыльцо, къ которому подъѣхала почтовая повозка.

— Лошадей! закричалъ мужчина, закутанный въ медвѣжью шубу, не вставая съ повозки. Эй, вы! кто изъ васъ содержатель станціи? спросилъ онъ, обращаясь съ этимъ вопросомъ къ ямщикамъ, выбѣжавшимъ поглазѣть на пріѣзжаго.

— Я!—сказалъ еврей, выступивъ изъ толпы. Онъ снялъ свою махнатую шапку и подошелъ къ повозкѣ. Всѣ лошади въ разгонъ! Подождите немного, ваше благородіе! говорилъ онъ, произнося эти слова своимъ еврейскимъ выговоромъ.

— Мнѣ некогда ждать! — Я ѣду *по казенной надобности!*... Лошадей сію минуту! Деньщикъ! покажи ему мою подорожную!

Деньщикъ всталъ съ повозки и подалъ подорожную еврею; тотъ передалъ ее своему писарю, писарь объяснилъ еврею, что пріѣзжій былъ полковникъ Н. Н, ѣдущій по *казенной экстренной надобности* въ городъ Харьковъ.

— Ой—бида! вси лосади въ разгонъ! заговорилъ еврей.

— Я этого знать не хочу!—Лошадей! вскричалъ полковникъ.

— Цто мнѣ дѣлаць?

— Я тебѣ говорю по-русски: давай мнѣ лошадей, а не то спина твоя попробуетъ вотъ этого, сказалъ полковникъ, взявъ изъ руки ямщика плеть и показывая ее жиду.

— Вай-вай-вай! якъ се можно?

— Что? ты смѣешь еще грубить? — вотъ я тебя научу вѣжливости! —И полковникъ вставалъ уже съ повозки...

— Сейцасъ-зе, сейцасъ! Не трудитесь, васе высокородіе! — будутъ лосади!

И еврей приказалъ ямщику впрягать въ повозку полковника тѣхъ самыхъ лошадей, которыя назначены были для моихъ героевъ.

— Вотъ истинно Божье наказаніе! воскликнулъ въ отчаяніи Евгеній, ударивъ себя ладонью по лбу.

Ѳедоръ не выдержалъ—и захохоталъ.

— Не сошелъ ли ты съ ума? спросилъ его раздосадованный Евгеній:—чего ты смѣешься? Намъ приходится ночевать въ корчмѣ,—такъ это тебя утѣшаетъ?

— Не сердись, mon cher! Я сперва также досадовалъ, а теперь ужъ наше положеніе кажется мнѣ смѣшнымъ, отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Нашелъ чему смѣяться!... Ну, ужъ, буду я помнить эту дорожку!... Да нельзя-ли нанять лошадей въ какомъ-нибудь селеніи: я радъ заплатить двойную цѣну!

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Ѳедоръ, ухватившись за эту мысль. Эй, ты! старичокъ! Какое это видно селеніе, — вонъ-вонъ, близко, гдѣ дымъ клубится?

— Та то вонъ не селеніе, воно соби—*хутиръ!* отвѣчалъ старикъ, куривши *тютюнъ* изъ *люльки*, сидя на *призбѣ*.

— Все равно! Нельзя-ли тамъ у кого нибудь нанять лошадей, чтобы свезть насъ въ Гадячь?

— Та ни, не можно! У кого тамъ возьмутця лошади... хиба у самаго пана...

— А какой же тамъ панъ живетъ?

— Гнида.

— Такъ это его и хуторъ?

— Та ёго-жъ!

— Гнида! — незнакомая фамилія!... Что же онъ занимаетъ какую-нибудь должность въ здѣшнемъ уѣздѣ, что-ли?

— Та, занимае-жъ.

— А какую?

— Звистно якую: *судья!*

— Послушай, Евгеній! ты незнакомъ съ Гнидой? спросилъ Ѳедоръ своего опечаленнаго спутника.

— Странный вопросъ! отвѣчалъ Евгеній, сквозь зубы: будто ты не знаешь?—Разумѣется, незнакомъ!

Герои наши возвратились въ комнату. Евгеній сѣлъ и нахмурился, Ѳедоръ расхаживалъ по комнатѣ и—странное дѣло!—улыбался.

— Я нашелъ средство достать лошадей! сказалъ онъ, послѣ минутнаго размышленія, остановясь передъ Евгеніемъ.

— Гдѣ? какъ? спросилъ его съ нетерпѣніемъ Евгеній.

— Богатая мысль, братецъ, пришла въ голову!—Пойдемъ къ Гнидѣ... Сколько мнѣ извѣстна натура моихъ земляковъ... Ну, ужь пойдемъ! По всѣмъ вѣроятіямъ, планъ мой долженъ выполниться! одѣвайся-ка!

— Вотъ дурь-то запала въ голову!— итти къ незнакомому человѣку... ну, зачѣмъ?

— Просить у него лошадей.

— Такъ вотъ это твоя мысль! Ты никакъ, мой милый, ума рѣхнулся? Какъ-будто Гнида обязанъ снабжать лошадьми каждаго проѣзжаго по большой дорогѣ? Такъ и вонъ тотъ офицеръ потащится туда же, съ такой просьбой... э, полно!

— Ну, ужъ, я за все отвѣчаю!... Планъ превосходный!... Сколько я могу судить, — я выручу для тебя лошадей... Вотъ пойдемъ!

— Да разскажи-же, что за исторія?

— Хорошо. Пойдемъ — дорогой все узнаешь.

Съ этимъ словомъ Ѳедоръ накинулъ на плеча Евгенія его енотовую шубу— и чрезъ нѣсколько минутъ галоши моихъ героевъ топтали снѣгъ, покрывавшій поля помѣщика Гниды. Ѳедоръ разсказывалъ что-то и смѣялся, Евгеній слушалъ его, улыбаясь и пожимая

плечами.—Отъ печальнаго къ веселому одинъ шагъ!... О, юность! юность!

II.

Во второй разъ жалѣю, что я не живописецъ! Дорого заплатилъ бы я за умѣнье изобразить на холстѣ слѣдующую картину, достойную кисти Теньера!—Представьте себѣ комнату чистенькую, свѣтлую; въ ней нѣтъ ни позолоты, ни мрамора: подлѣ стѣнъ стоятъ деревянные стулья съ высокими деревянными же спинками, на которыхъ прихотливая рука мастера вырѣзала какія-то мудреные арабески. Такихъ стульевъ вы не увидите нигдѣ, кромѣ Малороссіи. Кромѣ этихъ стульевъ, поставленъ диванъ, выкрашенный красной краской, застланный пестрымъ ковромъ домашней работы; на стѣнѣ виситъ огромная картина, изображающая малороссійскаго Гетмана, съ чупомъ на головѣ, одѣтаго въ синюю суконную свиту съ красными бархатными обшлагами. Онъ сидитъ, поджавъ ноги на привольномъ лугѣ Малороссіи, подъ тѣнью вѣковаго дуба; въ рукѣ его *бандура*; онъ поетъ поэтическія пѣсни нашей родины, сопровождая звуки свои унылыми аккордами бандуры. На вѣтвяхъ дуба развѣшены его доспѣхи: кривая казацкая сабля, лукъ, колчанъ со стрѣлами и гербъ его, изображающій вольнаго сына степей украинскихъ—невзнузданнаго коня. Въ углу комнаты стоитъ въ кивотѣ, за стекломъ, икона чудотворной Ахтырской Богоматери, прижамающей къ сердцу Божественнаго Младенца; передъ иконой теплится лампада. Подлѣ оконъ стоятъ деревянныя подставки для горшковъ герани, вадькомеріи, душистаго горошка; а надъ окнами висятъ двѣ клѣтки: въ одной чиликаетъ чижикъ, въ другой насвистываетъ снѣгирь.

Въ *грубѣ* тлѣетъ огонь; подлѣ огня грѣется старикъ почтенной наружности, держа въ рукѣ чубукъ изъ дикой черешни, съ перышкомъ вмѣсто янтаря и глиняной трубкой съ мѣдной крышкой. Онъ подноситъ порою къ губамъ этотъ чубукъ и затягивается пріятнымъ дымомъ роменскаго табака, приготовленнаго на Батуринской фабрикѣ. На плеча старика надѣтъ, на-распашку, тулупъ изъ черныхъ *решетиловскихъ* барашковъ, покрытый сѣрымъ демикотономъ; на головѣ его бѣлый, вязанный колпакъ съ широкой нитяной кистью.—Это хозяинъ комнаты—*Онуфрій Лукичъ Гнида*. Сѣрые глаза его, выражающіе такъ много добродушія, устремлены на тлѣющія искры огня, которыя погасали люодна за другою и превращались въ пепелъ.

Подлѣ Онуфрія Лукича сидитъ женщина лѣтъ подъ сорокъ, въ ситцевомъ капотѣ, сверхъ котораго накинута казавейка, опушенная мѣхомъ сѣрой сибирской кошки. На носъ ея вздѣты серебряныя очки, грубой работы. На колѣнахъ ея лежитъ огромная книга въ черномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками: это «Житіе Святыхъ». Она читаетъ поучительныя строки; между тѣмъ пальцы ея заняты вязаніемъ чулка. Это жена Онуфрія Лукича—*Степанида Петровна Гнидиха*.

Тамъ, далѣе, за Степанидой Петровной, сидятъ подлѣ столика два мальчика здоровые, румяные и аппетитно кушаютъ наши вареники, обмакивая ихъ въ густую сметану. Это сыновья Онуфрія Лукича и Степаниды Петровны.

Подлѣ нихъ сидитъ на полу, поджавъ босыя ноги, загорѣлая дочь Малороссіи, съ роскошными женскими формами, съ черными жгучими глазами. Это служанка Степаниды Петровны, по имени *Горпинка*. Въ рукѣ ея гудитъ веретено, на колѣнахъ лежитъ тучный сѣрый котъ, мурлыча и умильно поглядывая на лакомое блюдо, которое кушаютъ мальчики.

Картина моя еще не вполнѣ кончена! Тамъ, въ углубленіи комнаты, стоитъ старинное, крошечное, сдѣланное изъ простаго дерева фортепьяно, которое правильнѣе слѣдовало бы назвать «гуслями». За фортепьяно сидитъ дѣвушка, лѣтъ шестнадцати. Дѣтское личико ея, отѣненное густыми, каштано-

выми волосами, заключало въ себѣ прелесть, невыразимую перомъ. Во всемъ этомъ нѣжномъ твореніи существовала та высокая гармонія, какою мы восхищаемся въ геніальныхъ созданіяхъ художниковъ-поэтовъ. Тѣло на лицѣ этой дѣвушки было такъ прозрачно, что можно было разсмотрѣть всѣ голубыя жилки, извивавшіяся по бѣло-мраморному челу ея и нѣжнымъ щекамъ. Особенно граціозно было лицо ея въ ту минуту, когда его оживляла улыбка и на щекахъ образовывались двѣ ямочки. А глаза ея, большіе, выразительные, черные глаза заключали въ себѣ столько нѣги, любви и мечтательности, обѣщали столько блаженства тому счастливцу, на чью грудь припадетъ такое изъящное твореніе и кому промолвитъ: «люблю тебя!» Да, я увѣренъ, что Жуковскій воображалъ такую именно дѣву, когда писалъ слѣдующія строки:

О, незабвенная! другъ милый! вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все въ жертву за нее! Вся жизнь моя предъ вами!

Эта дѣвушка была дочь Онуфрія Лукича,—Ѳелосія, которую родители обыкновенно называли *Ѳесей*. Она теперь разыгрывала... Но послѣ объ ней; позвольте мнѣ еще поговорить съ вами объ ея отцѣ и матери. Славные старикъ и старушка: мнѣ жаль съ ними разстаться!

Онуфрій Лукичъ, до сихъ поръ еще, почти влюбленъ въ Степаниду Петровну. Конечно, Степанида Петровна утратила много изъ своихъ прелестей: время начало уже серебрить ея черные волосы, вырвало у нея три зуба и провело нѣсколько морщинъ на ея лицѣ; но все это имѣетъ особенную прелесть для Онуфрія Лукича! — Эти морщины, эти посѣдѣвшіе волосы напоминаютъ ему о счастіи 25 лѣтней супружеской жизни, о той тихой, безмятежной любви, которую онъ нашелъ въ объятіяхъ Степаниды Петровны... Угодно ли вамъ знать какъ они проводятъ время въ своей деревушкѣ?—Вотъ послушайте!—Поутру Онуфрій Лукичъ, въ тулупѣ и колпакѣ, входитъ въ спальню Степаниды Петровны, которая, уже помолившись Богу, сидитъ за чайнымъ столикомъ. «*Добраго утра желаю вамъ, Степанида Петровна!*» говоритъ Онуфрій Лукичъ и цѣлуетъ руку женѣ своей. «*И вамъ того же, Онуфрій Лукичъ!*» отвѣчаетъ Степанида Петровна—и въ замѣнъ, цѣлуетъ руку своего мужа. Потомъ, они пьютъ чай съ густыми сливками и бубликами, усыпанными макомъ.—Здѣсь у нихъ обыкновенно происходитъ маленькій споръ: Онуфрій Лукичъ охотникъ до *пѣнокъ*, Степанида Петровна, зная это, собираетъ въ ложку всю пѣнку сливокъ и кладетъ ихъ въ стаканъ своего мужа. «Вотъ ужъ этого я не люблю!» говоритъ Онуфрій Лукичъ:—зачѣмъ же вы себѣ не оставили ни крошки? Ну, какой-таки смакъ въ сливкахъ безъ пѣнки?—Подвиньте ко мнѣ вашу чашку: подѣлимся!»

— Та вкушайте! вкушайте! отвѣчаетъ Степанида Петровна: — вѣдь это ваше лакомство!

— Нате-бо, возьмите хоть половину!

— Та вкушайте сами! говоритъ Степанида Петровна и никакъ не соглашается подставить свою чашку. — Онуфрій Лукичъ, по-неволѣ, долженъ скушать одинъ свою любимую пѣнку.

Послѣ чаю они занимаются хозяйствомъ — Онуфрій Лукичъ по своей части, Степанида Петровна — по своей. Въ половинѣ двѣнадцатаго они обѣдаютъ. Послѣ обѣда отдыхаютъ на перинахъ часа два; потомъ снова хозяйничаютъ. По вечерамъ они или играютъ въ *дурачки*, или Степанида Петровна раскладываетъ гран-пасіансъ и загадываетъ: будетъ ли счастлива трефовая дама? Скоро ли выдетъ за мужъ трефовая дама? Много ли будетъ дѣточекъ у трефовой дамы?.. А подъ *трефовой дамой* Степанида Петровна всегда разумѣетъ дочь свою *Ѳесю*.

И въ самомъ дѣлѣ, прелестное созданіе была эта Ѳеся! Она теперь сидѣла за фортепьяно и разыгрывала пассажъ изъ оперы: La muette de Portici... То есть, я хочу сказать, что она имѣла

желаніе разыграть эту піесу, но фортепьяно издавало какіе-то дикіе, дизгармоническіе звуки. Ея игра напоминала ту грубую музыку, подъ которую плясали духи во мракѣ Вальпургіевой ночи у Гёте. Эта музыка произвела непріятное впечатлѣніе на душу Онуфрія Лукича; онъ отнялъ ото-рта перышко своего чубука и сказалъ, мѣшая слова русскія съ малороссійскими:

Полно-бо тебѣ, Ѳесю, наигрывать отси нѣмецки штуки: запой-ка лучше... да только что-нибудь наше, родное, малороссійское!

Что же прикажете запѣть вамъ, папенька? спросила Ѳеся.

А что знаешь, душко, то запой, только по-малороссійски!

Да я совсѣмъ отвыкла пѣть по-малороссійски... У насъ въ пансіонѣ все по русски...

—Вотъ то и скверно! своего кровнаго языка забывать не должно!.. Конечно, въ обществѣ, а паче при *москаляхъ*, надо говорить по русски, но въ своей семьѣ... Та будетъ ужъ вамъ читать, Степанида Петровна: закройте книгу, да послушайте вонъ, что запоетъ намъ дочка!

Я ужъ окончила чтеніе, отвѣчала Степанида Петровна и положила книгу на столъ.

—Ну же, запой! запой!

Ѳеся взяла нѣсколько аккордовъ изъ: «Вiють витры»...

—Вотъ это такъ... понятно сердцу! проговорилъ въ восторгѣ Онуфрій Лукичъ и свѣсилъ голову къ груди, приготовляясь слушать родимую пѣсню. Степанида Петровна сложила руки на груди и, улыбаясь, смотрѣла на дочь свою. Мальчишки оставили свои варенички и съ разинутыми ртами подбѣжали къ фортепьяно. Горпинка отложила въ сторону веретено. Въ комнатѣ воцарилась тишина; даже котъ, будто понималъ въ чемъ дѣло, пересталъ мурлыкать. Среди такой тишины раздавался серебряный голосъ Ѳеси:

Вiють витры, вiють буйни, —
Ажъ деревья гнуться!
О, якъ болить мое сердце
Сами слезы льются...

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату, запыхавшись, вбѣжалъ босоногій мальчикъ, въ курткѣ изъ грубаго сукна: «Пане! пане! къ вамъ пришли гости... якіе-то два панича...

—Этакое ледащо! Вбѣжалъ, какъ оглашенный! сказалъ Онуфрій Лукичъ, сердясь на своего слугу, что онъ прервалъ пѣніе Ѳеси. Какіе тамъ панычи?

— Не знаю, пане!

—Вотъ дурень-то! Такъ поди же узнай ихъ фамиліи... Вѣрно, кто-нибудь изъ моихъ канцелярскихъ!.. Охъ, служба, служба!

Слуга возвратился.

— Ну, кто? спросилъ Онуфрій Лукичъ.

—Той панычь сказавъ, что его фамилія *Гоголь*..

—Какъ?

— Гоголь.

— Да ты не разслышалъ?

— Ей же Богу такъ: Гоголь!

— Откуда бы онъ взялся?.. Ктому же, я съ нимъ не знакомъ!.. Ты, вѣрно, чертенокъ, перековеркалъ фамилію?

— Ни, пане! Ей же Богу, ни! Онъ мнѣ такъ сказалъ: «поди, мовъ, доложи своему барину, что къ нему пріѣхавъ — Гоголь.

Онуфрій Лукичъ видимо смѣшался.

Степанида Петровна замѣтила это, подошла къ двери, посмотрѣла въ замочную щель и сказала: точно, въ залѣ стоятъ какіе-то два незнакомые мужчины... Одинъ *тонкій*, *худощавый*, *бѣлолицый*, *въ очкахъ*...

—Такъ и есть! *Онъ*, какъ разъ! проговорилъ Онуфрій Лукичъ, взмахнувъ рукой. Вотъ коммисія! Давай мнѣ скорѣе одѣватася! сказалъ онъ, проворно скинувъ съ себя тулупъ и оставшись въ одномъ спальномъ бѣльѣ. «Да пѣтъ... сходи-ка сперва къ нему, да скажи, что баринъ, мовъ, очень радъ вашему посѣщенію и проситъ васъ пожаловать въ гостиную, пока онъ выдетъ... Смотри же мнѣ, не *набрехни* тамъ чего нибудь своего... Такъ и скажи!

—Ни, пане! я такъ и скажу. «баринъ, мовъ, очень радъ вашему просвѣщенію и проситъ васъ...

— Замолчи ужъ! Этакое ледащо! —

двухъ словъ не свяжетъ! Скажи ему просто: «пожалуйте, сударь, въ гостиную!» и только! Ни полслова болѣе! слышишь?

— Чую.

— Да не говори *чую*, а *слышу*!.. О, што за увалень! Оконфузитъ меня, бестія!.. Ну, ступай!

Мальчикъ вамѣревался уйти въ другую комнату.

— Постой! постой! закричалъ ему Онуфрій Лукичъ:—да ты съ босыми ногами!— Надѣнь же сапоги прежде... да куртку застегни... Вся грудь открыта... Вотъ чертенокъ!

Мальчикъ ушелъ.

— Эй, Горюнка! сказалъ потомъ Онуфрій Лукичъ:—подай мнѣ сюртукъ... да не тотъ засаленый, что каждый день ношу, а новый, суконный, и жилетъ повый, и платокъ на шею новый... Вотъ пелегкая его принесла ко мнѣ... засталъ въ расплохъ! говорилъ онъ, одѣваясь.

— Да кто жъ это къ вамъ пріѣхалъ, другъ мой? спросила испугавшая Степанида Петровна: — ужъ, не ревизоръ ли?

—Эге! разсказывай: ревизоръ! тутъ такой пріѣхалъ, что погрознѣй еще твоего ревизора... Ревизоръ, когда есть за что, погоняетъ тебя въ судѣ, при знакомыхъ людяхъ, да тѣмъ и кончится! А этотъ опишетъ тебя съ головы до ногъ, подмѣтитъ всю твою натуру: всѣ поговорки, всѣ ухватки, ничего не оставитъ въ покоѣ, до всей подноготной докапается; а потомъ перекреститъ тебя въ какого-нибудь *Тяпкина-Ляпкина*, да и предастъ печати на потѣху всего уѣзда... Да что? всей губерніи!.. Да что? всей имперіи! Вотъ онъ какая птица!

— Э!! А какая жъ онъ птица? спросила Степанида Петровна, внимательно выслушавъ разсказъ мужа.

— *Сатирическій писатель.*

— Писатель?... Вишь какой!.. Ну, и онъ человѣкъ опасный?

—Стало быть, что опасный! Вотъ... прошедшую зиму... когда я былъ въ Полтавѣ... Предводитель затащилъ меня въ театръ... Вошли... я сѣлъ въ кресло... музыка прогремѣла... открылся занавѣсъ: гляжу—фу ты пропасть! знакомыя лица!! Думаю, думаю, что за дьяволыцина: по сценѣ расхаживаютъ не актеры, а наши дворяне? ну вотъ именно, наши Галячане!!.. Мундиры наши, походка наша, разговоры наши, все обращеніе наше... одинъ даже, изъ тѣхъ дьяволовъ меня передразнивалъ!..

—Такъ вы ужъ лучше не показывайтесь ему и на глаза; замѣтила Степанида Петровна.

—Нельзя! теперьужъ поздно! А, впрочемъ, можетъ статься мы еще и постоимъ-таки за себя! не ударимъ лицомъ въ грязь! прибавилъ онъ, застегивая на двѣ пуговицы свой новый сюртукъ, въ петлицѣ котораго висѣлъ Владиміръ 4 степени, а подлѣ него приколота была пряжка за XXX лѣтъ.

Онуфрій Лукичъ вошелъ въ гостиную. Предъ нимъ стояли наши герои, Евгеній Ситечко и Ѳедоръ Блюдечко.

— Почитаю себя несказанно счастливымъ, что имѣю честь видѣть васъ, милостивый государь, въ моемъ домѣ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, адресуя рѣчь свою къ Ѳедору. Поручаю себя вашему знакомству и благорасположенію!

—Ѳедоръ пожалъ его руку. Они сѣли на диванѣ.

— Извините меня, что я васъ обезпокоилъ, началъ потомъ Ѳедоръ: — одна крайность заставила меня прибѣгнуть къ вамъ съ моей просьбой: товарищъ мой имѣетъ въ Ромнахъ одно весьма важное дѣло, не терпящее отлагательства...

—То есть, *экстренное*.. Такъ! А въ какомъ судѣ ваше дѣло обрѣтается? спросилъ съ участіемъ Онуфрій Лукичъ Евгенія.

— Евгеній покраснѣлъ и не зналъ, что отвѣчать. Ѳедоръ приложилъ къ губамъ носовой платокъ, чтобъ скрыть свой смѣхъ. Онуфрій Лукичъ замѣтилъ это и разыскивая мысленно причину его смѣха, рѣшилъ: что слово «обрѣтается» было сказано имъ не кстати. Онъ покраснѣлъ въ свою очередь и такъ поправилъ свой вопросъ:

— Въ какомъ присутственномъ мѣстѣ ваше дѣло находится?

— Это... дѣло... проговорилъ наконецъ Евгеній:..

— Но, однакоже, требующее твоего ско-

раго присутствія! подхватилъ Ѳедоръ. Мы, какъ можно спѣшили ѣхать... И, вотъ, благополучно доѣхали до здѣшней станціи; но здѣсь, вдругъ...

— У васъ обломились колеса или ось?

— Нѣтъ — *всѣ лошади въ разгонѣ!*

— А! понимаю! Эй, человѣкъ!

Въ гостиную вошелъ знакомый вамъ мальчишка, только ноги его теперь были обуты въ сапоги, куртка застегнута на всѣ пуговицы и волосы на головѣ присалены.

— Вели запрячь въ мою коляску шестерикъ гнѣдыхъ! слышишь?

— Чую... чи,-то-такъ: слышу!

Онуфрій Лукичъ покраснѣлъ во второй разъ за человѣка отвѣтъ своего слуги.

— Помилуйте!—намъ довольно трехъ лошадей въ повозку... Мы привыкли...

— Чтобы я васъ отправилъ въ повозкѣ? Да за кого вы меня считаете?... Мы, Малороссіяне, умѣемъ угощать своихъ гостей... а особенно своего народнаго сочинителя прибавилъ онъ въ полголоса — и физіономія его выражала благородную гордость... Вы, я надѣюсь, раздѣлите хлѣбъ-соль съ нами? Прошу покорно.

Въ другое время мнѣ было-бы пріятно, но теперь—дѣло моего товарища...

— Нѣтъ, ужъ позвольте намъ уѣхать...

— Но вѣдь какіе-нибудь два часа не сдѣлаютъ вамъ разницы... Притомъ, у меня лошади свѣжія — мигомъ перенесутъ!... Подарите ужъ мнѣ часика два... Присутствіе ваше въ моемъ домѣ доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе... Я прикажу поспѣшить обѣдомъ.

Съ этимъ словомъ Онуфрій Лукичъ вышелъ изъ гостиной.

— А што? спросила его Степанида Петровна, когда онъ вошелъ въ ея комнату.

— Та-што!— Такая эгоза, что вотъ такъ и пѣпляется... такъ и придирается къ каждому слову!—Что ни скажу, а онъ, знай ухмыляется!... Раза два принимался было хохотать!... Въ особенности окопфузилъ меня тотъ чертёнокъ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, грозя пальцемъ своему слугѣ, который стоялъ подлѣ двери и вязалъ чулокъ, чтобы не тратить даромъ времени. Постой! постой! я тебѣ намну чуприну, чтобъ зналъ, какъ отвѣчать при гостяхъ: будешь помнить Гоголя!... Вы же пріодѣньтесь, душа моя! а въ особенности займитесь Ѳесей: онъ съ нами будетъ обѣдать!

О...? воскликнула Степанида Петровна.

— Да, съ нами... Нельзя!... Надобно его ублажить, а то онъ,—чего добраго! — распубликуетъ меня невѣжей, или, что еще хуже, скрягой!

— Такъ поэтому для него и обѣдъ надо заказывать съ изнова?

— А что у насъ сегодня приготовляется?

— Борщъ съ потрохами, та молочная лапша, та ленивые вареники, та жареный индюкъ, та соусъ съ печенки, та соусъ съ картофли, та соусъ...

— Не-*гарно*! прервалъ ее Онуфрій Лукичъ, но ужъ нечего дѣлать!... Горпинка! сбѣгай на кухню да прикажи еще изготовить кремъ, вафли и безѣ... А ты, чертепокъ, сбѣгай за лакеями, да скажи имъ, чтобъ они явились къ столу всѣ до одного. Чѣмъ они теперь занимаются?

— Ячмень молотятъ.

— То-то молотятъ! Скажи имъ во-первыхъ, чтобъ они руки повымыли... во-вторыхъ: чтобъ сапоги у нихъ не были дегтемъ смазаны... въ третьихъ: чтобъ сюртуки новые надѣли... Ну?

— *Слышу*!

— Однако, мнѣ пора въ гостиную, они тамъ одни.

Онуфрій Лукичъ взялся уже за ручку двери, намѣреваясь итти къ гостямъ, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Вотъ славно: главное позабылъ сказать! — Смотрите-ка, не подайте къ столу тѣхъ *экономныхъ* бутылокъ, въ которыя я разлилъ донское, а на ярлыкахъ надписалъ: *Го-Сотернъ*... Боже сохрани! поставьте на столъ тѣ только бутылки, что съ печатными ярлыками!

И онъ ушелъ къ своимъ гостямъ. Между тѣмъ, какъ онъ разсказываетъ имъ о посѣвѣ хлѣба да объ устройствѣ своего паровика, я намѣренъ остановить ваше вниманіе на другомъ предметѣ.

Предъ овальнымъ зеркальцемъ, встав-

ленныхъ въ рамки ореховаго дерева, выкрашеннаго желтой краской, сидѣла наша прелестная Ѳеся, опустивъ къ груди голову. Стройная ножка ея была поставлена на колѣно Горпинки, которая, сидя на полу, завязывала бантикъ на крошечномъ башмачкѣ своей прелестной папочки. Ѳеся одѣта была въ бук-муселиновое платье яблочнаго цвѣта, внизу котораго черными шелкомъ были вышиты дубовые листья съ желудями. Перелинка прикрывала ея молодую, возраждающуюся грудь. Вкругъ ея лебединой шейки обвивался узенькій галстухъ изъ чернаго ліонскаго бархата. Она была одѣта просто, но совкусомъ. Особенную грацію придавалъ ей этотъ черный галстучекъ, оттѣняя матовую блѣдность тѣла, онъ придавалъ нѣчто величественное, торжественное ея благородной физіономіи.

Степанида Петровна стояла подлѣ своей дочери и закалывала въ густой щиньонъ ея каштановыхъ волосъ двѣ иммортельки, искусно сдѣланныя изъ лиловой тафтицы. Потомъ она отступила на шагъ, сложила руки на груди и съ заботливостью материнской нѣжности смотрѣла на любимое дитя свое.

— Ты надѣла бы на шею вмѣсто галстуха мои гранаты: такъ, кажется, будетъ лучше!... а? какъ ты думаешь, мое сердце?

— Э, маменька! къ чему? — И такъ будетъ хорошо!

— Конечно, при другомъ гостѣ всё будетъ хорошо, какъ ни одѣнься; но при *этакомъ*... Напугалъ онъ меня! Я, право, боюсь его!

— А чего же вы его боитесь, маменька?

— Какъ чего? онъ такой *критикантъ*: всѣхъ описываетъ!

— Пускай описываетъ! Будто я такая, въ самомъ дѣлѣ, глупая, что не понимаю, что мнѣ къ лицу и какъ мнѣ должно прилично одѣться?... Кажется, у насъ въ пансіонѣ...

— Такъ, сердце, такъ!... Однако же, что ни разсказывай — сочинитель!... книжки печатаетъ!...

— Видала я и сочинителей, маменька! сказала Ѳеся, взмахнувъ своей бѣленькой ручкой, что можно было перевесть такъ: меня уже никто и ничто не можетъ удивить: я ко всему равнодушна! — Я не *боюсь* его! сказала потомъ Ѳеся, произнося эту фразу какимъ-то рѣшительнымъ голосомъ: я уже была въ *большомъ свѣтѣ*!... Другіе же отнюдь не находили меня смѣшною... а можетъ статься, былъ кто и такой, что...

Она не досказала своей мысли; щечки ея слегка покраснѣли; она, вновь, свѣсила къ груди голову.

Степанида Петровна смотрѣла на нее въ молчаніи, потомъ подошла къ ней, потрепала своей рукой ея зарумянившуюся щечку и сказала: объ чемъ же ты призадумалась?

— Я? ни о чемъ, маменька!

— Ну, вотъ тебя я принарядила, теперь пора подумать и о себѣ! сказала Степанида Петровна и велѣла Горпинкѣ вынуть изъ шкафа свое гролетуровое платье, краснаго, сургучнаго цвѣта: это платье было самое парадное. Степанида Петровна надѣвала его только въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: на праздникъ Рождества Христова, на Свѣтлое Воскресеніе, на имянины Онуфрія Лукича, да отправлялась въ гости къ такому сосѣду, за которымъ считается не менѣе ста душъ крестьянъ, или, по крайней мѣрѣ, пять *гаковъ* земли. Она одѣлась въ это платье, напомадила волосы гвоздичной помадой, надѣла на голову чепецъ, тоже парадный: съ огромными буффами и лентами цвѣта адскаго пламени, повѣсила на руку бисерный ридикюль, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ вязъ, обвитый плющемъ, а съ другой пастушекъ, играющій во рожокъ, у ногъ котораго лежали двѣ овечки. Въ такомъ нарядѣ она намѣревалась предстать предъ глаза строгаго поэта. И минута эта наступила: въ комнату вошелъ Онуфрій Лукичъ, съ веселой физіономіей.

— Ну что, готовы ли вы? спросилъ онъ, осматривая костюмы жены и дочери.

— Какъ видите, мой другъ! готовы!.. А у васъ что тамъ?

— Ничего!.. Теперь все шло хорошо! Разговорился!.. Весельчакъ!.. Самъ хохочетъ, и такіе преуморительные анекдоты разсказываетъ... Но только, что онъ за *тонкая штука!*... У, что за *тонкая штука!*.. Представь себѣ: я спросилъ его, не приготовляетъ ли онъ какой нибудь статейки? А онъ скорчилъ фигуру изумленія и сказалъ, что онъ отнюдь не сочиняетъ, что онъ не нашъ «Гоголь-Сатирикъ», а такъ однофамилецъ... Хм! однофамилецъ! вишь, съ какой стороны хотѣлъ подъѣхать!

— А можетъ и впрямь однофамилецъ! Вотъ славно, когда надѣлали такого шуму изъ пустяковъ!

— Ни-ни! меня не надуешь! Я съ двухъ словъ узналъ, что онъ Гоголь... съ одной улыбки: улыбается, вѣдь, какъ-иначе! Представь себѣ человѣка, которому сильно хочется смѣяться, но онъ, изъ политичности, удерживаетъ свой смѣхъ: вотъ его улыбка! Я ту-же минуту примѣтилъ, что въ улыбкѣ его есть уже что-то, этакое... такое... одно слово— *гоголевщина*!.. Однофамилецъ?.. Понимаю я, очень понимаю для чего ему хотѣлось быть у насъ инкогнито!

— А для чего жъ?

—Ну, для того, чтобъ я обращался съ нимъ не какъ съ писателемъ, а поволнѣй, за *пане-брата*, какъ съ простымъ дворяниномъ... слово за словомъ, да и пересказалъ бы ему все, что лежитъ на душѣ, не заботясь о томъ, чтобы выражаться приличнo, по книжному, а такъ, знаешь, по вольности дворянства... А тамъ, глядь, онъ перекрестилъ бы меня изъ Гнилы въ какую нибудь Земляники, и предалъ бы *тисненію* весь разсказъ мой отъ словечка до словечка!

— Э!.. какое зелье!

— Да! поди ты съ нимъ: лока!.. Всякаго скопируетъ... выльетъ, какъ живаго!.. А вѣдь, полумаешь, гдѣ такой мудрости нахватался?.. не издалека!— землякъ миргородскій!

— Миргородскій!.. Я думала, по крайней мѣрѣ, петербургскій...

— Однако намъ пора, ужъ подали на столъ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, и они всѣ пошли въ ту комнату, гдѣ были наши герои.

— Рекомендую вамъ мое семейство! Это моя *супруга*, говорилъ Онуфрій Лукичъ, указывая на Степаниду Петровну. Она сдѣлала пренизкій *книксенъ* и съ любопытствомъ устремила глаза на блѣдное лицо Ѳедора. «А это моя дочь!» прибавилъ онъ, указывая на Ѳесю. Героиня наша сдѣлала реверансъ, но какъ-то неловко... Вѣроятно, одна ножка ея зацѣпилась за другую, потому что она пошатнулась и принуждена была ухватиться ручкой за стѣну, чтобъ не упасть.

— Что съ тобою, Ѳеся?.. спросила ее удивленная мать.

Онуфрій Лукичъ, хотя былъ удивленъ этимъ не менѣе Степаниды Петровны, но онъ показывалъ видъ, будто не замѣтилъ такой неловкости своей дочери. Онъ покраснѣлъ только и проговорилъ въ пол-голоса: «Не называйте-бо ее теперь *Ѳесей*... Ну, назвали бы ее *Ѳенчкой*... что-ли!

—Что съ тобою, *Ѳенчка*? спросила ее заботливая мать во второй разъ.

— Ничего, такъ... голова закружилась, отвѣчала Ѳеся и раскраснѣлась, какъ калина.

Высокій лакей, въ длиннополомъ сюртукѣ, провозгласилъ что «кушанье подано».

Всѣ герои наши и героини ушли изъ гостиной въ столовую. Сѣли за столъ. Ѳедоръ, по назначенію Онуфрія Лукича, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, подлѣ Степаниды Петровны; противъ него сидѣла Ѳеся и смотрѣла... въ тарелку. Потомъ, изъ любопытства, что-ли, она взглянула на Ѳедора... Случилось же, что и Ѳедоръ смотрѣлъ на нее въ эту минуту... Взоры ихъ столкнулись... Ѳеся покраснѣла еще пуще и, неизвѣстно отъ чего, двѣ слезы, противъ воли ея, выступили изъ ея агатовыхъ глазокъ; одна изъ нихъ повисла на ея разрумяненой щечкѣ, вотъ, точно, какъ капля росы на почкѣ майской розы, а другая скатилась и упала въ ложку со щами, которую она подносила въ то время къ своему алому ротику. Ѳеся проглотила эту слезу вмѣстѣ съ похлебкой.

Степанида Петровна, какъ нѣжная мать, замѣтила все это и сказала:

— Ты встала бы, Оленичка, отъ стола, да приняла гофманскихъ капель на сахарѣ... У тебя, вѣрно, глисты подступили къ сердцу...

— Ничего, маменька!

— Гдѣ ужъ ничего! Ты и дышешь какъ-то тяжело, и слезы изъ очей выступаютъ, и раскраснѣлась... точно *буракъ*!

— Да, да! ты раскраснѣлась, какъ малина! сказалъ довольно громко Онуфрій Лукичъ, желая рѣчью своей заглушить нѣсколько грубое сравненіе Степаниды Петровны.

— Ничего, папенька! пройдетъ! отвѣчала Оеся, поправляя ручкой пелеринку, подъ которой высоко вздымалась ея грудь.

Въ продолженіе обѣда, Онуфрій Лукичъ разговаривалъ съ своими гостями о винокуреніи и о настоящей дороговизнѣ хлѣба; Степанида Петровна изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ, Оеся молчала.

Когда лакей обнесъ вкругъ стола девятое, или чуть-ли не десятое блюдо, они встали и ушли въ гостиную. Тамъ уже стояла Горничка, одѣтая въ праздничное платье, въ башмакахъ на босую ногу, держа въ рукахъ подносъ, уставленный вареньями многоразличныхъ сортовъ. Вареньями слѣдовала яблочная *постила*, за постилой моченые яблоки и конфекты, а за *сими* кофе со сливками съ поджаристой пѣнкой.

— Bon Dieu! quand tout cela finira? проговорилъ нетерпѣливый Евгеній и подошелъ къ окну. Съ радостію увидѣлъ онъ стоящую подлѣ крыльца коляску, запряженную въ шесть лошадей, съ форрейторомъ и поспѣшилъ тотчасъ сообщить своему товарищу это пріятное извѣстіе. Товарищъ его сидѣлъ теперь подлѣ Оеси и разговаривалъ съ ней, прихлебывая, изрѣдка, кофе изъ чашки.

— Сдѣлай одолженіе, Оедоръ, допивай скорѣе свой кофе, да отправимся: коляска уже подана! сказалъ Евгеній шопотомъ.

— Еще успѣемъ пріѣхать! отвѣчалъ ему потихоньку Оедоръ: подожди съ полчаса! Славные люди!..

— Вотъ-на! Ну, что же тебѣ за охота толковать съ ней?.. Переливаетъ изъ пустаго въ порожнее! говорилъ Евгеній въ полголоса. И нашелъ съ кѣмъ толковать? Сдѣлай же одолженіе распрощайся поскорѣе: *насъ ожидаютъ*...

Но, къ чрезвычайной досадѣ Евгенія, Оедоръ и не думалъ прощаться, а продолжалъ, какъ выразился Евгеній, *переливать* съ Оесей *изъ пустаго въ порожнее*. Наконецъ слуга провозгласилъ что «коляска подана». Нечего было дѣлать! Оедоръ допилъ свой кофе и подошелъ къ Онуфрію Лукичу проститься. Онуфрій Лукичъ поцѣловалъ его два раза въ губы и одинъ разъ въ плечо, въ знакъ своего уваженія. Простившись съ Онуфріемъ Лукичемъ, Оедоръ *подошелъ къ рукѣ* Степаниды Петровны и поцѣловалъ бѣлую руку Оеси.

— Adieu, мосьё Гоголь! сказала она, улыбнувшись и устремивъ свои черные глаза на Оедора; потомъ она вдругъ опустила ихъ на полъ, какая-то болѣзненная грусть замѣнила ея улыбку, она покраснѣла и сказала съ женской стыдливостью: «я васъ никогда болѣе не увижу!»

—О, нѣтъ... нѣтъ... Мы увидимся!.. Только извините меня предъ вашимъ папинькой... Я не Гоголь, я Оедоръ Блюдечко...

— Какъ? воскликнула въ удивленіи Оеся, снова устремивъ глаза на Оедора. Но, ни восклицаніе ея, ни слова Оедора не были услышаны Онуфріемъ Лукичемъ, потому что онъ, въ это время, прощался съ Евгеніемъ.

— Желаю вамъ, милостивый государь, поспѣшно и благополучно окончить ваше дѣло! говорилъ Онуфрій Лукичъ, цѣлуя Евгенія. Онъ проводилъ своихъ гостей на крыльцо.

— Я долженъ просить у васъ извиненія, началъ было говорить Оедоръ, пожимая руку Онуфрія Лукича.

— Нѣтъ, я долженъ извиниться предъ вами, прервалъ его Онуфрій Лукичъ:—я долженъ извиниться предъ вами, что угостилъ васъ не такъ, какъ бы мнѣ желательно было.... Вашъ пріѣздъ былъ такъ неожиданъ...

— Извините меня, что я... Одна толь-

ко крайность...Пожалуйста, не припишите чему-нибудь дурному....

— Ахъ, перестаньте! перестаньте! я же вамъ говорю, что я долженъ благодарить васъ за честь, которую вы мнѣ оказали вашимъ посѣщеніемъ... Я разскажу всему Гадяцкому уѣзду, какого гостя принималъ я въ моемъ домѣ... только, ужъ, сдѣлайте одолженіе, прибавилъ Онуфрій Лукичъ, если задумаете что-нибудь повенькое... Этакъ въ родѣ *Ревизора*... Не помяните меня лихомъ, а если бы можно доброе словечко обо мнѣ замолвить—замолвите: буду вамъ крайне благодаренъ!

— Вы меня все таки принимаете за литератора!... Право, мнѣ совѣстно; какъ честный человѣкъ увѣряю васъ, что я отъ рожденія моего никогда ничего не печаталъ... Скажу болѣе, — я не Гоголь...

— Нѣтъ, ужъ, сбросьте съ себя ваше инкогнито, сказалъ Онуфрій Лукичъ, съ самодовольной улыбкой: я васъ узналъ!... ей, узналъ — съ перваго раза... съ одной вашей улыбочки...

— «Mais finissez donc, Théodor!.. Прощайте, Онуфрій Лукичъ! проговорилъ нетерпѣливый Евгеній— и сѣлъ въ коляску. Онуфрій Лукичъ помогъ Ѳедору влѣзть въ экипажъ... Кучеръ хлопнулъ бичемъ... Коляска поѣхала...

Желая передать вамъ во всей подробности происшествіе, случившееся съ моими героями, я долженъ упомянуть здѣсь, что коляска, въ которой сидѣли наши герои, быстро мчалась по широкой *сагайдашной дорогѣ*, — по той самой дорогѣ, по которой, когда-то, проѣзжалъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, гетманъ Сагайдашный и такъ хитро скрылъ свой путь отъ князя Ромодановскаго (*). Кучеръ, въ надеждѣ получить на водку, болро сидѣлъ на козлахъ, весело насвистывалъ, размахивалъ кнутомъ и порою приговаривалъ:

Гей, вы! живѣй! съ горки на горку!
Панъ дастъ намъ на водку.

Когда путешественники наши проѣхали извѣстный въ Гадяцкомъ уѣздѣ лѣсъ Масюка и взорамъ ихъ открылась панорама Гадяча, Евгеній улыбнулся и сказалъ:

— А что-то подѣлываютъ теперь наши? Думаетъ-ли обо мнѣ моя Груня?

— Счастливецъ! объ тебѣ есть кому думать! проговорилъ Ѳедоръ — и вздохнулъ.

— Ого! объ комъ ты это такъ тяжело вздыхаешь? Всё по той же блѣднолицей красакицѣ, что осуществила для тебя *Адельгонду* Гоффмана?

—А ты узналъ ее?

— Кого?

— Ну, эту дѣвушку... дочь Гнилы?

— Мудрено мнѣ было узнать ее, когда я въ первый разъ въ жизни ее увидѣлъ!

— Нѣтъ, во второй... Какъ же ты не разглядѣлъ ее? — вѣдь это *она*...

— Кто она?

— Моя незнакомка, съ которой я танцовалъ въ Полтавѣ, на вечеринкѣ у Бобровой.

Евгеній свиснулъ, сдвинулъ плечами въ знакъ удивленія, и сказалъ:

— Фу, ты, въ самомъ дѣлѣ! — да это романъ на большой дорогѣ!

Пускай романъ! прибавимъ мы отъ себя: позвольте спросить, что же въ немъ *неестественнаго?*

III.

Amor, che al cor gentil ratto si apprende.

Dante.

Чрезъ шесть мѣсяцовъ послѣ описаннаго нами происшествія, въ домѣ Онуфрія Лукича происходила суматоха. За дубовымъ столомъ сидѣли нѣсколько *дивчатъ* и занимались шитьемъ ламскаго платья. Степанида Петровна, надѣвъ очки, вдергивала нить въ ушко иглы и тоже намѣревалась приступить къ работѣ. Онуфрій Лукичъ приказывалъ лакеямъ, чтобы подлѣ крыльца было усыпано пескомъ, да чтобъ деревянныя колонны, поддерживающія навѣсъ крыльца, были обиты полевыми цвѣточками. «Смотрите мнѣ, хлопцы, чтобы къ послѣ-завтрему все у насъ было въ исправности!» говорилъ онъ, затягиваясь табачнымъ дымомъ и уходилъ въ свой садикъ, прохаживался по аллеѣ, все размышляя о чемъ-то и снова возвращался въ комнату для

(*) См. Исторію Малороссіи.

совѣщанія съ Степанидой Петровной. Одна Ѳеся не принимала никакого участія въ этой суматохѣ и, погруженная въ мечты, сидѣла подлѣ раскрытаго окна въ садъ. А въ садикѣ было такъ весело! Черешневыя деревья и яблони цвѣли, наполняя воздухъ ароматомъ; ласточки, облѣпившія снаружи домикъ Онуфрія Лукича своими гнѣздышками, щебетали надъ головой Ѳеси; ручной журавль стоялъ на одной ногѣ, смотря на заходящее солнце; подлѣ него чирикала стрекоза; а подъ вѣтвями черемухи заливался соловей... Въ это время въѣхала на дворъ Онуфрія Лукича коляска и остановилась подлѣ крыльца; изъ нея вышли двое молодыхъ мужчинъ. Ѳеся такъ занята была своими мечтами, а Степанида Петровна своей работой, что онѣ и не замѣтили какъ вошли въ комнату пріѣхавшіе.

— Рекомендую вамъ, Степанида Петровна, моего пріятеля... Впрочемъ, вы ужъ знакомы съ нимъ немножко... Узнали? говорилъ одинъ изъ пріѣхавшихъ, подводя къ Степанидѣ Петровнѣ своего товарища.

—О, какъ же? узнала! узнала! отвѣчала Степанида Петровна, улыбаясь и качая головою.

— Bon jour, Téodosie! сказалъ потомъ молодой человѣкъ, подойдя къ Ѳесѣ. Онъ поцѣловалъ ее.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Онуфрій Лукичъ. Молодой человѣкъ снова подошелъ къ своему товарищу, взялъ его за руку, подвелъ къ Онуфрію Лукичу и сказалъ:—рекомендую вамъ моего пріятеля Евгенія Ситечко, котораго я пригласилъ быть моимъ шаферомъ.

—А! старый знакомый! воскликнулъ Онуфрій Лукичъ, и сильно сжалъ руку Евгенія.

—Проказники! проказники! славную комедію вы сыграли! замѣтила Степанида Петровна, улыбаясь и грозя указательнымъ пальцемъ, на который надѣтъ былъ мѣдный наперстокъ.

— А гдѣ жъ ваша супруга? спросилъ Онуфрій Лукичъ Евгенія.

— Она не пріѣхала... отвѣчалъ Евгеній, слегка покраснѣвъ. Извините! Она очень желала быть на свадьбѣ вашей дочери, но медикъ запретилъ ей выѣзжать въ теперешнемъ ея положеніи...

— Ѳеся?... а Ѳеся? кто-жъ будетъ держать вѣнецъ надъ тобой во время вѣнчанья? спросилъ Онуфрій Лукичъ, но вопросъ его остался безъ отвѣта, потому что Ѳедора и Ѳеси уже не было въ комнатѣ. Они ушли въ садъ, — подальше отъ постороннихъ.

Счастливые, самоловольные, полные любви, полные блаженства, шли они по дорожкѣ, обсаженной цвѣтущими черешнями.

Смеркалось... Соловей замолкъ... Все стихло... Наступила торжественная минута безмолвія... Природа отдыхала... Вечеръ пахнулъ чебрецомъ и туберозой... Круглая луна, какъ брачный венецъ, повисла надъ юной четою...

Н. КОВАЛЕВСКІЙ.

БІОГРАФІЯ КИНА,

ОДНОГО ИЗЪ ВЕЛИЧАЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ АКТЕРОВЪ.

Эдмондъ Кинъ родился въ Лондонѣ, 4-го ноября, 1787 года, въ Кестль-стритѣ. Вообще думаютъ, что отцомъ его былъ Ааронъ Кинъ, братъ Моисея Кина, знаменитаго чревовѣщателя, а матерью дочь Джорджа Кера, который въ свое время славился, какъ авторъ драматическій и лирическій. Такая генеологія ни мало не нравилась Кину, и нисколько не льстила его самолюбію, почему онъ вздумалъ производить себя *съ лѣвой стороны* отъ покойнаго герцога Норфолька.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ обстоятельствѣ, которое не имѣетъ для насъ никакой важности, и быть можетъ, завело бы насъ слишкомъ далеко. Талантъ возвышаетъ человѣка,— а не происхожденіе.

За Киномъ было такъ мало присмотра во время его дѣтства, что его члены искоснлись, обезобразились, и сдѣлались наконецъ совершенно уродливыми. Правда, онъ самъ искривлялъ лицо свое гримасами, подражая товарищамъ, по большой части дѣтямъ шутовъ, которые часто забавлялись, передразнивая своихъ родителей. Уродливость его возрасла наконецъ до такой степени, что его принуждены были выправлять перевязками и желѣзнымъ корсетомъ. Но это средство, къ которому слишкомъ поздно прибѣгли, не вполнѣ уничтожило пагубное развитіе обезображенныхъ членовъ.

Кинъ съ своею мнимою матерью, обыкновенно бывалъ на сценѣ, гдѣ она являлась каждый вечеръ. Дымъ закулисныхъ лампъ наконецъ вскружилъ ему голову, и уже съ четырехъ лѣтъ внушилъ пламеннѣйшее желаніе заслужить вниманіе и одобреніе публики. Когда Мичель Келли ставилъ на сцену оперу, «*Кимонъ*», Кинъ, (что можетъ показаться удивительнымъ) былъ избранъ, чтобы представлять Купидона, сидящаго на колѣнахъ Сильвіи, въ волшебной колесницѣ.

Мичель Келли разсказываетъ объ этомъ въ своихъ *воспоминаніяхъ* слѣдующимъ образомъ: «за пять дней до перваго представленія, ко мнѣ привели нѣсколькихъ дѣтей, чтобы изъ нихъ я выбралъ себѣ Купидона. Одинъ изъ нихъ тотчасъ поразилъ меня живостью взгляда и умоляющимъ видомъ, который отражался во всѣхъ чертахъ лица его. По блеску большихъ, черныхъ глазъ, видно было, какъ пламенно хотѣлось ему, чтобы я избралъ его представлять маленькаго бога любви. Я не могъ противиться краснорѣчію этой нѣмой просьбы, и выбралъ мальчика, въ полной увѣренности, что со временемъ онъ будетъ великимъ, превосходнымъ актеромъ.»

Нѣсколько позже онъ снова упоминаетъ о маленькомъ Кинѣ:

«Филиппъ Кембль, неизвѣстно по какому случаю, вздумалъ включить въ четвертомъ актѣ Макбета пляску духовъ вокругъ костра вѣдьмъ. Кинъ былъ въ числѣ этихъ духовъ, и, вѣроятно, палолго остался бы въ этой роли, еслибы въ одинъ день, забавляясь, не сшибъ съ ногъ одного изъ товарищей. Не смотря на лѣта свои, онъ такъ понималъ связь драматическую, что это незначитель-

ное прибавленіе къ созданію Шекспира казалось ему смѣшнымъ и неприличнымъ. Но шалость его до такой степени раздражила Кембля, что онъ едва умилостивилъ его, представивъ, *что онъ еще никогда не игралъ въ трагедіи.*

По мѣрѣ того, какъ Кинъ выросталъ, геній его развертывался съ удивительною быстротою. Десяти лѣтъ онъ уже понималъ красоты поэзіи и силу слова. Полнота его *драматическаго краснорѣчія*, въ этихъ раннихъ лѣтахъ, была въ немъ столь же замѣчательна, какъ у лучшихъ любимыхъ актеровъ публики.

Къ несчастію, его буйный, пылкій и необузданный характеръ препятствовалъ развитію его удивительныхъ врожденныхъ способностей. Онъ показывалъ сильное отвращеніе ко всѣмъ наукамъ, не относившимся къ театральному искусству, и воспитаніе его медленно подвигалось впередъ. Пробовали посылать его въ школу, но эта попытка осталась безъ успѣха: все, выученное имъ подъ грозною ферулою, скоро было забыто, между тѣмъ, какъ самыя длинныя и превосходныя мѣста изъ Шекспира навсегда оставались въ его памяти. Легко понять, что съ такимъ отвращеніемъ къ схоластическимъ занятіямъ, и къ наказаніямъ, которыя за ними слѣдовали, Кину не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ слѣдовать внушенію чувствъ своихъ, и подражая *Ланселоту Гоббо*, «взять ноги на плеча и бѣжать» (*). Столь же быстро исполняя свои идеи, какъ и схватывая ихъ, онъ вступилъ на купеческій корабль юнгою, и въ этомъ званіи отправился на островъ Мадеру. Тамъ онъ заболѣлъ такъ опасно, что докторъ велѣлъ перенести его въ госпиталь Фовчеля.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился въ Англію здоровымъ, но безъ денегъ, безъ пристанища, и что всего ужаснѣе, безъ родныхъ и друзей. Его нареченная мать миссъ Кери, вступила въ странствующую труппу, и уѣхала неизвѣстно куда. Однако, онъ еще не всѣми былъ оставленъ; миссъ Тидевелль, актриса Друрилепскаго театра, которую онъ съ дѣтства привыкъ считать теткою, приняла его къ себѣ; она любила его со всею горячностію, со всѣмъ жаромъ матери; она принимала живѣйшее участіе въ судьбѣ его, и частію просьбами, частію угрозами, заставила его учиться. Но онъ не замедлилъ снова ускользнуть отъ ферулы. Увлеченный неодолимою страстію къ театру, онъ подружился съ фигляpами, плясками, канатными плясунами, шарлатанами, и дѣлалъ въ искусствахъ ихъ самые быстрые успѣхи.

На конѣ Кинъ отличался болѣе смѣлостію, нежели ловкостію и искусствомъ. Онъ до того презиралъ опасность, такъ увѣренъ былъ въ своей силѣ и проворствѣ, и такъ хотѣлъ привлечь общее вниманіе, что однажды, въ Бристольскомъ циркѣ, потерялъ равновѣсіе, упалъ съ лошади на балюстраду, повредилъ кости у обѣихъ ногъ, и цѣлую жизнь носилъ признаки этого ушиба.

Но неудачи не сокрушили его твердую, возвышенную душу. Онъ продолжалъ свое ремесло, подъ гнетомъ нуждъ и бѣдъ и мечталъ о *Ричардѣ*, *Шейлокѣ* и *Отелло*, ожидая той счастливой минуты, когда онъ наконецъ будетъ въ состояніи оставить фиглярство для своихъ любимыхъ ролей.

Миссъ Тидевелль, которой нѣжная заботливость о мальчикѣ, называвшемъ ее теткою, не уменьшалась ни на минуту, видѣла, что уже наступало время отвлечь своего любимца отъ гибельнаго пути, гдѣ онъ имѣлъ такъ мало славы и выгодъ. Она представила ему всю ничтожность званія, которому онъ отдался, и склонила его вполнѣ заняться драматическимъ искусствомъ, къ которому онъ чувствовалъ особенное влеченіе. Она успѣла наконецъ увѣрить его въ справедливости своихъ замѣчаній, и достала ему мѣсто въ маленькомъ Іоркшейрскомъ театрѣ, гдѣ онъ могъ развить свои природныя дарованія. Онъ только что вышелъ изъ дѣтства, и между тѣмъ занималъ довольно трудныя роли въ трагедіи. Чрезъ нѣсколько времени, его призвали играть въ Виндзорѣ, передъ королевскою фамиліею. Тутъ онъ обратилъ на себя вниманіе доктора Друри, который, обворожась его декламаціею и рѣдкими

(*) Венеціянскій купецъ Шекспира.

способностями, принялъ въ немъ живѣйшее участіе и помѣстилъ въ Этонское училище. Но и здѣсь система наукъ такъ же мало нравилась Кину, какъ и школы, гдѣ лѣт его прежнія попытки были такъ неудачны. Строгая дисциплина, царствовавшая здѣсь, вдохнула въ него ту любовь къ свободѣ, которая дѣлается тираномъ для человѣка, потерявшаго свою независимость. Не могши привыкнуть къ правильной жизни, онъ черезъ два года оставилъ Этонъ, промѣнялъ училище на театръ и богословную рясу на римскую мантію.

Онъ вступилъ въ небольшую труппу, дававшую представленія по деревнямъ, въ окрестностяхъ столицы. Какъ сборы директора не были значительны, то здѣсь каждый членъ равно участвовалъ въ барышахъ и убыткахъ театра. Счеты сводились каждую недѣлю, и по расчету каждому доставалась огромная сумма — 3 шилинга, 6 пенсовъ (*). Не смотря на эти жалкія средства къ существованію, Кинъ нѣсколько разъ говорилъ, что въ эту эпоху своей жизни, ожидая нетерпѣливо, и иногда напрасно, недѣльнаго раздѣла, онъ чувствовалъ себя несравненно счастливѣе, нежели въ то время, когда въ послѣдствіи въ одно представленіе сбиралъ тысячи гиней.

Я говорю *напрасно*, потому что крестьяне не очень часто ходили зѣвать предъ добродѣтелью Катона, героизмомъ Брута и славою Цезаря, и случалось, что труппа бывала безъ копѣйки, такъ, что имъ даже нечего было ѣсть. Кинъ очень любилъ разсказывать исторію своей бѣдности. Особенно онъ любилъ повторять одно приключеніе, которое случилось съ нимъ въ то время, которое онъ называлъ *золотымъ вѣкомъ*. Труппа основала тогда свое постоянное пребываніе въ маленькомъ городкѣ Кройдонѣ; но, хотя былъ третій день Святой недѣли, она держала самый строгій постъ. Въ этомъ печальномъ положеніи, она бродила массою по улицѣ, блѣдная и истощенная какъ призракъ, не привлекая вниманія жителей, занятыхъ своими религіозными обязанностями. Кинъ, у котораго голодъ не отнялъ еще ума, вздумалъ приволокнуться за дочерью мясника, надѣясь, что не трудно возбудить кокетство дѣвушки. Онъ дѣйствовалъ съ своихъ баттарей съ такимъ искусствомъ, что не смотря на бдительность отца, который съ безпокойствомъ слѣдилъ всѣ его поступки, онъ успѣлъ получить, какъ первый залогъ нѣжности, какъ первый даръ робкой невинности, фунтъ превосходныхъ бифстексовъ, которые онъ тотчасъ спряталъ въ карманъ своего платья. Но, возвращаясь домой, онъ старался принять самый спокойный видъ и поднявъ вверхъ голову, и заложивъ руки назадъ, радовался своему успѣху. Вдругъ любимая собака мясника бросилась на него, схватила бифстексы и съ быстротою молніи исчезла. Къ счастію для желудка Кина, его добрая тетушка прислала ему въ этотъ день немного денегъ, и съ помощію ихъ онъ утолилъ страшный голодъ своихъ товарищей, которые, безъ этой неожиданной помощи Провидѣнія, умерли бы вмѣстѣ съ нимъ отъ пищеты и отчаянія.

Кинъ никогда не упускалъ случая усовершенствовать свои таланты не только драматическіе, но и многіе другіе, которыми онъ обязанъ былъ услужливости друзей своихъ. Онъ пѣлъ съ пріятностію, былъ прекрасный музыкантъ, имѣлъ замѣчательный голосъ; танцовалъ довольно ловко, и фехтовалъ превосходно. Между тѣмъ изъ Кройдона Кинъ перешелъ въ Бирмингамъ, гдѣ осуществилась его любимая мечта: онъ дебютировалъ въ роли Гамлета, изученію которой посвятилъ многіе годы.

Изъ Бирмингама онъ уѣхалъ въ Шотландію, гдѣ сдѣлался чрезвычайно полезенъ директору Моссу. Возвратясь изъ Шотландіи, онъ остановился въ Бельфастѣ и поступилъ въ труппу Эткинса. Здѣсь онъ неожиданно получилъ приказъ въ теченіи двухъ дней выучить роль Осмина въ трагедіи «Траурная Невеста» (Mourning Bride) гдѣ знаменитая мистрисъ Сиддопсъ должна была играть три вечера сряду. Напрасно онъ просилъ, умолялъ о продолженіи срока, и представлялъ физическую невозможность выучить въ такое короткое время роль, въ смыслъ которой ему никогда не приходило на умъ вникать; просьбы, жалобы—от-

(*) Около четырехъ рублей мѣдью.

говорки,—все было напрасно. Директоръ настаивалъ на своемъ объявленіи извѣстивъ новаго актера, что мистрисъ Сидонсъ должна въ назначенный день и часъ выѣхать въ другой городъ, гдѣ ее ожидаютъ съ нетерпѣніемъ и что поэтому онъ не можетъ дѣлать отсрочекъ. Кинъ, пораженный этимъ извѣстіемъ, на которое нечего было отвѣчать, пошелъ на военный шлюпъ, стоявшій на якорѣ въ заливѣ, къ одному изъ своихъ друзей, служившему тамъ офицеромъ. Онъ оставался тамъ, уча свою роль, до гибельнаго дня, и съѣхалъ на берегъ въ понедѣльникъ послѣ обѣда, увѣренный въ себѣ, потому что помнилъ довольно хорошо слова, и надѣялся, что не обратятъ большаго вниманія на жесты, если онъ будетъ хорошо знать роль. Но когда онъ вышелъ на сцену, передъ «царицею трагедіи», когда раздался громъ рукоплесканій, при появленіи несравненной Сидонсъ, когда наконецъ настала для него ужасная минута говорить въ свою очередь,—память вдругъ оставила его, слова замерли на языкѣ, колѣна задрожали, огненное облоко набѣжало на глаза: онъ готовъ былъ упасть безъ чувствъ. Напрасно хотѣлъ онъ притти въ себя; напрасно, подходя къ авансценѣ, представлялъ публикѣ, какъ неожиданно велѣли ему выучить роль, какъ онъ взялъ на себя трудъ сыше силъ своихъ, чтобы только не отмѣнили представленія,—піеса упала и онъ былъ освистанъ.

На другой день давали драму «*Спасенная Венеція*». Мистрисъ Сидонсъ, за нѣсколько часовъ до репетиціи, спросила у директора, кто будетъ играть роль Джефира; онъ отвѣчалъ, что Кинъ. Надѣюсь, что это не тотъ негодный актеришка, который вчера былъ причиною паденія піесы? сказала она. Директоръ увѣрялъ, что она не будетъ краснѣть за своего партнера. Въ самомъ дѣлѣ Кинъ, сгаравшій отъ нетерпѣнія поправить свою ошибку, игралъ такъ превосходно, что, когда опустили занавѣсъ, мистрисъ Сидонсъ не могла не поздравить негоднаго актеришку и предсказала ему блестящую будущность, если у него всегда будетъ тотъ же огонь, та же энергія. Здѣсь въ послѣдній разъ мистрисъ Сидонсъ и Кинъ встрѣтились на сценѣ. Она уѣхала въ городъ, гдѣ ее ожидали; онъ возвратился въ Шотландію, и тамъ особенно отличился въ роли Октавія, въ трагедіи *Горцы*. Но письмо, полученное отъ тетки, заставило его возвратиться въ столицу, гдѣ она отыскала ему мѣсто при Геймаркетскомъ театрѣ. Здѣсь самолюбіе Кина было жестоко оскорблено: ему давали самыя пустыя роли, между тѣмъ, какъ прежде онъ былъ первымъ актеромъ въ провинціи. Однако и здѣсь онъ успѣлъ отличиться, и привлекъ вниманіе публики.

Видя, что недостатокъ въ покровителяхъ слишкомъ для него ощутителенъ, онъ досталъ рекомендательное письмо къ знаменитому Джону Филиппу Кемблю, бывшему тогда директоромъ королевскаго Ковентгарденскаго театра; но Кембль принялъ его съ такимъ высокомѣріемъ и гордостью, что послѣ этого, Кинъ потерялъ охоту входить съ нимъ въ сношенія. Кинъ оставилъ Геймаркетъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, и вступилъ въ странствующую труппу Бестона. Въ это время ему пришло на мысль, что женитьба можетъ поправить дѣла его въ закулисномъ свѣтѣ, и открыть ему трудный путь къ драматической славѣ.

Онъ обратилъ вниманіе на миссъ Чемберсъ, и ему казалось, что въ ней онъ нашелъ всѣ качества, которыя желалъ найти въ женѣ. Тогда ему было только двадцать лѣтъ; онъ былъ еще слишкомъ неопытенъ, и потому неудивительно, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сватьбы, онъ увидѣлъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, и что та, на которой онъ женился съ такимъ самоотверженіемъ, довѣрчивостію и простотою, не была создана для его счастія. Но если онъ обманулся въ своемъ ожиданіи, если надежды его не сбылись, то бѣдная миссъ Чемберсъ также страдала отъ его ошибки. Небывая дома по цѣлымъ днямъ, онъ увеличилъ кругъ своего знакомства; чаще обыкновеннаго посѣщалъ таверны и гостинницы и наконецъ предался всѣмъ излишествамъ, стараясь въ развратѣ забыть семейныя огорченія, отравлявшія его жизнь.

Вскорѣ онъ оставилъ Глостеръ и присоединился къ новой труппѣ. Въ это время у него ролился сынъ. Съ жаромъ предавшись изученію своего искусства, онъ нашелъ себѣ новую пищу въ своихъ новыхъ обязанностяхъ.

Джемсъ Шериданъ Нольсъ принадлежалъ тогда къ труппѣ, въ которую вступилъ Кинъ, и въ Ватерфордѣ его товарищи представляли его первую піесу. Она была смѣшана съ музыкой и называлась: *Лео* или *преступникъ* (Leo or the Gipsy.) Кинъ игралъ главную роль въ этой піесѣ и нѣсколько дней спустя игралъ въ мелодрамѣ, которой планъ, основаніе, музыка и постановка на сцену были его дѣломъ. Шериданъ Нольсъ, въ знакъ благодарности, взялъ въ ней для себя роль. Любопытно было видѣть этихъ двухъ людей, неизвѣсныхъ въ эту эпоху, но предназначенныхъ славѣ,— составлявшихъ часть одной труппы, игравшихъ на одномъ театрѣ первыя піесы, сочиненныя каждымъ изъ нихъ, и услуживавшихъ другъ другу своимъ талантомъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ своего новаго успѣха, Кинъ, всегда благодарный, послалъ свою рукопись къ тетѣ. Миссъ Тидевелль получила огромный пакетъ по почтѣ, но, какъ за пересылку нужно было заплатить до трехъ фунтовъ стерлинговъ, она отказалась принять его, мало имѣя охоты платить за подарокъ, котораго не знала. Несчастный пакетъ былъ отосланъ назадъ въ контору и тамъ, вѣроятно, погибъ въ пламени.

Никогда полнота генія англійскаго Тальмы не была въ такой высокой степени, какъ въ театральный годъ, о которомъ мы теперь говоримъ. Онъ являлся на сценѣ какъ комикъ, какъ первый пѣвецъ, какъ трагикъ, какъ авторъ, какъ балетмейстеръ, и наконецъ — какъ арлекинъ. Въ представленіи, данномъ въ бенефисъ жены его, гдѣ она явилась въ роли Эльвины, въ трагедіи *Персей*, Кинъ выполнилъ трудную роль Дугласа; потомъ, между пятымъ актомъ большой піесы и первымъ маленькой, за ней слѣдовавшей, онъ пѣлъ арію изъ комической оперы и при концѣ выполнялъ роль Шампанзье, обезьяны—главнаго дѣйствующаго лица въ драмѣ *Лаперузъ*.

Изъ Ватерфорда Кинъ уѣхалъ въ Ирландію, откуда, отвергнутый Джонесомъ, директоромъ Дублинскаго театра, возвратился въ Англію. Въ Девоширѣ его приняли съ особеннымъ восторгомъ. Въ Икситерѣ, въ свой бенефисъ, онъ игралъ Катона. Театръ былъ полонъ, и рукоплесканія не умолкали. Въ числѣ первыхъ обожателей его таланта, былъ и его старый другъ, докторъ Дрюра, который, не смотря на то, что Кинъ оставилъ Этонъ, гдѣ онъ содержалъ его на собственный счетъ, не переставалъ принимать участіе въ его успѣхахъ. Стараніями этого благодѣтельнаго человѣка, Кинъ снова игралъ роль Катона, передъ комитетомъ Дрюриленскаго театра, который въ это время считалъ столько членовъ, что не было свободнаго мѣста для такого артиста, какъ онъ. Казалось, что препятствія возставали нарочно, чтобы великій трагикъ остался въ неизвѣстности, и что гордость, холодность, презрѣніе и грубые отказы боролись съ величайшимъ талантомъ своего времени.

Послѣ этой новой неудачи, онъ отправился на островъ Гернзей, жители котораго старались изгладить его горести самымъ лестнымъ пріемомъ. Онъ собралъ обильную жатву лавровъ, въ роляхъ Октавія и Отелло. Для спокойствія кредиторовъ Кина нужно бы было желать, чтобы онъ собралъ столько же денегъ, сколько славы; потому что день ото дня положеніе его становилось затруднительнѣе. Труппа, къ которой онъ принадлежалъ, возвратилась въ Англію, а онъ не могъ слѣдовать за нею, не имѣя денегъ. Онъ потерялъ свое мѣсто, и нѣкоторое время жилъ въ Сен-Пьеррѣ, въ самомъ отчаянномъ положеніи. Избытокъ несчастія придалъ ему силы, которыя отняли первый ударъ. Онъ составилъ драматическій вечеръ, и это помогло ему уѣхать въ графство Сомерсетъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ новую славу. Но, по страннному стеченію обстоятельствъ, слава, пріобрѣтенная имъ въ какомъ-нибудь городѣ, никогда не переходила далѣе его стѣнъ, и заставляла несчастнаго актера вступать въ новыя издержки, чтобы привлечь вниманіе публики. Финансы его становились день

ото дня хуже. Онъ началъ думать о положеніи кочующаго комедіанта, и нѣсколько времени исполнялъ это ремесло, но увидѣлъ, какъ оно непрочно для его семейства. Онъ видѣлъ, что мѣсто перваго актера провинціальнаго театра доставляло менѣе выгодъ, нежели послѣднія роли въ Лондонѣ, гдѣ получали опредѣленную плату. Онъ писалъ къ Эллистону, директору Олимпійскаго павильона, который принялъ его, за *двѣ гинеи въ недѣлю*, въ должность мимическаго актера, балетмейстера и арлекина. Заключивъ этотъ контрактъ, онъ выѣхалъ изъ Таунтона въ городъ Дорчестеръ. Была зима; холодъ былъ ужасный; къ довершенію несчастій Кина, любимый сынъ его Говардъ, заболѣлъ такъ опасно, что мистрисъ Кинъ принуждена была остаться еще нѣсколько дней въ Таунтонѣ. Кинъ, взявъ съ собою втораго сына, Чарльса, съ двумя товарищами сѣлъ въ дрянную повозку, которая должна была довезти его до половины дороги; но едва они успѣли проѣхать нѣсколькомиль, сломалась ось, и они принуждены были продолжать дорогу пѣшкомъ. Кинъ взялъ на плеча своего бѣднаго сына, полумертваго отъ холода и голода; утомленный, пришелъ онъ въ Дорчестеръ, не имѣя ни денегъ, ни пріюта. Къ счастію, директоръ предупредилъ его, и узнавъ о его несчастіяхъ, взялся помочь ему и приготовить все для принятія жены его и больнаго ребенка. Вскорѣ начались представленія, и Кинъ возбудилъ всеобщій восторгъ.

Въ одинъ вечеръ, когда онъ игралъ Александра Великаго, ему доложили о пріѣздѣ Арнольда, директора Друриленскаго театра. Онъ тотчасъ принялъ его, и съ удивленіемъ услышалъ, что комитетъ, удостовѣрившись, что докторъ Друри не преувеличивалъ его способностей, предлагаетъ ему уничтожить контрактъ съ Олимпійскимъ павильономъ, и заключить условіе съ нимъ, предоставляя *ему самому назначить условія*. Кинъ еще не привыкъ къ подобнымъ предложеніямъ. Обыкновенно ему назначали плату, и никогда не предоставляли назначать ея самому. Единственнымъ условіемъ Арнольда было то, что если трагикъ хорошо приметъ публика, то онъ переговоритъ объ окончательныхъ условіяхъ съ комитетомъ, — если же нѣтъ, то Кину будутъ платить *одинадцать фунтовъ стерлинговъ* въ недѣлю (около 270 руб.) Такой суммы онъ еще никогда не выручалъ въ счастливѣйшіе дни своей жизни. Среди радости отъ этого неожиданнаго оборота дѣлъ, его любимый сынъ Говардъ умеръ. Испытаніе было ужасное, онъ, быть можетъ, палъ бы, если бы мысль объ ужасной нищетѣ, въ которой онъ оставилъ свою жену и Чарльса, не поддержала его мужества.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, его ожидали новыя горести. Его новые товарищи, не имѣвшіе сотой доли его таланта, приняли его съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ комитетѣ говорили противъ его дурнаго сложенія и безобразія его ногъ. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ оскорбительныя насмѣшки. Говорили даже, что онъ унизитъ собою роли, которыя обезсмертилъ Кембль, и что ему можно дать послѣднія амплуа. Между тѣмъ, какъ спорили о томъ, что дѣлать, Кинъ вдругъ всталъ съ своего мѣста, и обращаясь къ президенту вскричалъ: Aut Cesar, aut nihil! Этотъ поступокъ, эти слова и выраженіе, которое онъ придалъ имъ, такъ перемѣнили мысли, что тотчасъ рѣшено было, почти единодушно, чтобы онъ дебютировалъ въ роли «Шейлока.»

Первый дебютъ его былъ 27 января 1814. Хотя не было ужасающей пустоты въ ложахъ, однакоза не была совершенно полна; никто не любопытствовалъ смотрѣть первый опытъ бѣднаго провинціальнаго актера, которому безжалостно отдали Шекспира на истязаніе. Когда онъ вышелъ на сцену, онъ такъ смутился, что боялся, чтобы не возобновилось печальное приключеніе Бельфаста; видъ толпы, которая при ослѣпительномъ блескѣ кенкетовъ, казалась ему многочисленною; среди которой онъ, быть можетъ, не имѣлъ ни одного друга, ни одного человѣка, искренно желавшаго ему успѣха, — отнялъ у него послѣднія силы. Голосъ его, сначала прерывистый и тихій, становился громче, мужественнѣе, выразительнѣе. Его слушали внимательно, въ мертвомъ, ужасающемъ молчаніи; но, ободренный знаками участія, онъ сказалъ самому себѣ:

«теперь или никогда!» И удвоивъ силу и бодрость генія, увлекаясь безотчетно своею ролею, онъ поднялся такъ высоко, что начиная съ словъ: I will, be assured, театръ залился въ бѣшеныхъ рукоплескапіяхъ, неумолкавшихъ до спуска занавѣса.

Въ продолженіе шести слѣдующихъ дней, онъ являлся въ той же роли, и возбуждалъ тотъ же энтузіазмъ. Ричардъ III, котораго онъ игралъ нѣсколько дней спустя, утвердилъ его славу...

Лордъ Байронъ особенно уважалъ Кина, покровительствовалъ ему и знакомилъ его съ своими друзьями. Графъ Эссексъ, одинъ изъ первыхъ почитателей его таланта, также принималъ въ немъ участіе; но Кинъ предпочиталъ обществу вельможъ связь съ своими старинными друзьями, и никогда бѣдность ихъ не отталкивала его добраго сердца.

Кинъ умеръ сорока шести лѣтъ, въ своемъ домѣ, въ Ричмондѣ. Судьба его сына Чарльса возмутила его послѣдніе годы. Этотъ молодой человѣкъ, наслѣдовавшій весь характеръ отца, оставался не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ въ Этонской коллегіи, и отказался ѣхать въ Остъ-Индію, гдѣ герцогъ Эссекскій досталъ ему мѣсто при англійской компаніи. Онъ непремѣнно хотѣлъ быть актеромъ. Кинъ напрасно развертывалъ передъ нимъ картину всѣхъ бѣдствій, превратностей и несчастій, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ. Ничто не могло поколебать его рѣшимости. Онъ явился на той же сценѣ и въ тѣхъ же піесахъ, какъ и отецъ его; и его памяти Чарльсъ Кинъ былъ обязанъ благосклоннымъ пріемомъ.

Кинъ въ послѣдній разъ явился на сценѣ въ роли Отелло; онъ былъ блѣденъ и чрезвычайно слабъ, и отвергъ просьбы многочисленныхъ друзей, убѣждавшихъ его беречь здоровье. Но силы измѣнили ему: во время представленія ему сдѣлалось хуже, и онъ упалъ безъ чувствъ, на руки сына, произнося это трогательное прощаніе: «Farewell! Othello's occupations gone» (*).

(*) Прости! Отелло болѣе не существуетъ.

Съ англійскаго **А. ГАРКОВЕНКО.**

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Скажите, отъ чего такъ суетятся люди,
Встрѣчая новый годъ? Скажите, отъ чего
Ихъ радостью кипятъ взволнованныя груди?
Ужели имъ не жаль въ минувшемъ ничего?
Ужель протекшій годъ, скрывался безъ возврата,
Не возбуждаетъ въ нихъ воспоминанья грезъ?
Ужели никому, до своего заката,
Онъ свѣтлой радости въ юдоли не принесъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не отъ того: имъ мило все, что ново,
Что неизвѣстно ихъ и сердцу и уму;
И отъ того душа ихъ съ жадностью готова
Отдать блестящій мигъ за будущаго тьму.
Съ минувшимъ все прошло, что было сердцу сладко,
Его не возвратить, въ немъ сердцу не разцвѣсть,
А жизнь грядущаго... О, эта жизнь загадка,
И много для мечты въ ней радостнаго есть.
И году новому блистательныя встрѣчи
Готовы у людей, и въ честь ему пиры
Гремятъ торжественно; полны привѣтомъ рѣчи
И щедро льются ихъ для каждаго дары;
И новый годъ они, какъ жизни измѣненье,
Все неизмѣнною встрѣчаютъ сустой,
Все тѣми же страстьми и тѣмъ же все волненьемъ,
И той же хладною душевной пустотой;
Все неизмѣнно въ нихъ: и тѣ же все привычки,
И заблужденія таится та же мгла,
И также ихъ душа стоитъ на перекличкѣ
Съ сноскорыстіемъ и скрытой жаждой зла.

Нѣтъ! между тѣмъ, какъ пиръ и шумъ его и пляски,
Собой послѣднюю наполнивъ эту ночь,
На маски пѣчныя накидываютъ маски
И память о быломъ отъ сердца гонятъ прочь,
Нѣтъ, не участвуя въ тѣхъ радостяхъ и шумѣ,
Въ родномъ пріютѣ я встрѣчаю новый годъ,
И предавался тамъ неизразимой думѣ,
Во дни бывалые стремлю мечты полетъ...
Въ минувшемъ многое душа моя любила,
Въ минувшемъ не одна ей радость разцвѣла
И не одна для ней открылась въ немъ могила,
И не одну у ней надежду унесла.
О! провожая годъ, какъ будто-бы утратой
Душа моя полна, кипитъ волненьемъ грудь
И все, что было мнѣ и дорого и свято,
Все съ умиленьемъ я стараюсь вспомянуть:
Родныхъ душѣ моей, друзей, погибшихъ въ цвѣтѣ
Обманутыхъ надеждъ, блестящую толпу,
Дни пылкой юности, и тамъ, на ихъ разсвѣтѣ,
Любовь и всѣхъ страстей кипящую борьбу...
И я за все несу Творцу благодаренье;
И за грядущее мнѣ милыхъ я молю;
И въ эти теплыя и свѣтлыя мгновенья
Еще сильнѣе ихъ и пламенней люблю.
Такъ я встрѣчаю годъ, такъ годъ я провожаю...
И думами мое стѣсняется чело:
Что будетъ впереди у жизни—я не знаю,
Но все прекрасно то, что было и прошло.

И. Грековъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Свѣжее утро прохладою пѣяло;
Весело солнце смотрѣло съ небесъ.
Лугъ разноцвѣтный полнаши широкими
Переливался, какъ тихое озеро,
Утренній вѣтеръ его колыхалъ.
Скромная Оржица свѣтлыми струйками
Шла по ковру тростниковъ,
По берегамъ ея рощи зеленыя
Пышно стояли, прохладною тѣнью
Путника въ полдень палящій маня.
Тамъ, изъ-за рощи, какъ змѣйка, извилисто
Лугомъ дорога куда то пошла.
Коситъ косарь на лугу, и казацкую
Пѣсню отъ скуки поетъ.

Зеленая трава мол,
Подъ косою гнется.
Головушка казацкая
Знай себѣ смѣется.
Щебетунъ соловей,
Слушай пѣсни моей! (*)
Въ калиновомъ саду моемъ
Соловей щебечетъ.
Мнѣ молодцу въ дому моемъ
Все жена перечитъ.
Щебетунъ соловей,
Слушай пѣсни моей!
До города до Кіева
Женушка ходила.
Головушка козацкая
Восемь дней кутила.
Щебетунъ соловей,
Слушай пѣсни моей!
Сказалъ гетманъ мириться,
Вотъ и помирились:
Луга были не скошены,
Вотъ и покосились.
Щебетунъ соловей,
Слушай пѣсни моей!
Кошу, кошу — не скосится,
Далъ же Богъ роботу.
Винтовочка все просится
Въ полѣ — на охоту.
Щебетунъ соловей,
Слушай пѣсни моей!
Въ Пирятинѣ мой дядюшка,
Подъ Лубнами тетка.
Косить сѣно, пахать поле
Право не находка!

(Во время пѣнія верховой казакъ выѣзжаетъ изъ-за рощи и приближается по дорогѣ къ косарю.)

КАЗАКЪ.

Здорово, братъ!

КОСАРЬ.

Здоровъ казакъ лейстровый (*)!

КАЗАКЪ.

Богъ помогай!

КОСАРЬ.

Спасибо.

КАЗАКЪ, (останавливая коня).

Тпрру!.... Землякъ!
Что, табачку не водится?

КОСАРЬ.

Пожалуй.

(Вынимаетъ изъ сапога рожокъ съ табакомъ. Постучавъ о подошву передаетъ казаку, а самъ становится возлѣ коня, опершись на косу.)

КАЗАКЪ, (нюхая.)

Ай да табакъ!

КОСАРЬ.

Да, такъ себѣ, домашній.
Эхъ, бѣдный конь, какъ онъ усталъ, измученъ.
Куда несетъ Богъ вашу милость? га?

КАЗАКЪ.

Такъ, посланъ, братъ. А табачекъ на славу!

КОСАРЬ.

Въ Пирятинъ, вѣрно?

КАЗАКЪ.

Да, въ Пирятинъ и въ Лубны,
А можетъ быть заѣду и въ Полтаву.
А знатно ты косишь, землякъ, сей Богу!
Да этакая, знаешь, пѣсня—право,
Не то печальная, не то и плясовая,
А какъ-то такъ, на половинѣ—славно!

КОСАРЬ.

Такъ, самъ себѣ сложилъ да и пою.
Въ дому жена, извѣстно—все ворчитъ,
Такъ выѣдешь себѣ на полю въ полѣ
Да и косишь. А вы въ Полтаву
За дѣломъ, или такъ, прогулки ради?

КАЗАКЪ.

Сказалъ же я—какая тутъ прогулка!
Съ бумагами я посланъ отъ гетмана
Къ волковшикамъ, чтобъ войско набирали.

КОСАРЬ.

А для чего-жъ теперь гетману войско:
У насъ вѣдь миръ.

КАЗАКЪ.

Опять война съ Поляком!

(*) Здѣсь нарочно оставленъ малороссійской оборотъ рѣчи.

(*) Реестровый; они пользовались большимъ уваженіемъ между хлѣбопашцами.

КОСАРЬ.

Война? не правда! шутишь!?...

КАЗАКЪ.

Нѣтъ, ей Богу,
Совсѣмъ война, какъ слѣдуетъ война!

КОСАРЬ, (бросая косу.)

Пускай траву кто хочетъ, тотъ и коситъ,
А я косить ужъ болѣе не стану:
Моя охота сабля да ружье.
Слезай-ка братъ, слезай съ коня, товарищъ;
И я казакъ, ей Богу — я казакъ!
Траву косилъ я только такъ, отъ скуки,
Пусть пропадетъ на корнѣ вся она.
Слезай-же, братъ! твой конь усталъ въ дорогѣ,
Пусть отдохнетъ немного на лугу,
И мы съ тобою то-же перекусимъ:
Вѣдь у меня есть сало, паляница (*)
И чарка добраго вина.

КАЗАКЪ, (слѣзая съ коня.)

Пожалуй братъ, благодарю за ласку.

—

Вотъ ворохой разсѣлись, щиплетъ травку,
А наши два пріятеля подъ дубомъ
Сидятъ. Предъ ними, словно скатерть,
Попошенный жупанъ разосланъ синій;
На немъ лежатъ хлѣбъ, соль и паляница,
И сало и стоитъ бутылка водки...
А между тѣмъ разсказываетъ гость,
Какъ началась опять война съ Поляком.

КАЗАКЪ.

Вотъ видишь ли, мы такъ себѣ, конечно,
Мы не чета рейтарамъ Казиміра,
И нѣтъ у насъ ни шишаковъ, ни латъ;
Не въ золотѣ казацкіе жупаны,
Но мы съ Поляками гдѣ ни сходились,
Вездѣ въ щепы ихъ разбивали...
Они взмолились—мы имъ дали миръ;
И Казиміръ прислалъ дары гетману.
Гетманъ принялъ пословъ на площади:
Не захотѣлъ пустить къ себѣ и въ хату!...

КОСАРЬ.

Не захотѣлъ?... ай молодецъ, гетманъ!...
Да это стоитъ выпить чарку водки
За здравіе гетмана!...

КАЗАКЪ.

Ладно, братъ:
Я никогда не прочь отъ этой службы.
Ну, вотъ послы, какъ слѣдуетъ, съ поклономъ
Все отдали: и грамоту, и знамя,
И булаву, и тутъ-же прочитали
Какія намъ король даруетъ льготы,
Какія намъ даруетъ онъ права.
Гетманъ сказалъ: благодарю я Бога,
Я дожилъ дня счастливѣйшаго въ жизни.
И тихо всталъ передъ соборомъ на колѣна...
И весь народъ съ молитвой шапъ упалъ.

Все прилегло на площади широкой,
Стояли только кони да Поляки...
Вотъ, помолясь, сказалъ гетманъ послам:
«Благодарю отъ имени народа
«Я короля за ласку и за милость.»

КОСАРЬ.

За милость? Что же намъ король такое сдѣлалъ?

КАЗАКЪ.

Ну, ничего; да, видишь, панъ Богданъ
Такой ужъ добрый...

КОСАРЬ.

Эхъ, напрасно!
Они, пожалуй, станутъ этимъ хвастать.
А послѣ что?

КАЗАКЪ.

Онъ дальше говорилъ,—
Не помню словъ, а толкъ такой былъ рѣчи,
Что, дескать, я не для себя трудился,
Не для себя и кровь я проливалъ;
Скажите такъ вы Яну Казиміру,
Что для меня не нужно ничего;
Пусть будутъ счастливы мои казаки-дѣти.
«Стой!»—закричалъ народъ,—«ужъ это очень много!
«Проси, гетманъ, у короля что хочешь,
«А безъ того мы съ площади ни шагу!»
И вдругъ пошелъ въ народѣ шумъ и говоръ,
И площадь вся заколыхалась,
Какъ нашъ Лиманъ отъ вѣтра, въ непогоду.
Народъ притихъ. Тогда гетманъ сказалъ:
«Я всѣмъ доволенъ, но когда народъ
«Ужъ требуетъ, пожалуй, попрошу я,
«Чтобъ выдали Чаплицкаго!»..
Послы гетману гордо отказали.
«Чаплицкаго подай!» мы закричали,
И шапки къ верху начали бросать.
Послы домой—народъ гурьбой за ними,
Да и кричитъ: Чаплицкаго подай!
Послы пошли въ квартиру—въ тотъ же часъ
Къ нимъ въ окна грязь и камни полетѣли.
Настала ночь—всю ночь не спалъ народъ:
Какъ передъ днемъ Святаго Воскресенья,
Вездѣ въ домахъ огни горѣли;
А мимо дома, гдѣ послы,
Мы съ пляскою и пѣснями ходили
И пѣли все, что вздумалось пропѣть,
Въ обиду имъ, и громко въ бубны били.
На утро слѣдъ посланниковъ простылъ,
А нашъ гетманъ, дай Богъ ему здоровья!
Универсаломъ объявилъ войну.
И вотъ меня съ бумагами послали.

КОСАРЬ.

Да и пора! чего сидѣть назъ дома?
Съ женою ссориться да просо сѣять!
Да, хорошо; ну выпьемъ-ка еще
Для бодрости, такъ знаешь, чтобъ въ дорогѣ
Не стотащать: Ипрятинъ вѣдь не близко.

(*) Родъ бѣлаго хлѣба.

Туда поѣдемъ вмѣстѣ мы съ тобой,
Со мною здѣсь гнѣдая есть кобылка;
Сѣдло и сбрую выпрошу у дяди!
Къ женѣ не нужно заѣзжать,—
Авось соскучится, такъ пришлетъ.

—

Солнце къ вечеру клонилось,
Тѣнь ложилась на поля;
Наши новые друзья
Обнялись, перекрестились,
На коней своихъ садились,
И пустились въ дальній путь.
Подъ казакомъ конь, какъ воронъ,
И летучъ и также черенъ,
Гордо несъ крутую грудь;
А за нимъ, хвостомъ махая,
Рысью мелкою гнѣдая
Въ перепалку поскакала.
Вотъ они уже далеко
Ѣдутъ по степи широкой,
Вотъ и скрылися изъ глазъ...
Тихо все на степи плоской,
Только вѣтеръ отголоски
Пѣсни звонкой и простой,
Навѣваетъ намъ порой:
Въ Пирятинѣ мой дядюшка,
Полъ Лубнами тетка.
Пахать поле, косить сѣно,
Нрапо це находка!

Е. Гребенка.

ТАРАНТЕЛЛА.

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Говоритъ душѣ безпечной:
Пой, любуйся, веселись!
Дивенъ міръ, но міръ не вѣчной!
Выше, выше поднесись,
Жизни слишкомъ скоротечной
Не давайся, не держись.
Думамъ здѣсь не разсердиться:
Не успѣешь оглянуться,—
Все прекрасное пройдетъ!
А на небѣ безопасно:
Небо чисто, небо ясно;
Въ немъ обширнѣе полетъ.

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Посмотри: ужъ догараетъ
Освѣщенье на пирахъ;
Шумъ оркестровъ затихаетъ
И одна, почти въ слезахъ,
Дѣва бѣдная вздыхаетъ
Объ утраченныхъ часахъ.
Посмотри, завяли розы;
Посмотри, какъ льются слезы...
Гдѣ забавъ горячій слѣдъ?
А на небѣ все прекрасно,
Небо чисто, небо ясно;
Даже облачка въ немъ нѣтъ!

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Какъ цвѣла и какъ любила
Эта юная чета;
Восхищала, веселила
Ихъ любовь, ихъ красота.
Тутъ измѣна, здѣсь могила;
Все земное суета.
Какъ непрочно все, что мило!
Счастье многое сулило,
Но сдержало ли обѣтъ?
А на небѣ все прекрасно,
Небо чисто, небо ясно,
И обмана въ небѣ нѣтъ.

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ;
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Вотъ счастливца окружаютъ
Дѣти, други, какъ цвѣты
Вкругъ его благоухаютъ....
Но на долго ль? Видишь ты,
Другъ за другомъ отпадаютъ,
Точно съ дерева листы —
И одинъ, осиротѣлый,
По дорогѣ опустѣлой,
Пригорюнясь, онъ идетъ.
А на небѣ все прекрасно,
Небо чисто, небо ясно;
Тамъ разлука не живетъ.

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Увлекаешься ль мечтою
Славы, доблестныхъ трудовъ: —
Видишь стаю за собою
И воплощ и прагопъ.
Ты обрызганъ клеветою,
Ты вездѣ встрѣчаешь ковъ;
Твой восторгъ охладѣваетъ,
Чувствъ святыню оскорбляетъ
Свѣта хохотъ, свѣта ледъ.
Но взнесись на небо ясно:
Тамъ свободно, тамъ прекрасно,
И оно тебя пойметъ.

Вотъ луна глядится въ морѣ;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе
И съ душою говоритъ.
Говоритъ душѣ унылой:
Міръ роскошный опустѣлъ
Для тебя; и легкокрылый
Духъ веселья отлетѣлъ, —
Но крѣпись духовной силой.
Нѣтъ! не въ мірѣ твой удѣлъ!
Твой удѣлъ вотъ здѣсь, межъ нами,
Межъ блестящими звѣздами
Прежнее тебя все ждетъ,
Все, что мило, что прекрасно,
Небо чисто, небо ясно
Для тебя здѣсь бережетъ.

П. МЯТЛЕВЪ.

ПАНОРАМА

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ВАРШАВА.

Пойдемте въ театръ. Тамъ, гдѣ занимаются тѣмъ только, чтобъ какъ можно лучше представить чужія лица, чужія мечты, чужія чувства и мысли, тамъ мы вѣрно не встрѣтимъ мѣстоименія *я*, всемірнаго отвергающаго всё чужое — кромѣ денегъ.

Не оперу ли играютъ сегодня? Съ тѣхъ поръ, какъ *Волковой* нѣтъ ужъ на сценѣ, я не такъ охотно хожу въ оперы. Некого слушать. *Пулковскій* хорошо играетъ и знаетъ музыку, да у него нѣтъ голоса. У *Залинскаго* порядочный теноръ, но онъ движется по сценѣ какимъ-то отрубкомъ. Одну панну *Каплинскую* съ ея тоненькимъ голоскомъ и аріями изъ *Цампы*, да оркестръ малый и скромный въ выборѣ піесъ, но столь согласный, что его можно бы ставить за образецъ всѣмъ семействамъ, — можно бы еще послушать, но пѣвица наша переселилась уже на московскую сцену и пожинаетъ тамъ лавры въ томъ же *Цампѣ*. Играютъ въ Большомъ Театрѣ, это я знаю—но что?—А! вотъ афишка: если вы читаете по-польски и въ сумерки, то можете прочесть:

«*Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*».

Пойдемте въ театръ, вы не видали, кажется, этой драмы, въ которой дѣйствующія лица начинаютъ поприще въ богатыхъ бальныхъ платьяхъ и въ пышныхъ палатахъ, а кончаютъ его въ рубищахъ, освѣщенныя пожаромъ развалившейся хижины. Пойдемте непремѣнно, вѣдь сегодня играетъ *панна Жучковская* (*).

Но взгляните напередъ на это великолѣпное, лучшее въ Варшавѣ зданіе; взгляните, какъ красуются его столпы, какъ гордо высятся исполинскія формы средней части, какъ широко разстилаются крылья! Не мнится ль и вамъ вмѣстѣ со мною, что это колоссальный, бѣлый грифъ древнихъ, который сейчасъ снимется съ земли и взлетитъ въ безпредѣльность синяго неба. Ему тѣсно на этой небольшой площади. Знаете ли, что также, какъ и всё хорошее въ этой странѣ, и этотъ прекрасный театръ созданъ русскимъ правительствомъ, которое печется не только о благосостояніи Польши, но и объ ея удовольствіяхъ.

Вы уже взяли билеты. Не правда-ли, здѣсь это удовольстіе очень дешево противъ петербургскаго; дешево особенно тѣмъ, что не бываетъ бенефисовъ и цѣна даже на лучшіе спектакли, не увеличивается.—Впрочемъ пусть говоритъ *Жанъ Батистъ Сэ* о необходимости дешевизны благородныхъ удовольствій, чтобы они большему числу людей были доступны.

(*) Эта несравненная актриса теперь замужемъ за г-мъ Гальпертомъ, но еще играетъ иногда на сценѣ.

Мнѣ, *nota bene*, когда я при деньгахъ, гораздо пріятнѣе, чтобы каждый предметъ роскоши былъ обложенъ высокою пѣною. Чт омнѣ за дѣло, что черезъ это онъ будетъ таможенно запрещенъ толпѣ.— Но я такъ думаю не изъ аристократическаго чувства, которое на балѣ въ *Крулевскихъ Лазенкахъ* самодовольно указываетъ намъ на народъ, стѣсненный у оконъ; не изъ того эгоизма, который въ дождь и слякоть заставляетъ насъ улыбаться въ глубинѣ нашей кареты при видѣ бѣднаго, измученнаго пѣшехода. Нѣтъ, я, какъ покупатель удовольствій, просто разсчитываю свои выгоды. Чѣмъ болѣе плачу я въ кассу театра, тѣмъ большій сборъ, слѣдственно тѣмъ лучше обстановка піесы, тѣмъ богаче костюмы, тѣмъ великолѣпнѣе декораціи, тѣмъ ярче освѣщеніе... Нѣсколько злотыхъ лишнихъ и я имѣлъ бы удовольствія вчетверо.

Но за то въ театрѣ не было бы столько посѣтителей. Онъ полонъ почти всегда, и не удивительно: въ немъ всё и цѣна, *и обширъ*, и выборъ пеісъ,—такъ соразмѣрны Варшавѣ.

Вотъ наши мѣста. Извините меня, я заговорилъ васъ на площади и мы опоздали. Первое дѣйствіе уже кончается.

О чемъ бѣснуется этотъ старикъ? А! это *Кудличъ*. Кудличъ, столь уважаемый здѣшнею публикой, очень хорошій актеръ— онъ такой толстый. Чтожъ вздумалось ему стоять въ самой неестественной позиціи и кричать, возвышая постепенно голосъ?—Ба! даонъ проклинаетъ, и кого же? вы скажете сына; какого сына; онъ проклинаетъ бѣднаго *Веровскаго*, который виноватъ только въ томъ, что также толстъ какъ мнимый его папенька и вовсе не похожъ на молодаго человѣка. По крайней мѣрѣ я признаю его совершенно невиннымъ. Могъ ли бы онъ иначе такъ спокойно слушать грозный гнѣвъ и осиплыя проклятія *Кудлича*? Онъ или невиненъ, или въ тысячу разъ сильнѣе сердечной организаціей, чѣмъ *панна Жучковская*, которую такъ видимо, такъ больно трогаютъ слова и конвульсіи умирающаго старика.—Какъ послѣдователь французскаго судопроизводства, я признаю, что совѣсть *Веровскаго* должна быть чиста, какъ.... какъ бѣлая бумага, чтобъ выбрать сравненье поновѣе! Но на ней сейчасъ рапишется ужасная повѣсть—грязью и кровью, какъ страницы Мельмота или Гава Исландскаго, какъ всѣ созданія гальванической литературы,—но рука судьбы начертитъ на ней сейчасъ три слова отвратительной подлости: обманъ, убійство, злодѣяніе изъ корысти!—Но пока Веровскій стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывалый; слушаетъ съ стоическою твердостію, какъ его бранятъ, какъ его проклинаютъ—и вѣрно въ душѣ смѣется, а за кулисами подастъ руку *Кудличу*. Вотъ истинно христіанское забвеніе обидъ. Признаюсь, на его мѣстѣ я бы не вытерпѣлъ... Правда, тотъ уже умеръ.

Умеръ *Кудличъ*! Вѣчная ему память. Нельзя ли вызвать его теперь? До конца піесы пройдетъ тридцать лѣтъ и публика его вѣрно забудетъ; кого не забудутъ люди въ тридцать лѣтъ? Еслибъ то было возможно, они готовы забыть и самаго Наполеона...

Помнить не значитъ знать, но думать.

А *Кудличъ* славно игралъ свою роль. И онъ, и роль его мнѣ очень нравятся. Я чрезвычайно люблю отцевъ, которые своихъ дѣтей проклинаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что лучшаго можетъ сдѣлать передъ смертью отецъ, избаловавшій сына? Молодой человѣкъ не могъ сказать себѣ: буду игрокомъ, буду негодяемъ, буду чернить себя всѣми пороками. Нѣтъ! онъ обязанъ всѣмъ этимъ или случаю, или, что гораздо чаще случается, своимъ très chers papa et maman, которые дали ему самое дурное воспитаніе и въ послѣдствіи весьма удивляются, что любезный сынокъ сдѣлался негодяемъ, не получа на то родительскаго благословенія. Что жъ теперь дѣлать? что? разумѣется, проклясть его, проклясть непремѣнно! И потомъ умереть съ спокойною совѣстью, съ утѣшительной мыслію: мы, дескать, свое сдѣлали, испортили созданье Божіе и потомъ его прокляли, то есть умыли руки во грѣхахъ его; прокляли и не заботимся, что когда нибудь это проклятіе ужасно отзовется въ ушахъ заблудшаго юноши, и подобно гласу Егова, изгонитъ его изъ общества людей, какъ новаго Каина, и заставитъ скитаться въ безднѣ и мракѣ преступленій!...

Занавѣсъ опущенъ и вы, не слушая меня, лорнируете эту хорошенькую дамочку, которая въ послѣднія минуты смотрѣла на сцену съ такимъ видомъ, будто Кулячъ къ ней относилъ проклятія... О, не безпокойтесь *моя пани*! онъ слишкомъ учтивъ и снисходителенъ, чтобы за нѣсколько самыхъ миленькихъ грѣшковъ подымать такой шумъ.

Какъ же вы не опытны!—Вы, который такъ не любите слово—Я, смотрите съ удовольствіемъ на ложи. Развѣ вы не видите, что тамъ сидятъ все—Я? Я въ чепчикѣ; Я простоволосая; Я блѣдныя, чувствительныя, разряженныя, самолюбивыя. Если вы ужъ непремѣнно хотите смотрѣть вверхъ, то глядите на раёкъ; тамъ нѣтъ Я,—но крайней мѣрѣ, отсюда вы его не замѣтите.

Но Я въ ложахъ по большей части прехорошенькія, вотъ напр. панна Франциска, вотъ панна Іузефа, вотъ молоденькія А. Б. В. Г. Д. Ж. цѣлая азбука хорошенькихъ! Все подростки въ этомъ саду,—вотъ... Да кто перечтетъ въ Варшавѣ хорошенькихъ.

Теперь вы осматриваете, кажется, самое зданіе и вѣрно удивляетесь, почему этотъ театръ названъ *великимъ*, то есть *большимъ*. Если-бъ исполнился первоначальный планъ, онъ былъ бы, почти равенъ московскому, но такой театръ никогда не окупился бы въ Варшавѣ. Вотъ почему въ строеніи, изготовленномъ для одного спектакля, вмѣщаются теперь двѣ сцены. По крайней мѣрѣ, когда вы въ воскресенье не достанете при входѣ билета на чувствительное представленіе Большаго Театра, то можете итти помѣститься въ *Розмайтосци* (Théatre des Variétés), сдѣлавъ только два шага въ сторону.

Вотъ вамъ Гераклитъ и Демокритъ новаго времени, по прежнему бокъ о бокъ, на одной площади, и по прежнему каждый всегда имѣетъ своихъ слушателей.

Знаете ли, что Демокритъ—я хотѣлъ сказать *Розмайтосци* своими бойкими шутками, язвительными сатирами, громкимъ смѣхомъ, съ публикой безъ притязаній, съ смѣлыми актрисами, безъ жеманства и ханжества, съ актерами, которые обращаются съ зрителями за панибрата и не ставятъ ихъ въ грошъ, наконецъ съ веселыми посѣтительницами креселъ... театръ этотъ, говорю, мнѣ очень нравится, или, правильнѣе, очень забавляетъ меня. Я воображаю, что булеварные театры въ Парижѣ именно въ этомъ родѣ.

Впрочемъ, и на его сценѣ играютъ иногда прелестныя піэски и играютъ благородно. Особенно замѣчательна тамъ живость въ ходѣ представленій, которая происходитъ отъ согласной и ровной игры актеровъ, а это доставляетъ публикѣ, можетъ быть болѣе удовольствія, чѣмъ нѣсколько блестящихъ талантовъ, окруженныхъ на сценѣ деревянными мужичками.

Посмотрите *Розмайтосци*: это театръ совершенно домашній, безъ пышности, безъ всякихъ затѣй; но въ немъ всегда тѣсно, и хоть тѣсно—да весело. Я довольно часто бываю тамъ, особенно когда играютъ *Шанчуковскій* и *Веровская*. Онъ превосходный каррикатуристъ à la Vernet, она настоящая субретка, гризетка или вдовушка, словомъ, женщина à la M-lle Louisa. Вообще въ злѣшней труппѣ, которая играетъ на обоихъ театрахъ, попеременно, довольно комическихъ талантовъ, напр. *Дамсе*, который умѣетъ сдѣлаться такъ уродливымъ, не только фигурой, но и въ движеніяхъ; *Ждановичъ* здѣшній Dufour и еще кой-кто. *Шасецкій* человѣкъ съ дарованіемъ и необходимъ въ комедіяхъ порядочнаго общества, но онъ такъ твердо выучилъ роль Іосифа цѣломудреннаго, что не забываетъ ее даже въ пажѣ въ комедіи: Ksiezna-Paz и въ герцогѣ Лейстерѣ, въ *Замкѣ Кенильвортъ*, и всюду. Ему все равно, кого онъ представляетъ: онъ то подниметъ, то опуститъ веки своихъ большихъ, голубыхъ глазъ и очень доволенъ собой, *а часть женская публики довольна его глазами*.... Чего жъ болѣе? Но кто если превосходенъ въ комедіяхъ, такъ это *Жучковская*, *Жучковская*, которая превосходна во всѣхъ роляхъ, которая, кажется, создана для театра, столько сценическихъ даровъ соединяетъ она въ себѣ. Какъ бы хотѣлъ я сравнить ее въ одной и той же высокой комедіи съ г-жею Allan съ Кара-

тыгиной и Virginie Bourbier. Вы, который такъ недавно видѣли фениксовъ нашей сцены, вы мнѣ скажете ваше мнѣніе?...

Но вы меня не слушаете, милостивый государь; вы смотрите на сцену, видно, что занавѣсъ поднятъ—и, можетъ быть, давно...

О да! уже играютъ вторые сутки, а Веровскій всё проигрываетъ, *впрочемъ онъ проигрываетъ хорошо*. Въ этой роли онъ мнѣ нравится. Но я никакъ не согласился бы взять на себя его роли, чтобъ не обманывать такъ жестоко этой растроганной, боязливой, легковѣрной Амаліи, которая съ такимъ невыразимымъ чувствомъ, съ такимъ осязательнымъ борепіемъ любви къ мужу съ обязанностями матери, отдаетъ ему наслѣдіе своего сына.

И вотъ опять и балъ и пиръ горой, и разливное море, опять игра, опять проигрышъ.

Бѣдная Амалія! Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ вырвалъ у тебя послѣднія деньги, ты снова одна, ты, молодая, прелестная женщина, одна поздней порой, одна, оставленная на жертву злодѣянію. Но и Варперъ здѣсь. Амалія и Варперъ! Неужели-жъ сказать: васъ двое? нѣтъ! ты одна, и онъ одинъ.

Купечество! знать! литераторы!

Терпѣть немогу собирательныхъ именъ. Они такъ смѣшиваютъ людей и понятія; родятъ чудное съ плоскимъ, подлое втираютъ между прекраснымъ и высокимъ и дѣлаютъ такую пёструю толпу изъ человѣчества, что вы не знаете пожать ли ему руку, или повернуться къ нему спиною. Не будь собирательныхъ именъ и не будь еще краснорѣчія, мы знали бы, можетъ быть, исторію.

Но вотъ стучатся... вѣрно спаситель, нѣтъ! это мужъ!

Теперь соедините всѣ силы вашего вниманія, теперь устремите весь слухъ, весь взоръ, всю душу вашу къ Амаліи, — ловите каждый ея звукъ, каждое движеніе, каждую рѣчь ея лица....

Вотъ она, — вся въ бѣломъ, блѣдная, прелестная; тёмно-каштановые волосы волнами по бѣломраморнымъ плечамъ бьются о стройный станъ, о высокую грудь; вотъ она: — вы ее приняли бъ за явленье съ другаго свѣта, еслибъ ея лицо сіяло неземною безмятежностью! Но по немъ прошло горе, но эти прекрасныя черты искажены ужасомъ и отчаяніемъ. Взгляните: она вся трепещетъ, ея колѣна сгибаются, она держится за стулъ, ей не служатъ руки, станъ ея ломится, она падаетъ... она безъ чувствъ!...

А! теперь я узнаю, кто эта женщина, кто эта Амалія. Это — *Жучковская!* Кто другая такъ сильно потрясетъ мои нервы? Кто другая такъ сильно перечувствуетъ, такъ мощно осуществитъ и передастъ эти созданія могучей и смѣлой мужской фантазіи?

Я не думалъ, чтобы женщины могли такъ сильно чувствовать, хотя выраженіе ощущеній всегда яснѣе читается на лицахъ женскихъ, чѣмъ въ чертахъ мужчины.

Взгляните, напримѣръ, на блѣдныя лица нѣкоторыхъ дамъ въ ложахъ, гдѣ собираются сейчасъ играть антрактныя комедіи. Онѣ блѣдны отъ боязни за бѣдную Амалію, отъ страха, что она должна будетъ покориться своему преслѣдователю. Или, можетъ быть, изъ цѣховаго соучастія онѣ за Амалію трепетали, боясь прихода ея мужа?

Изъ мужчинъ у рѣдкаго вы найдете лицо, хоть вполовину вверхъ ногами, какъ сказалъ бы Хаджи Баба. Но пусть весело ударитъ смычекъ *Бельвскаго*, пусть вылетятъ на сцену группы балетчицъ, пусть панны *Дашкевичувна*, *Морицъ*, *Ждановичувна*, *Лиделанъ* начнутъ съ *Грековскимъ* какой нибудь, хоть и не очень роскошный танецъ *складу пана Морица;* заставьте даже проплясать *комичній галлопадъ*, въ которомъ такъ смѣшонъ *Домагальскій*, рѣдкій *burlesque* балетный, и посмотрите на лица мужчинъ. При одномъ видѣ танцовщицы, при одномъ взглядѣ на короткое платьице, на обнаженную и подкрашенную грудь, лица у всѣхъ оскабляются и разгорѣвшіеся взоры прыгаютъ вслѣдъ за маленькими ножками. Но женщины, напротивъ, сидятъ во время балетовъ весьма спокойно и напрасно стройный и ловкій *Грековской* старается заслужить ихъ улыбку; напрасно *Морицъ* едва не сжи-

маетъ кулаковъ, трудясь надъ своими скачками;—онѣ не видятъ ни сго скачковъ, ни ногъ *Грековскаго*, какъ будто ничего не видятъ.

Отъ чего бы онѣ въ этомъ случаѣ были скрытнее насъ; неужели отъ одной скромности? Или онѣ и въ самомъ дѣлѣ не находятъ въ театральныхъ танцахъ ничего прекраснаго, а въ танцорахъ и танцовщицахъ никакой граціи? Или не дѣйствуетъ ли тутъ зависть... хоть нѣсколько?...

Подумайте, пожалуйста, обо всемъ этомъ, пока не начнутъ играть третьихъ сутокъ и *Вероискій* въ отвратительномъ рубищѣ не изгонитъ изъ вашихъ мыслей всѣхъ помысловъ о прекрасномъ и граціозномъ. Вы послѣ когда нибуть скажете мнѣ свое мнѣніе, потому что я сейчасъ ѣду.

Не люблю третьяго отдѣленія этой драмы. Оно разрушаетъ моральное дѣйствіе первыхъ двухъ сутокъ тѣмъ, что выводитъ своего героя изъ ряду обыкновенныхъ игроковъ и представляетъ его разбойникомъ. Какой молодой человѣкъ можетъ представить себѣ возможность подобной развязки пагубной страсти къ картамъ? Между тѣмъ какъ эффектъ первыхъ двухъ сутокъ, я говорю объ эффектѣ моральномъ, чрезвычайно великъ и оставляетъ на душѣ спасительное впечатлѣніе...

Однакожъ, до свиданія, мнѣ пора. Къ тому же мнѣ сегодня что-то ужасно хочется провѣдать фортуну: я ѣду играть.

Дайте-ка руку на счастье. Adieu.

—

Вы замѣтили, что у моей статьи нѣтъ заглавія, а безъ заглавія вы никакъ не узнаете, что это за статья. Такъ я скажу вамъ: это предисловіе! Да, предисловіе къ большому сочиненію о варшавскомъ театрѣ, въ которомъ я представлю его сцену въ планѣ, вымѣрю ростъ актеровъ въ вершкахъ, а таланты ихъ взвѣшу на унціи, покажу мѣрки башмачковъ балетчицъ, приложу выкройки всѣхъ театральныхъ костюмовъ и начерчу личико и черные глазки панны Жучковской въ профилѣ и фасадѣ... и потомъ это сочиненіе поднесу всенижайшѣе публикѣ, классически увѣряя ее, что мнѣ нужно одно ея благоволеніе, а не деньги.

Не пугайтесь, я пошутилъ! Этого сочиненія никогда существовать не будетъ; покрайней мѣрѣ, я не буду творцемъ его. А за другихъ не ручаюсь. Благодаря наполеоновской методѣ воспитанія, математическихъ геніевъ развелась тьма тьмущая, и какъ разъ врится кто нибуть въ театръ съ циркулемъ.

Теодоръ.

АНГЛІЯ.

Въ Лондонѣ много говорятъ о новой комедіи Е. Бульвера, представленной на геймаркетскомъ театрѣ. Творецъ «*Ришелье*, *Нормана*» и проч. заслуживаетъ вниманіе критиковъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ ошибается; (что впрочемъ бываетъ съ нимъ довольно часто) потому что вообще англійская публика разлѣляетъ его заблужденія и участвуетъ въ нихъ. Названіе его новой піесы чрезвычайно выразительно. «*Деньги*»—такъ окрестилъ ее авторъ и конечно, подобное заглавіе давало ему полную свободу развесть самую обширную, самую поразительную картину, когда либо виданную на сценѣ. Деньги—всеобщій двигатель; деньги, посредствомъ которыхъ и для которыхъ, кажется, все теперь существуетъ; деньги—непроницаемая броня порока, неоспоримое право на значительность для дерзкихъ, надменныхъ прошлецовъ; конечная сила правительствъ, конечное честолюбіе народовъ! Прекрасно было-бы въ смѣломъ синтезѣ показать могущество и ничтожество этого кумира, которому все покланяется; раскрыть внутренность этого звѣнящаго колосса, и посредствомъ анализа подрыть его основаніе, по видимому непоколебимое.

Не такова была цѣль Бульвера. Какъ онъ ни отважевъ, онъ не простираетъ, однакоже, такъ далеко своихъ видовъ. Быть можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ

правъ. Успѣхъ творенія, слишкомъ обширнаго, на театрѣ, въ наше время, былъ бы весьма сомнителенъ. Модный писатель и не подумалъ взять на себя трудъ разрѣшить предложенную задачу и только слегка коснулся ея частностей. Его цѣлію было просто показать роль, которую играютъ деньги въ жизни человѣка неизвѣстнаго, или превознесеннаго льстецами, возвеличеннаго, или униженнаго, любимаго, или презираемаго, смотря потому, богатъ онъ, или бѣденъ.

Комедія начинается тѣмъ, что толпа личныхъ наслѣдниковъ собралась для чтенія духовной. Между ними замѣшался бѣдный юноша, Эвелинъ, которымъ всѣ безъ зазрѣнія совѣсти помыкаютъ, всѣ пренебрегаютъ, которому безжалостно отказываютъ въ самомъ ничтожномъ пособіи.

Положеніе дѣлъ совершенно измѣняется по открытіи завѣщанія. Этому бѣдняку покойникъ отказалъ свое несмѣтное богатство. Въ одно мгновеніе все передъ нимъ преклоняется, каждый спѣшитъ предупредить малѣйшее его желаніе; предложеніямъ услугъ—нѣтъ числа. Серъ Джонъ Безей, главный его покровитель, прежде отказывалъ ему въ 10 гинеяхъ, а теперь нѣтъ низости, къ которой бы онъ не прибѣгнулъ, чтобы склонить его жениться на своей дочери. Только одно существо отстается непричастнымъ общему волненію. Это бѣдная родственница Евелина. Они давно любили другъ друга, но милая дѣвушка не соглашалась выти за своего любезнаго, чтобы не осудить его на многія лишенія. Евелинъ, душевно оскорбленный отказомъ Клары, не угадалъ тайной причины ея поступка: онъ и теперь не понимаетъ ея молчанія; но нѣжность чувства не позволяетъ ей ни малѣйшаго намека на любовь разбогатѣвшаго родственника. Въ полномъ убѣжденіи, что Клара не его любитъ, Евелинъ рѣшается благороднымъ образомъ отмстить ей за равнодушіе. Онъ включаетъ въ духовную приписку, будто бы сдѣланную покойникомъ, по которой Клара получаетъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ. Исполнивъ это, онъ бросается въ вихрь свѣтской жизни и вотъ онъ, то денди, то архитекторъ, то игрокъ, или политическій кандидатъ, и безпрестанно окруженъ портными, ювелирами, каменьщиками, жокеями, барышниками, и проч. Говоритъ, что Бульверъ включилъ многое изъ собственной жизни въ тѣ суеты, гдѣ Евелинъ является читателю, окруженный всѣми принадлежностями «льва.»

Среди различныхъ занятій, разбогатѣвшій юноша слабо защищается противъ хитрыхъ внушеній Сера Джона, который непремѣнно хочетъ женить его на Джоржинѣ. Евелинъ нисколько не любитъ эту хорошенькую кокетку, но увѣренъ, что она имѣетъ къ нему искреннее чувство. Во время оно, когда онъ былъ еще жалкимъ бѣднякомъ, однажды онъ напрасно молилъ всѣхъ о пособіи для своей больной кормилицы. Въ тотъ же день довольно значительная сумма была прислана этой женщинѣ отъ неизвѣстной особы. Нѣкоторые признаки убѣдили Евелина, что Джоржина сама оказала это благодѣяніе. Серъ Джонъ съ своей стороны ничего не упускаетъ, чтобы утвердить его въ этой мысли. Не нужно большой проницательности, чтобы угадать кто неизвѣстная благодѣтельница. И точно, Клара, тронутая разсказомъ Евелина, пожертвовала всѣми деньгами, которыя копила съ давняго времени для облегченія несчастной женщины, въ которой онъ принималъ такое участіе.

Въ ту минуту, какъ Евелинъ уже готовъ соединиться съ Миссъ Везей, одинъ пріятель увѣдомляетъ его о легкомысліи невѣсты и корыстныхъ видахъ Сера Джона. Онъ задумывается, а свиданіе съ Кларою возбуждаетъ въ немъ новыя мысли. Онъ рѣшается прежде женитьбы испытать людей, съ которыми готовъ вступить въ неразрывныя связи. И безъ того уже многіе твердятъ о его проигрышахъ; нѣкоторые говорили, что онъ положилъ огромные капиталы въ одинъ торговый домъ, который утратилъ свой кредитъ. Евелинъ, сколько возможно, старается поддерживать это мнѣніе въ публикѣ. Въ клубѣ онъ рискуетъ самымъ отчаяннымъ образомъ противъ одного изъ извѣстнѣйшихъ игроковъ. Узнаютъ, что домъ Брискъ и К° обанкрутился. Евелинъ показываетъ, что намѣренъ бороться

съ несчастіемъ; онъ занимаетъ у всѣхъ, — у друзей и подрядчиковъ, даже у своего будущаго тестя. Новая перемѣна сцены. Серъ Джонъ изыскиваетъ всѣ возможные предлоги указать дверь нарѣченному зятю. Джоржина нисколько не скрываетъ своей склонности къ одному юному, томному вздыхателю.

Вскорѣ все и всѣ оставляютъ Евелина и онъ снова дѣлается предметомъ всеобщаго пренебреженія. Только одинъ другъ остается ему вѣрнымъ, это Клара, которая проникнула тайну мнимой приписки въ духовной, возвращаетъ Евелину его подарокъ. Къ несчастію, и въ этотъ разъ она дѣйствуетъ не называя себя, и Евелинъ опять приписываетъ Джоржинѣ ея тайное самоотверженіе. Проникнутый благодарностію, онъ извиняетъ всѣ ея проступки и хочетъ на ней жениться. Серъ Джонъ, который открылъ хитрость Евелина, ужъ конечно не сталъ бы тому противиться, но вѣтренницѣ удалось зайти слишкомъ далеко съ предметомъ своего предпочтенія. Сверхъ того новый случай открываетъ Евелину доброе сердце Клары. Онъ немедленно проситъ ея руки и бракъ ихъ совершается въ кругу многочисленныхъ друзей, которые теперь сдѣлались ревностнѣе, чѣмъ когда нибудь, что очень ясно. Всѣмъ стало извѣстно, что исторія раззоренія Евелина его собственная выдумка.

Нравственная цѣль піесы выражается въ V актѣ, въ разговорѣ главныхъ лицъ. Евелинъ говоритъ, что только любовь и искренность проливаютъ нѣсколько отрадныхъ лучей на мрачный путь жизни. Конечно, отвѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — но для полнаго счастія, должно прибавить...

Леди Франклинъ, (молодая, свѣтская дама) — Здоровье.

Гревесъ (неутѣшный вдовецъ) — Веселый нравъ.

Клара. Доброе сердце.

Смутъ, (записной игрокъ) — Невинную партію въ вистъ.

Джоржина. Взаимную любовь.

Блоунъ (ея любезный) Достаточное количество благоразумія.

Смутъ (радикальный депутатъ) Образованность, постепенно возрастающую.

Глоссморъ (депутатъ *тори*) Прочныя, основательныя правила.

Серъ Джонъ. Знаніе свѣта.

Евелинъ. И... *побольше денегъ.*

Послѣднему заключенію, которое совершенно въ новѣйшемъ духѣ, англійская публика каждый вечеръ съ восторгомъ рукоплещетъ.

Содержаніе комедіи, какъ можно видѣть, довольно ничтожно; но въ ней множество забавныхъ подробностей. Характеръ Сера Джона Везея превосходный современный портретъ. Фридерикъ Блоунъ съ своею томною кокетливостію, льстивымъ эгоизмомъ, своимъ сладкорѣчіемъ и милою привычкою картавить (*грасить*) особеннымъ образомъ — также очень забавенъ. У обоихъ есть любимая поговорка, которая, какъ нельзя лучше выражаетъ ихъ характеры. Человѣкъ, обманывающій свѣтъ ложною наружностію, безпрестанно говоритъ: «All humbug! (все ложь!)» А заботливый эгоизмъ *утонченнаго* юноши выражается слѣдующимъ размышленіемъ, которое онъ повторяетъ при всякомъ удобномъ случаѣ: What harm could it do me? (что мнѣ отъ этого сдѣлается?) Возлѣ нихъ замѣтно лицо добряка, недавно овдовѣвшаго. Онъ считаетъ приличнымъ выказывать самую мрачную горесть, что производитъ смѣшную противоположность съ его счастливымъ характеромъ, расположеннымъ ко всѣмъ веселымъ впечатлѣніямъ. Одна молодая дама замышляетъ изгнать изъ его памяти покойницу; мало по малу *безутѣшный* супругъ незамѣтно уступаетъ очарованію, и вотъ онъ въ ея роскошномъ будуарѣ, поетъ романсы и выдѣлываетъ любимыя *па* своего незабвеннаго «*ангела*», какъ онъ называетъ покойницу. Говоря вообще, это довольно посредственная комедія. Любой изъ многочисленныхъ сотрудниковъ или соперниковъ Скриба могъ бы поучить Бульвера расположенію, — искуству очень важному въ драмѣ; каждый изъ нихъ умѣлъ бы избѣжать длинноты, безполезныхъ подробностей, болтовни, которыя замедляютъ или, лучше сказать, замѣняютъ дѣй-

ствіе въ драмѣ Бульвера. Въ литературномъ отношеніи комедія его имѣетъ еще менѣе достоинства. Кой гдѣ встрѣчаются удачныя черты, но онѣ далеко не вознаграждаютъ за излишество болтовни въ сентиментальныхъ объясненіяхъ. Изъ всего этого видно, что успѣхъ новаго произведенія англійскаго романиста есть чисто относительный, какъ всякій успѣхъ въ наше время. Бульверъ великій человѣкъ только въ сравненіи съ Шериданомъ Нольсомъ.

=

ГЕРМАНІЯ.

«Эрихъ скряга» или «Безуміе и честь» оригинальная драма въ пяти актахъ, соч. Карла Гольтея, представлена въ первый разъ, 16 Января, на придворномъ Императорскомъ театрѣ въ Леопольдштадтѣ.

Въ домѣ банкира Прахты всѣ перессорились: отецъ въ разладѣ съ сыномъ и дочерью, а сынъ и дочь, какъ вся домашняя челядь, ненавидятъ каспара Эриха, страшнаго и отчаяннаго скрягу, который, впрочемъ, самъ по себѣ очень смышленый и дѣловой человѣкъ, и за то въ особенной милости у банкира. Лотаръ, сынъ Прахты, влюбляется въ Терезу Фробергъ, сиротку, дочь прежняго товарища Прахты банкира, который обманувъ банкира на 20,000 флориновъ, застрѣлился. Прахта не хочетъ и слышать объ этой любви, и рѣшается не прежде согласиться на бракъ своего сына съ Терезою Фробергъ, пока незагладится позоръ ея имени, т. е. пока не будетъ уплачена сумма. Въ такихъ же дурныхъ обстоятельствахъ находятся дѣла Матильды, дочери Прахты, и повѣреннаго въ дѣлахъ ея отца Адольфа, вѣтренника, и вдобавокъ, человѣка вовсе безхарактернаго. Семейныя несогласія до того усиливаются, что сынъ и дочь Прахты убѣгаютъ къ своей теткѣ и не хотятъ жить съ отцемъ. Послѣдній видитъ, что онъ слишкомъ жестокъ къ своимъ дѣтямъ и начинаетъ уступать; въ это время является Эрихъ и открывается, что онъ мнимый самоубійца. Эрихъ, заглаживаетъ прошедшее уплатою капитала съ процентами, потеря котораго сдѣлала его ненавистнымъ скрягою. Тереза и Лотаръ соединяются законнымъ бракомъ, Эриха снова банкиръ принимаетъ къ себѣ въ товарищи; только Матильда и Адольфъ недостигаютъ своихъ цѣлей, за то, что послѣдній запятналъ себя злодѣйскимъ умысломъ на жизнь Эриха.—Основная идея піесы самая счастливая; жаль только, что умный авторъ, вѣроятно увлекшись психологическимъ развитіемъ внутренней жизни сердца и чувствъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ далеко зашелъ въ исполненіи своей идеи и отъ того положенія и характеры лицъ кажутся слабыми. Нельзя не пожалѣть также, что несоблюдена надлежащая симметрія въ значеніи и разстановкѣ лицъ, отъ чего почти всѣ они дѣлаются главными и герой піесы, на которомъ должно сосредоточиваться все вниманіе, представляется на второмъ планѣ. Едва-ли нужно было изображать Эриха такими яркими красками, что онъ иногда возбуждаетъ отвращеніе, кажется автору слѣдовалобы избѣгать слишкомъ рѣзкихъ очертаній характера Эриха, которыя скорѣе дѣлаютъ его комическимъ, чѣмъ глубокимъ нравственнымъ лицомъ. Гольтей, напротивъ, употребилъ въ дѣло весь арсеналъ драматическихъ уловокъ, своего глубокаго знанія сцены, своего умѣнья владѣть языкомъ, и знанія свѣта, чтобы прикрыть общій недостатокъ во внутреннемъ организмѣ эффектами, поэтическимъ освѣщеніемъ частностей и прекрасными монологами. Впрочемъ въ піесѣ есть сцены и мысли, которыя могутъ поспорить съ лучшими твореніями. Драма принята была очень благосклонно, и любимаго писателя публика безъ счета осыпала похвалами: онъ былъ вызванъ, по крайней мѣрѣ, восемь разъ и при всякомъ вызовѣ выводилъ съ собою лучшихъ актрисъ и актеровъ: г-жу Фили, дѣвицу Кондорусси, гг. Геммерлера, Бергера, Майера и др., которые старательнымъ исполненіемъ своихъ ролей очень много помогли успѣху драмы.

=

ФРАНЦІЯ.

Театральная дѣятельность Франціи невѣроятна. Безпрестанно новыя драмы, новыя оперы, новые водевили. Водевили! Боже мой! сколько водевилей! Какъ успѣваютъ французскіе водевилисты приготовлять ихъ? Когда они ихъ пишутъ? Они родятся ежеминутно, какъ грибы подъ мелкимъ, частымъ дождичкомъ. Родится и, разумѣется, большею частію также скоро умираютъ. Такъ и должно быть, иначе не потребовалось бы новыхъ, а это повлекло бы за собою разворѣніе поставщиковъ водевилей, которые теперь безпрестанно богатѣютъ, именно потому что поставляемые ими произведенія требуютъ частой перемѣны. Въ нынѣшнемъ году, какъ и всегда, водевильная, драматическая и оперная дѣятельность Парижа не уменьшилась. Явилось множество произведеній по всѣмъ отраслямъ сценическаго искусства, произведеній хорошихъ и посредственныхъ, посредственныхъ и непосредственно относящихся къ дурнымъ. Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, разумѣется о тѣхъ, которыя заслуживаютъ, что бы объ нихъ сказать.

Первое мѣсто Скрибу. Въ послѣднее время онъ написалъ три піесы: *Стаканъ воды, комедію въ пяти актахъ*, *Гитаристъ, оперное либретто*, на которое музыку сочинилъ *Галеви*, и водевиль —*Цецилія или влюбленный левъ*.

Содержаніе *Стакана воды* чрезвычайно запутано и многосложно, но Скрибъ такъ удачно распуталъ все къ концу комедіи, что доставилъ *себѣ честь, а публикѣ удовольствіе*. Распространяться о *Стаканѣ воды* мы не будемъ: наша публика вѣрно уже познакомилась съ этой піесой на Михайловскомъ театрѣ въ бенефисъ г-жи Алланъ, и потому можетъ сама судить, по своему усмотрѣнію, о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

Мудрено ли написать скрибовскій водевиль? Кажется, очень просто. Взять какую нибудь дѣвушку, положимъ Цецилію, опредѣлить ее служанкой въ гостинницу (непремѣнно въ гостинницу!) Потомъ взять какого нибудь путешествующаго льва, положимъ Жоржа, въ модномъ одѣяніи изъ англійской байки, впустить его въ гостинницу и заставить волочиться за Цециліей, которую сдѣлать неприступною какъ Гибралтаръ, и непобѣдимою, какъ.... я хотѣлъ сказать —Наполеонъ, но оставимъ лучше безъ сравненія. Льву, разумѣется, наконецъ надоѣдаютъ напрасныя воздыханія, и онъ отправляется далѣе, въ замокъ къ тетушкѣ. Левъ застаетъ тетку при смерти и при одрѣ ея находитъ Цецилію, которая тутъ потому, что она крестница умирающей. Левъ дѣлается великодушенъ, и даетъ Цециліи билетъ на 10,000 годоваго дохода, чтобъ она могла выйти за мужъ за того, котораго любитъ, но она отказывается. Тутъ нѣсколько пояснительныхъ сценъ, и дѣло кончаетъ тѣмъ, что Жоржъ женится на Цециліи. Въ заключеніе подсыпать нѣсколько перловъ остроумія, набросать тамъ и сямъ острыхъ куплетовъ, придумать острое окончаніе въ стихахъ, которое у насъ называютъ *водевилемъ*, и дѣло съ концомъ; остается дать заглавіе піесѣ. Но за этимъ дѣло не станетъ, тутъ ненужно брать на прокатъ заглавія чужаго романа, оно изъ смысла піесы явствуетъ. Героиня — Цецилія, герой—Левъ; вотъ и назвать піесу: *Цецилія или влюбленный Левъ*. Кажется, просто. А между тѣмъ, примись кто другой, едва ли будетъ столько шума и смѣха въ театрѣ, какъ въ представленіе упомянутаго скрибовскаго водевиля.

Либретто *Гитариста* очень дико и частію нелѣпо. Тутъ вывороченъ на изнанку Рюи-Блазъ Виктора Гюго. Однако жъ въ немъ есть много комическаго и остраго, остраго и комическаго, а въ музыкѣ Галеви есть много блестящихъ красотъ и сильныхъ мѣстъ.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ прошлаго года давали въ Парижѣ оперу: *Перонская Роза, соч. Адольфа Адана*, для которой либретто сочинили гг. *Левенъ и Донери*. Опера принята была съ восторгомъ, и дѣйствительно въ ней много игривыхъ мотивовъ, много движенія и легкости, въ послѣдней ее даже можно упрекнуть: легкости ужъ слишкомъ много, такъ, что слушатель выходитъ изъ театра *на легкѣ*, то есть, невыноситъ оттуда ровно ничего ни въ головѣ, ни въ сердцѣ.

Содержаніе *Перонсной розы* отзывается чѣмъ-то страннымъ. Все вертится на великодушіи особеннаго рода, какого еще и въ скрибовскихъ піесахъ покуда не было. У парфюмера Бландье есть дочь Роза, въ которую влюбленъ, не говоря о множествѣ другихъ молодыхъ людей, Верпиньонъ. Роза не прочь и отъ него, хотя ей болѣе нравится маркизъ Шови. Бландье съ радостью отдалъ бы Розу за Верпиньона, но получаетъ отъ его отца письмо, въ которомъ тотъ за подобное покушеніе грозитъ засалить его въ Бастилію; въ слѣдствіе этого Бландье запрещаетъ Верпиньону посѣщать его лавку. Верпиньонъ въ отчаяніи, но на помощь ему воспѣшатъ великодушіе маркиза Шови, который убѣжденъ, что съ его буйнымъ правомъ болѣе трехъ дней ему непрожить; притомъ же онъ за проказы долженъ отправиться въ отрядъ противъ испанцевъ, гдѣ его навѣрное ожидаетъ смерть. Передъ смертью пріятно сдѣлать доброе дѣло, особенно если тутъ предвидишь и личную пользу, а потому маркизъ рѣшился жениться на Розѣ, на что и другъ далъ согласіе. Планъ былъ такой: «Женившись, я уѣду въ отрядъ и меня убьютъ, Роза остается вдовой богатой и знатной и тогда отецъ Верпиньона небудетъ противиться его счастію.» Сказано — сдѣлано! Шови женился на Розѣ... Какой, подумаешь, великодушный человѣкъ! Верпиньонъ въ восторгѣ: онъ уже видитъ, какъ его друга на сквозь проколола испанская сабля, а Роза осталась вдовой. Но вдругъ—запятая. Шови присылаютъ прощеніе; онъ бѣсится и посылаетъ просьбу, чтобъ его приняли начальникомъ *охотниковъ*, чѣмъ и падѣется окончательно упрочить счастіе своего друга, который снова ободрился, снова предвидитъ Розу вдовой. Но вдругъ — точка съ запятой. Шови на смерть влюбился въ свою жену и сталъ жалѣть, что просился въ охотники—умирать, т. е. выдержать характеръ великодушнаго до конца, ему ужъ не хочется. Что дѣлать, гдѣ же взять великодушія? А оно нужно... Авторы рѣшились вертѣть на немъ всю піесу. Что вы задумались? Да, посмотрите нѣтъ ли его подъ манишкой Верпиньона... Есть... Вотъ и ладно. Верпиньонъ отказывается отъ всего и идетъ вмѣсто Шови въ охотники. Какой великолушный человѣкъ! Что жъ далѣе у гг. авторовъ? точка... О, они превзошли великодушіемъ всѣхъ своихъ героевъ!

Въ заключеніе скажемъ читателямъ, что недавно въ Парижѣ давали новую мелодраму: *Похороны Императора Наполеона*, въ которой изложено все, что происходило по этому случаю отъ вскрытія гроба, до погребенія праха великаго человѣка въ церкви инвалидовъ... Какъ объяснить такое неуваженіе къ великому праху, такую святотатственную дерзость?... Право, Французы народъ удивительный!

УГОЛИНО.

(Объясненіе картинки).

Великій творецъ «della divina Comedia» *Данте* безспорно принадлежалъ къ первѣйшимъ поэтическимъ геніямъ Европы. Его «*Адъ*» сдѣлался источникомъ самыхъ пламенныхъ стиховъ, самыхъ огненныхъ драмъ и самыхъ мучительныхъ картинъ. У груди Данта, обильной вдохновеніями, питались струею истинной поэзіи многіе поэты, болѣе или менѣе знатные, болѣе или менѣе достойные своего великаго образца. Особливо исторія Уголино, столь яркими красками начертанная имъ въ «Адѣ», обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ колоссальнымъ вымысломъ и рѣзкими, драматическими чертами. Характеръ герцога Уголино, проныривато властолюбца, хитраго старика, неумолимаго въ козняхъ своего мщенія, который алчности и тщеславію приноситъ въ жертву своихъ родныхъ и братій, и принесъ бы въ жертву корыстнымъ видамъ — цѣлое поколѣніе, всю Италію, весь родъ человѣческій,—еслибъ могъ и имѣлъ въ томъ нужду, и который потомъ осужденъ изойти голодомъ, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, и гложетъ собственныя кости,— въ самомъ дѣлѣ, какой-то поэтическій образъ вмѣстѣ величественный и ужасающій. Еслибъ лицо это попалось подъ перо Шекспиру, онъ создалъ бы изъ него величайшую свою трагедію. Образъ этотъ достался въ руки людямъ, съ гораздо меньшимъ талантомъ, чѣмъ у Шекспира, но и тѣхъ почти всегда, даже въ слабыхъ очеркахъ, возбуждалъ участіе и производилъ сильное впечатлѣніе. Почти каждая страна имѣла своего «Уголино». Не говоря уже о нѣсколькихъ драмахъ этого названія, написанныхъ въ Италіи, блѣдныхъ и напыщенныхъ театральныхъ мантій, съ рапсодическими заплатами изъ «Ада» Данте, Германія произвела двѣ трагедіи подъ именемъ «Уголино», изъ которыхъ Лессингова лучшая, а въ Россіи—этотъ сюжетъ обработанъ г. Полевымъ. Нѣмецкіе поэты сдѣлали важный промахъ въ своихъ драмахъ: они выставили на сцену, для эффекта, *башню голода*, въ которой Уголино погибаетъ съ своими дѣтьми. Полевой тотъ-же промахъ перенесъ на русскую сцену. Я говорю *промахъ*, потому, что выставлять на сценѣ *физическія страданія* человѣка — противно всѣмъ законамъ драмы, которая должна развивать какую нибудь психическую идею и, осуществивъ ее въ своихъ герояхъ, заставлять ихъ бороться съ нравственными препятствіями. Физическая смерть въ этомъ случаѣ служитъ только развязкою борьбѣ. Судьба Велизарія, невинно осужденнаго, лишеннаго глазъ, великаго изгнанника въ нищенскомъ рубищѣ, всегда возбудитъ въ зрителѣ болѣе участія, чѣмъ смерть Кіріолана—также героя доблести и благородства, невольнаго измѣнника отчизнѣ. Отчего это? Оттого, что страданія политической смерти, въ существѣ еще живущемъ, гораздо сильнѣе поражаютъ воображеніе, чѣмъ всѣ страданія физической смерти,— которымъ развязкою служитъ послѣдній вздохъ—послѣдній величественный аккордъ души крѣпко организованной, хорошо настроенной.

Возьмемъ другой примѣръ, для поясненія этой мысли, изъ той-же драмы г.

Полеваго, (которую, мимоходомъ сказать, я почитаю лучшимъ произведеніемъ русскаго драматурга.) Сцена, гдѣ *Нино*, напѣвая веселую пѣсню, полный восторговъ любви и нѣжныхъ ожиданій, возвращается въ свою хижину и находитъ *Веронику*, единственную цѣль своего бытія, убитою — есть лучшая сцена во всей драмѣ. Его сосредоточенное горе, его нравственное страданіе — доходятъ до каждой души чувствующей и вызываютъ слезы, потому что они выражаются внятнымъ языкомъ человѣческой страсти. Выставьте любую пытку инквизиціи на сценѣ, съ раскаленными щипцами, съ колесами для вытягиванія жилъ, со всѣми адскими орудіями муки, на которыя недостало бы остроумія у самаго діявола, и которыя могъ изобрѣсть только одинъ человѣкъ,—и я увѣренъ, что эта сцена не произведетъ того эффекта, какой производитъ нѣмая, почти дѣтская, чистая грусть Нино. Театръ долженъ потрясать зрителя духовными силами; а *кровь* — вещь слишкомъ обыкновенная. Страдать *лучшею частію* нашего бытія —*душею*—и *жить*, вотъ что убійственно; но страдать болѣзнію тѣла—для того, чтобъ умереть: — это удѣлъ общій, законъ природы, его-же не прейдеши; мы къ нему приглядѣлись, и равнодушны. Страданія духовныя—насъ улучшаютъ и облагороживаютъ; страданія тѣла—напоминаютъ только тлѣнь вашего состава, и своимъ *memento mori*—ссорятъ, а не мирятъ съ жизнію.

Голодная смерть Уголино на сценѣ и предсмертныя корчи его дѣтей производятъ такое же содраганіе въ мускулахъ зрителя и посыпаютъ его тѣло холодной дробью трепета. Душа въ нихъ не принимаетъ участія;—эта картина въ дѣйствіи для нея только отвратительна, лазаретныя страданія должны быть выгнаны изъ драмы, высшемъ проявленіи поэзіи, какъ сарто-мортале изъ балетныхъ танцевъ, высшаго проявленія граціи и красоты тѣлесной. Чѣмъ лучше и отважнѣе акробатъ скачетъ на канатѣ, тѣмъ онъ непріятнѣе для зрителя, ожидающаго ежеминутно его паденія и тѣлесныхъ страданій; чѣмъ живѣе и естественнѣе на театрѣ передаютъ предсмертныя судороги человѣка, тѣмъ они отвратительнѣе.

Физическія страданія могутъ быть только достояніемъ искусствъ пластическихъ, живописи и ваянія. Только тамъ они могутъ имѣть цѣну. Цѣль кисти и рѣзца—выражать пластическія формы природы, потому что имъ не дано другаго средства говорить воображенію не дано *глагола* и *звука*. Кисть и рѣзецъ могутъ схватить одну торжественную минуту изъ страданій человѣка и передать ее въ картинѣ или статуѣ поразительнымъ высоко-художественнымъ образомъ. «Послѣдній день Помпеи» — К. Брюлова есть одна изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ изъ длинной исторіи страданій цѣлаго человѣчества. Она умилительно дѣйствуетъ на душу, потому что ужасъ, страхъ и горе въ ней высказаны одной чертою, однимъ мгновеніемъ—поразительно-торжественнымъ. Заставьте этихъ же людей бѣгать по сценѣ, корчиться, умирать, вопить, проклинать, жаловаться; прикиньте къ этому громъ закулиснаго барабана, глазетовую лаву, поплавковыя молніи и бумажныя развалины здавій—и та же величественная картина—будетъ смѣшна и не пріятна въ высшей степени. Но это не мѣшаетъ, чтобъ намъ нравился Лаоконъ, борющійся въ предсмертныхъ мукахъ со змѣями, умирающій Аяксъ и другія произведенія живописи и скульптуры.

Такъ и *Уголино въ башнѣ голода*, столь безобразный на сценѣ, сдѣлался предметомъ изящной красоты въ картинѣ знаменитаго *Рейнольдса*, бывшей въ прошломъ 1840 году на парижской выставкѣ и заслужившей академическую премію. Она снята и превосходно выгравирована извѣстнымъ французскимъ художникомъ Рифо (Riffaut), и мы надѣемся принесть нашимъ читателямъ удовольствіе, давая имъ хорошій снимокъ съ одной изъ лучшихъ картинъ современной живописи.

Посмотрите на эту безотвѣтную фигуру Уголино, на это блѣдное, истощенное лицо, на которомъ страданіе начертало всю свою лѣтопись и окаменило каждое выраженіе холоднымъ безчувствіемъ. Въ однихъ глазахъ замѣтна еще жизнь—но жизнь животная — въ нихъ

ясно видѣнъ переходъ къ безумію. Самое положеніе всей фигуры приняло какую то машинальную, пластическую форму. Вы, какъ будто видите, что на этомъ крѣпкомъ черепѣ, волоса посѣдѣли недавно, въ нѣсколько дней. Передъ нимъ оба сына, двѣ отрасли его могучаго дома, которыя онъ прочно хотѣлъ утвердить въ Италіи: одинъ умираетъ, другой лепетомъ младенца требуетъ хлѣба, жалуется на жажду—ищетъ спасенія въ утѣшительномъ взорѣ отца; но отецъ нѣмъ и недвижимъ—онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Какъ живы, какъ естественны всѣ эти образы! Какъ вѣрно схвачены съ природы! Взглянувъ на картину безъ надписи, вы сейчасъ угадываете ихъ приговоръ и минуту, въ которую художникъ схватилъ ихъ страданія.

Вникая пристально въ это произведеніе, нельзя не сознаться, что Рейнольдсъ едва ли не лучше всѣхъ драматурговъ воспользовался поэтическимъ созданіемъ Данта.

Ѳ. К.

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1. Январь. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ПАНТЕОНѢ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

I. Деньги, комедія-водевиль, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*.

II. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, или продолженіе Студента, артиста, художника и аффериста. Шуточная оригинальная оперетка. *П. Григорьева*.

III. Лѣтопись Русскаго Театра:

1. Обозрѣніе піесъ, представленныхъ на русской сценѣ, въ январѣ мѣсяцѣ, *Н. Н.*

IV. Провинціальные Театры:

1. Театръ въ Саратовѣ. *М. П. Бибикова*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Февраля 26 дня, 1841 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

ДЕНЬГИ,

ИЛИ

СТОЛИЧНОЕ ЖИТЬЕ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПЕРЕЛѢЛАНА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

(*Изъ піесы Скриба и Баяра: Le budget d'un jeune ménage.*)

П. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Львовичъ Критскій.
Надежда Петровна, его жена.
Ѳедоръ Петровичъ Вятлугинъ, братъ ея.
Андрей Андреевичъ Васильковъ, хозяинъ дома, въ которомъ живутъ Критскіе.
Семенъ, слуга Критскаго.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Критскаго.

Театръ представляетъ комнату, богато меблированную. Три двери: одна въ глубинѣ театра и двѣ по бокамъ. Впереди, на право столъ, на лѣво столъ письменный.

ЯВЛЕНІЕ I.

Критскій и Надежда.

Онъ въ халатѣ, она въ утреннемъ капотѣ; оба сидятъ на диванѣ, съ правой стороны, близъ стола.

Надежда. Я не могу еще отдохнуть отъ вчерашняго бала.

Критскій. Эти балы ужасно утомительны.

Надежда. За то сколько они доставляютъ намъ и удовольствій!... Ахъ, Базиль, отошли, пожалуйста, нашу карету въ починку... ужасно дуетъ въ дверцы.

Критскій. Боже мой! не простудилась ли ты, мой дружокъ?

Надежда. О, нѣтъ. А ты?

Критскій. Мы, мужчины, не боимся простуды, мы не такъ и одѣты: на шеѣ галстухъ, все платье изъ сукна; на груди теплый жилетъ,—все это охраняетъ наше здоровье... А вы, бѣдняжки... здоровье ваше слабо, вы такъ нѣжны, такъ чувствительны, и при всемъ этомъ глупая мода изобрѣла для васъ самую легкую, самую опасную одежду! Вамъ должно бояться и лѣтняго вѣтерка, особливо послѣ бала!... Когда я былъ холостымъ, тогда меня восхищали ваши прозрачные наряды. Я плѣнялся и ручками вашими, и плечиками; но теперь, когда все это мнѣ принадлежитъ, я боюсь и ревматисма, и воспаленія. Ты же, мой дружокъ, такая охотница до танцевъ!...

Надежда. О, я безъ ума люблю танцы! Ты и самъ прежде ихъ любилъ.

Для тебя, мой другъ, бывало
Танцы были—просто кладъ!

КРИТСКІЙ.

Ужъ теперь мнѣ не пристало...

НАДЕЖДА.

Отъ чего же?

КРИТСКІЙ.

Я — женатъ!
Мнѣ теперь законы свѣта
Вистъ, бостонъ любить велятъ...

НАДЕЖДА.

Отъ чего же, другъ мой, это?

КРИТСКІЙ.

Отъ того, что я женатъ!
Я ужъ жизнь вести обязанъ
На степенный, важный ладъ.

НАДЕЖДА.

Отъ чего же такъ ты связанъ?

КРИТСКІЙ.

Отъ того, что я женатъ!...
Я подъ часъ, и выпче тоже
Подурачиться бы радъ,
Да не ловко...

НАДЕЖДА.

Отъ чего же?

КРИТСКІЙ.

Отъ того, что я женатъ!

Надежда. Боже мой, какъ несносны всѣ эти свѣтскія приличія!... А ты вчера игралъ?...

Критскій. Да, игралъ, потому только, чтобъ не сидѣть сложа руки. Но однако жъ, и я имѣлъ свои удовольствія... любовался тобою... Боже мой, какъ ты была хороша вчера! Я стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ, какъ ты танцовала... Но когда ты пропѣла Casta diva, тогда рѣшительно привела всѣхъ въ восторгъ. Всѣ рѣшили единогласно, что у насъ и на сценѣ нѣтъ такой пѣвицы! — И я совершенно согласенъ съ ними.

Надежда. Ахъ ты, льстецъ! Вы всѣ, мужчины, на одинъ покрой.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Семенъ.

Критскій. Что тебѣ надобно?

Семенъ. Я принесъ газеты.

Критскій. Положи на столъ.

Семенъ. Вотъ еще записка-съ.

Критскій. Отъ кого?

Семенъ. Виноватъ-съ! Вчера вы изволили такъ поздно воротиться съ бала... у меня совсѣмъ изъ головы вышло... забылъ отдать. Вчера, часу въ одиннадцатомъ, заѣзжалъ сюда Ѳедоръ Петровичъ.

Надежда. Братецъ! дай сюда. (*Беретъ записку*). Да, это отъ него.

Критскій. Братъ здѣсь! Когда жъ онъ пріѣхалъ?

Семенъ. Да только что вчера.

Надежда. Ну что, здоровъ ли онъ?

Семенъ. Благодареніе Богу! Кажется, здоровъ, и ни сколько не похудѣлъ-съ. Все изволили разспрашивать объ васъ, сударь, и о барынѣ... ужасти, какъ изволили интересоваться.

Критскій. Что же разспрашивалъ?

Семенъ. Примѣрно-съ... какъ вы изволите поживать... изволите ли веселиться... часто ли у насъ бываютъ гости...

Критскій. Хорошо, поди. (*Семенъ уходитъ.*) Странные вопросы!

Надежда. Ничего нѣтъ мудренаго, мой другъ... Онъ такъ много насъ любитъ!...

Критскій. О, я въ этомъ увѣренъ... Онъ истинный нашъ другъ, ему единственно обязаны мы нашимъ счастіемъ... Онъ устроилъ нашъ бракъ.

Надежда. Онъ далъ мнѣ приданое! Чудо! не всякой братъ это сдѣлаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Критскій, Надежда, Васильковъ.

Васильковъ, (*въ дверяхъ.*) Ничего, ничего, они вѣрно не разсердятся.

Надежда (*мужу.*) Нашъ хозяинъ!...

Критскій. А! Андрей Андреичъ!

Васильковъ. Съ добрымъ утромъ!.. Извините за мой ранній визитъ... Я зашелъ узнать о вашемъ здоровьѣ, послѣ вчерашняго вечера.

Критскій. Какъ видите...

Надежда. Я немножко устала...

Васильковъ. Я долженъ еще вамъ попѣнять... Не грѣшно ли вамъ было уѣхать безъ меня?

Критскій. Да вы играли въ карты.

Васильковъ. Нужды нѣтъ... я могъ бы бросить игру, а вы сдѣлали то, что я проигрался, спустилъ все, что было въ карманѣ... И это вѣдь почти всякой день со мною случается... Рѣшительно мнѣ ни въ чемъ нѣтъ счастія!

Критскій. Стыдитесь!... Вы всѣдѣ приняты... Вы молоды, богаты.

Васильковъ, (*меланхолически.*) Богатство не составляетъ счастія!

Надежда. О, я согласна съ вами.

Васильковъ. Особенно, когда нѣтъ души, которая бы тебя понимала... которая раздѣляла бы и радости твои, и горе... услаждала бы жизнь.

Критскій. Но, мнѣ кажется, что ваша супруга...

Васильковъ. Да... она составляетъ нѣчто въ моемъ существованіи... Она педурна, высока ростомъ, и даже черезъ чуръ полна!.. Богъ съ ней, я ее ни въ чемъ не виню... Я одинъ виноватъ.

Надежда. Зачѣмъ же вы женились?

Васильковъ. Мнѣ казалось, что я когда-то ее любилъ... Въ прошломъ году она овдовѣла, и почтенный супругъ оставилъ ей пятьдесятъ тысячъ дохода... я вовсе не думалъ на ней жениться, но она такъ меня любила, такъ настаивала, что, кажется, умерла бы съ печали, если бъ я не согласился исполнить ея желанія.

Критскій. И вы на ней женились?

Васильковъ. Да, изъ состраданія, изъ деликатности... Конечно, я теперь богатъ; домъ, въ которомъ вы живете, принадлежитъ мнѣ, но только въ деньгахъ и заключаются мои удовольствія. За то я ихъ и не жалѣю; у меня прекрасный экипажъ, отличныя лошади; я всякій день или въ театрѣ, или на вечерѣ... Я вижу всякій день моихъ друзей и знакомыхъ, и очень рѣдко свою жену... всѣ эти удовольствія, однакоже, не составляютъ моего счастія, и вы вполнѣ можете меня пожалѣть.

Надежда. Бѣдняжка! Посѣщайте чаще насъ... мы васъ будемъ утѣшать.

Васильковъ. Если вамъ не будетъ въ тягость.

Критскій. О, помилуйте... Да вотъ, приходите къ намъ сегодня обѣдать.

Васильковъ. Съ большимъ удовольствіемъ...

Надежда, (*увидѣвъ горничную, которая входитъ съ правой стороны.*) А, сейчасъ!... Извините, Андрей Андреичъ, мнѣ надо кончить мой туалетъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Критскій, Васильковъ.

Васильковъ. Василій Львовичъ! Здѣсь, въ моемъ домѣ, очистилась квартира рядомъ съ вашей... двѣ премиленькія комнаты... окнами на проспектъ... Надежда Петровна говорила мнѣ, какъ-то, что у нея нѣтъ кабинета.

Критскій. Да, точно нѣтъ... она такъ стѣснена...

Васильковъ. Вамъ, навѣрное, будетъ пріятно сдѣлать ей удовольствіе... а я охотно бы уступилъ вамъ одну изъ этихъ комнатъ.

Критскій. О, конечно.

Васильковъ. И за пустяки: за тысячу рублей въ годъ.

Критскій. Да, конечно, это пустяки... теперь мы намъ платимъ три тысячи...

Васильковъ. А съ новой комнатой будете платить четыре тысячи... ровный счетъ. Нынче порядочный человѣкъ дешевле не наймета квартиры. Съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, невозможно жить скромнѣе.

Критскій. Ваша правда... Теперь же у меня есть на виду прекрасное мѣсто.

Васильковъ. Ну, видите, и безподобно.

Критскій. Я навѣрное надѣюсь его получить... оно зависитъ отъ истиннаго моего друга, школьнаго товарища, и, если вамъ Наденька говорила о кабинетѣ...

Васильковъ. Да, нѣсколько разъ.

Критскій. Бѣдняжка! А мнѣ ни слова... Она такъ бережлива, но я исполню ея желаніе. Объ одномъ только прошу васъ, Андрей Андреичъ: сего дня, быть можетъ, вы будете обѣдать съ братомъ моей жены... Онъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ... Пожалуйста, не говорите при немъ о нашемъ условіи.

Васильковъ. Помилуйте, что мнѣ за нужда, что я за болтунъ.

Критскій. Я очень люблю моего шурина, онъ истинный нашъ другъ. Но видите, въ нынѣшнемъ году я немножко поистратился, а эти провинціялы чудаки... Онъ подумаетъ, пожалуй, что я ужъ совсѣмъ раззорился... Между тѣмъ, стоитъ только получить мнѣ мѣсто...

Васильковъ. А до того вы можете обращаться къ друзьямъ... Въ случаѣ надобности, прошу васъ, безъ церемоніи располагать моими деньгами, какъ собственными своими... Вы меня жестоко обидите, если отнесетесь къ другому.

Критскій. Много вамъ благодаренъ... Я не знаю чѣмъ вамъ заслужить...

Васильковъ. О, пожалуйста, безъ благодарностей... Я вознагражу себя... Мнѣ очень пріятно быть вамъ въ чемъ нибудь полезнымъ. Но, однако жъ, прощайте... до обѣда! Вечеромъ вы будете въ театрѣ?

Критскій. Нѣтъ, я останусь дома съ Наденькой. Она немножко устала послѣ вчерашняго бала, и вѣрно пораньше ляжетъ спать.

Васильковъ. Такъ я останусь у васъ на весь вечеръ... А теперь вы ни куда не поѣдете?

Критскій. Нѣтъ... мнѣ нужно поговорить съ Наденькой.

Васильковъ (*въ сторону*). Вѣчно съ женой; нѣтъ средства остаться съ ней наединѣ... Лучше я напишу къ ней и при первомъ случаѣ отдамъ... (*вслухъ*) Прощайте, Василій Львовичъ!

Критскій. До свиданія.. Мы васъ ждемъ.

(*Васильковъ уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Критскій, (*одинъ.*)

Вотъ удивительный человѣкъ! И милліоны не приносятъ ему удовольствія.

Что же въ свѣтѣ деньги значатъ,
Кажется, вопросъ простой...
Съ ними люди часто плачутъ,
А безъ нихъ хоть волкомъ вой.
Это яблоко раздора,
Соръ земной... да та бѣда,
Что изъ этого-то сора
Всѣ и ссорятся всегда.
Лучше вѣкъ терпѣть заботу
И подъ часъ поголодать,
Чѣмъ жениться по расчету
И жену изъ денегъ взять.
Съ ними всякъ дѣла устроитъ;
Вѣсу въ обществѣ придастъ;
Но тотъ мужъ гроша не стоитъ,
Кто за нихъ себя продастъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Критскій, Надежда, потомъ Семенъ.

Критскій. А, Наденька! ну, что жъ, будемъ ли мы завтракать?

Надежда. Сію минуту подадутъ. Вотъ какое-то письмо къ тебѣ... привезъ курьеръ.

Критскій, (*взявъ письмо и разматривая печать.*) Отъ моего друга!.. слава Богу! Это вѣрно о мѣстѣ.

Надежда. О мѣстѣ?

Критскій. Да, мой дружокъ, и очень кстати. Я тебѣ не говорилъ, но оно необходимо для нашихъ расходовъ.

Надежда. Неужели?

Критскій, (*распечатавъ*). Да, особенно при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ... (*Читаетъ вслухъ.*) «Любезнѣйшій другъ, Василій Львовичъ!..» Вотъ достойнѣйшій человѣкъ! Сердца его не измѣнили ни слава, ни почести... онъ директоръ, а я... между тѣмъ онъ все еще считаетъ меня своимъ другомъ!.. «Вѣрно ни кто болѣе меня не цѣнитъ твоихъ правилъ и достоинствъ...» Какъ онъ меня знаетъ!.. «Онѣ необходимы для мѣста, котораго ты ищешь... Много было у тебя соперниковъ...» О, жадные люди!.. «И между ними старый нашъ товарищъ Латковскій, человѣкъ съ большими знаніями, обремененный семействомъ, и рѣшительно не имѣющій никакого состоянія; ты же обезпеченъ, милый другъ, и вѣрно такъ не нуждаешься въ помощи, какъ онъ. Извини, послѣ этого, что я предпочелъ его просьбу, и не могу исполнить твоей...» Какая несправедливость!

Надежда. Какъ ему не стыдно!

Критскій. Предпочесть мнѣ Лотковскаго! О, какъ жестоко я обиженъ!.. Вотъ каковы нынче люди! вѣрь послѣ этого ихъ дружбѣ.

Надежда, (*ласкаясь къ нему.*) Ну перестань, успокойся... Не уже ли такъ дорого тебѣ это мѣсто?

О, полно, другъ мой, огорчать
Себя потерею пустою.
И для чего намъ мѣстъ искать,
Мы счастливы и такъ съ тобою.
(Взявъ руку Критскаго, и положивъ къ своему сердцу.)
Вотъ здѣсь, мой другъ, въ душѣ моей,
Ты мѣсто прочное имѣешь,
Надъ нимъ ничтожна власть людей,
Ты нераздѣльно имъ владѣешь.

Критскій. Правда ли это, мой другъ?

Надежда. Можешь ли ты сомнѣваться!.. И чего еще намъ желать?.. Самъ же твой другъ сказалъ, что мы имѣемъ хорошее состояніе. Съ насъ, право, довольно двадцати тысячь въ годъ!

Критскій. Двадцати тысячь... Да, мой дружокъ, они были у насъ въ прошломъ году, когда ты вышла за меня замужъ, а теперь...

Надежда. Какъ, неужели мы такъ много прожили?

Критскій. Не знаю, мой ангелъ, я не считалъ.

Надежда. И я то же... Я только думала о любви, о тебѣ...

Критскій. Я и самъ о другомъ не думалъ; знаю только, что въ 1839 году мы истратили очень скоро весь годовой доходъ, и принуждены были тронуть тѣ деньги, на которыя должны бы были жить въ 1840 году.

Надежда. Боже мой!.. Въ одинъ годъ истратить такую пропасть денегъ!...

Критскій. Что дѣлать! Я надѣялся на это мѣсто; думалъ поправиться, а въ ожиданіи, мнѣ такъ было пріятно исполнять твои желанія. Лошади, карета, дача... театры... большая квартира, которая, однакожъ, для насъ мала... Вотъ еще сего дня я долженъ былъ прибавить комнату.

Надежда. Для чего же это?

(Входитъ Семенъ съ завтракомъ, и ставитъ его на столъ.)

Критскій. У тебя нѣтъ кабинета, ты давно его желала... Не уже ли я могъ тебѣ отказать... Кто любитъ свою жену, какъ я, тотъ не долженъ ни въ чемъ ей отказывать.

Надежда. Зачѣмъ же ты мнѣ прежде не сказалъ?.. Я обошлась бы и безъ кабинета... ты, какъ будто считаешь меня безразсудною женщиною... Ты мало вѣришь моей любви!..

Критскій. О, перестань, мой другъ... Я знаю, какъ ты добра.

Надежда. Я съ своей стороны на все готова... Мы можемъ еще поправить наши дѣла... стоитъ только опредѣлить новый планъ жизни, уменьшить расходы... При порядкѣ и бережливости мы все поправимъ.

Критскій. Твоя правда. Примемся же за экономію.

Надежда. Безподобно! Давай убавлять наши расходы.

Критскій. Давай убавлять... Это превесело вмѣстѣ.

Надежда. Насъ это займетъ... будемъ завтракать и разсуждать.

(*Садятся къ столу.*)

Критскій. Прекрасно! Мы же никогда не занимались серьозными дѣлами... Ну, подумаемъ, чтобы намъ уничтожить...

Надежда. Во-первыхъ, всѣ безполезные расходы.

Критскій. Безподобно! все лишнее прочь!.. Напримѣръ, портныхъ, модистокъ.

Надежда. О, нѣтъ, нѣтъ! не надо трогать предметовъ, необходимѣйшихъ въ жизни.

Критскій. Правда твоя... но я не вижу послѣ этого, съ чего начать?

Надежда. Какъ съ чего, мой другъ?.. а похозяйству? убавимъ издержки на столъ, уничтожимъ большіе обѣды.

Критскій. Да, большіе обѣды, конечно. Ахъ, я забылъ тебѣ сказать... У насъ сегодня будутъ обѣдать человѣкъ десять гостей... твой братъ, нашъ хозяинъ... Надобно приготовить попорядочнѣе.

Надежда. Не безпокойся, все будетъ хорошо.

Критскій. Признаюсь, обѣды — вещь

необходимая... Если насъ зовутъ, такъ и мы должны платить тѣмъ же... такъ ведется въ свѣтѣ.

Надежда. Да, обѣды не могутъ быть исключены.

Критскій. А!.. Постой, отпустимъ лакея, съ насъ довольно и одного.

Надежда. Невозможно, мой другъ... Тебѣ нельзя же остаться безъ камердинера, а неужели ему и ѣздить за каретой, и служить за столомъ; нѣтъ двое людей необходимы... Вотъ развѣ мнѣ отпустить горничную?

Критскій. Нѣтъ, тебѣ не ловко остаться съ одною... Одна не успѣетъ ничего сдѣлать для тебя.

Надежда. Такъ продадимъ карету, мы обойдемся и безъ нея.

КРИТСКІЙ.

А вдругъ въ театръ мы соберемся,
Или на балъ насъ позовутъ,
Какъ безъ нея мы обойдемся?

НАДЕЖДА.

Да, да, нужна керета тутъ.

КРИТСКІЙ.

Отъ холода, дождя и пыли
Защита вѣрная она...

НАДЕЖДА.

Мы въ ней всегда спокойны были...

КРИТСКІЙ.

Ты такъ слаба, ты такъ нѣжна...

ОБА.

Нѣтъ, нѣтъ, карета намъ нужна!

Критскій. Но ужъ если что продать, такъ развѣ дачу?

Надежда. Ахъ, Базиль! какъ можно лишить себя этого удовольствія!

Такія дачи нынче рѣдки...

КРИТСКІЙ.

Тамъ рай, тамъ истинный покой!

НАДЕЖДА.

А садъ, цвѣтникъ мой?

КРИТСКІЙ.

А бесѣдки!
Гдѣ мы въ любви клялись съ тобой?

НАДЕЖДА.

Безъ дачи счастье мы забудемъ.
И гдѣ жъ ты будешь дичь стрѣлять?

КРИТСКІЙ.

И гдѣ жъ ловить мы рыбу будемъ?

НАДЕЖДА.

И гдѣ же будемъ мы гулять?

ОБА.

Нѣтъ, дачи намъ нельзя продать!

Критскій. И такъ, дачу мы оставимъ.

Надежда. И карету.

Критскій. И горничную.

Надежда. И человѣка.

Критскій. По прежнему будемъ давать обѣды.

Надежда. По прежнему буду я наряжаться.

Семенъ, (*входя*). Къ вамъ, сударыня, пришла мадамъ изъ магазина.

Надежда, (*съ замѣшательствомъ.*) А, хорошо!.. Скажи, что мнѣ теперь некогда... Пускай придетъ въ другое время, я ей послѣ заплачу.

(*Семенъ убираетъ завтракъ и уходитъ.*)

Критскій. Отъ чего жъ незаплатить теперь?

Надежда (*съ замѣшательствомъ.*) Теперь!.. Вотъ видишь, такая сумма.

Критскій. Сколько же ты ей должна?

Надежда. Да, кажется, тычячи двѣ.

Критскій. Двѣ тысячи!..

Надежда. Я не сказала тебѣ... я дала ей вексель... Сегодня срокъ платежа.

Критскій. Вексель!

Надежда. Она увѣрила меня, что нынче всѣ молодыя дамы даютъ модисткамъ векселя, и что за нихъ должны платить мужья... Если я виновата, прости меня, этого впередъ не случится.

Критскій. О, я увѣренъ!

Надежда. Ты на меня сердишься?

Критскій. Нѣтъ, ни сколько... Кто нынче не долженъ!.. Если признаться, я и самъ...

Надежда. И ты! А много ли?

Критскій. Ахъ! Тысячь двѣнадцать!..

Надежда. Боже мой! У тебя есть долги!..

Критскій. Но если ты...

Надежда. Какая разница! мои долги и твои! двѣнадцать тысячь!

Критскій. Что дѣлать, мой другъ! Не для себя же ихъ прожилъ. Надобно платить, а чѣмъ, Богъ знаетъ!..

Надежда. Боже мой! Прожить въ одинъ годъ столько денегъ, и задолжать еще двѣнадцать тысячь рублей.

Критскій, (*смотря на нее*). Четырнадцать!

Надежда. И кому же, какимъ нибудь мастеровымъ, купцамъ...

Критскій. Которые не сегодня, завтра потребуютъ.

Надежда. А если еще сегодня опять придетъ модистка, что тогда дѣлать?

Критскій. Есть одно средство... послѣднее, которое однако же очень для меня непріятно.

Надежда. Какое?

Критскій. Обратиться къ нашимъ роднымъ.

Надежда. Что жъ дѣлать, если нѣтъ другаго средства.

Критскій. Тетка моя, Клушина, очень богата; у нея нѣтъ дѣтей, и, кажется, на нее можно надѣяться. Сегодня утромъ она хотѣла заѣхать къ намъ, поговорить со мною о своемъ дѣлѣ... Не попросить ли у нея денегъ?

Надежда. Нѣтъ, мой другъ, не совѣтую. Она такъ горда, такъ недовольна твоей женитьбы...

Критскій. Конечно.

Надежда. Лучше обратиться къ брату... Онъ человѣкъ добрый, и такъ кстати пріѣхалъ.

Критскій. Но вотъ что бѣда, онъ такой экономъ... Терпѣть не можетъ роскоши... Намъ трудно будетъ ему признаться. Притомъ онъ просилъ меня откровенно сообщить ему о нашихъ дѣлахъ, а я всегда предъ нимъ лгалъ... писалъ, что мы ни въ чемъ непуждаемся, что мы не проживаемъ своихъ доходовъ, что мы даже накопили кое-что...

Надежда. Боже мой! Зачѣмъ же ты это дѣлалъ?

Критскій. Я думалъ поправиться, надѣялся на будущее... и точно, впередъ я буду аккуратнѣе.

(*Входитъ Семенъ*).

Надежда. О, конечно, и я то же.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Семенъ.

Семенъ. Ѳедоръ Петровичъ изволилъ пріѣхать..

Надежда. Братецъ! Проси скорѣй сюда.

Семенъ. Еще, сударыня, генеральша Клушина изволила пройти въ гостиную.

(*Уходитъ*).

Критскій, (*идя на право*). Тетушка!..

(*останавливается*).

Надежда. Ступай, мой другъ, прими.

Критскій. Послушай, мнѣ кажется, лучше поговорить о нашихъ дѣлахъ съ твоимъ братомъ... мнѣ что-то не хочется просить тетушку.

Надежда. Ну, хочешь? я поговорю съ ней; такъ и быть!..

Критскій. Ахъ, пожалуйста, мой другъ... Я не смѣлъ тебя просить... Ступай же къ ней; ну, съ Богомъ.

Надежда. Поцѣлуй меня... это мнѣ дастъ силу.

(*Цѣлуетъ Критскаго*).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Критскій, Надежда, Вятлугинъ.

Вятлугинъ, (*входя изъ средней двери*). Браво! Вотъ нѣжные супруги!..

Критскій и Надежда (*подбѣгая къ нему*). Братецъ!

Вятлугинъ. Здравствуйте, друзья мои!.. Вы меня радуете... Годъ прожили, а, кажется, нисколько не охладѣли другъ къ другу... голубки по прежнему.

Надежда. Ахъ, братецъ, какъ ты насъ обрадовалъ!.. какъ кстати пріѣхалъ!.. Вѣдь ты у насъ обѣдаешь?

Вятлугинъ. Разумѣется.

Критскій. Но однако жъ, извини ее, братецъ... къ намъ пріѣхала гостья, моя тетка.

Вятлугинъ. Да, я видѣлъ ее сейчасъ... Поди, поди, Наденька, мы съ тобою поговоримъ послѣ.

Надежда. До свиданія! (*Подходя къ Критскому, тихо*). Иду со страхомъ, мой другъ; буду просить твою тетушку, а между тѣмъ поговори и ты съ братомъ.

(*Уходитъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Критскій, Вятлугинъ.

Вятлугинъ, (смотря въ слѣдъ Надеждѣ). Ты, кажется, доволенъ своей женой, и не пожалуешься на меня за этотъ подарокъ?

Критскій. Я тебя всякій день благодарю.

Вятлугинъ. Слава Богу! Признаюсь, сначала твоей женитьбы, я немножко боялся за обоихъ васъ; вы такъ молоды, такъ неопытны... Мнѣ казалось, что вы отчасти склонны къ мотовству; я думалъ, что вамъ будетъ мало двадцати тысячь дохода, особенно въ столицѣ.

Критскій, (принужденно). Неужели ты могъ думать?

Вятлугинъ. Да, виноватъ! но я скоро увидѣлъ, какъ ошибся въ своемъ мнѣніи. Изъ твоихъ писемъ я узналъ, что у васъ во всемъ порядокъ... вы бережливы, занимаетесь хозяйствомъ...

Критскій. Да... даже въ сію минуту мы занимались съ Наденькой счетами, исчисляли годовыя издержки...

Вятлугинъ. Доброе дѣло!.. Изъ послѣдняго твоего письма я знаю, что у тебя накоплена порядочная сумма...

Критскій (въ сторону). Боже мой!.. Вотъ не кстатѣ... Какъ мнѣ теперь приступить?

Вятлугинъ. Тебѣ надобно ее отдать въ вѣрныя руки, если хочешь хорошей прибыли... я тебѣ нашелъ такого человѣка... не знаю только согласишься ли ты?...

Критскій. Кого жъ ты нашелъ, мой другъ? скажи.

Вятлугинъ. Мнѣ нечего предъ тобою скрываться. Вотъ, видишь, въ чемъ дѣло... ты знаешь, что я выстроилъ винокуренный заводъ... Въ убыткѣ я отъ него не буду, напротивъ, надѣюсь большой прибыли; между тѣмъ, я принужденъ былъ занять двадцать пять тысячь на честное слово... Сего дня срокъ платежа, и вотъ для чего я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Критскій (въ сторону). Боже мой! Я догадываюсь...

Вятлугинъ. У меня есть съ собою половина; по отправленіи сюда, я твердо надѣялся, что ты одолжишь мнѣ остальныя десять тысячь... Чѣмъ отдавать тебѣ свои деньги въ незнакомыя руки, ты, вѣрно, скорѣе одолжишь ими брата; я платильщикъ вѣрный и дамъ тебѣ значительные проценты.

Критскій. (съ замѣшательствомъ). О, мой другъ, повѣрь, я такъ тебя люблю.. готовъ для тебя на все..

Вятлугинъ. Я въ этомъ и не сомнѣвался. Итакъ ты рѣшаешься? У тебя вѣрно найдется десять тысячь?

Критскій Да... кажется.

Вятлугинъ. Но, что съ тобой?

Критскій. Ничего... я не знаю... я хотѣлъ тебѣ сказать...

Вятлугинъ. Да ужъ тебѣ не жалко ли своихъ денегъ?

Критскій. О, нѣтъ, но...

Вятлугинъ. Такъ что жъ ты еще мнешься, точно какъ какой скряга...

Критскій. Какія мысли!

Вятлугинъ. Ну, или какъ бездушный богачь!

Ты на него теперь похожъ,
Такой богачь всегда вздыхаетъ,
Когда даетъ другому грошъ,
А самъ по тысячамъ мотаетъ!..
Такихъ людей видали мы,
Въ-бюро у нихъ билетовъ ноша,
А по проси-ка кто въ займы —
Отецъ ли, братъ ли, пѣтъ ни гроша!..

Критскій. О, перестань, какъ тебѣ не стыдно! *(въ сторону)* Онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать... *(вслухъ).* Я съ удовольствіемъ готовъ тебѣ помочь. Сего дня же утромъ получишь ты деньги... только съѣзжу въ Ломбардъ... *(въ сторону)* тетушка вѣрно намъ поможетъ... *(вслухъ)* будь покоенъ.

Вятлугинъ. Ну, слава Богу, наконецъ ты пришелъ въ себя! Однако жъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ не баклуши бить... У меня еще много дѣла; прощай, до свиданія! Потрудись, пожалуйста, прислать деньги къ Реброву, моему повѣренному, мнѣ, можетъ быть, не удастся заѣхать къ вамъ до обѣда, прощай!..

Критскій. Прощай, я непремѣнно пришлю.

(*Вятлушинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Критскій, потомъ Надежда.

Критскій. Вотъ тебѣ и разъ! Онъ пріѣхалъ ко мнѣ за деньгами, въ то время, какъ я самъ хотѣлъ ихъ у него просить!.. (*Надежду, которая входитъ съ лѣвой стороны*). Ну что, мой другъ, рѣшили-ли вы?

Надежда, (*съ волненіемъ*). Да, все кончили!...

Критскій. Отъ чего же ты такъ разстроена?

Надежда. Ахъ, если-бъ ты зналъ, что я вытерпѣла. Боже мой! что это за гордая женщина! сегодня, особенно, была она что-то не въ духѣ.

Критскій. Вѣрно отъ зависти!.. ты такъ сего дня хороша!...

Надежда. О, я желала бы быть красавицей, сколько для тебя, мой другъ, столько и для того, чтобъ свести съ ума твою тетушку.

Критскій. Признаюсь, она черезъ чуръ занята собою!...

Надежда. Ахъ, если бъ ты слышалъ нашъ разговоръ, я увѣрена, ты вышелъ бы изъ себя!... Я сказала ей о вашемъ затруднительномъ положеніи, преласково попросила денегъ... А она... Боже мой!... И женился-то ты на мнѣ безъ ея позволенія, и разсорила-то я тебя, и несчастливъ-то ты чрезъ меня!.. Но что мнѣ всего больнѣе: будто я не люблю тебя!..

Критскій. Какой злой языкъ!

Надежда. При этомъ, признаюсь, я не могла выдержать: я отплатила ей въ свою очередь, высказала ей, что мы не имѣемъ въ ней никакой надобности, что мы обойдемся безъ ея помощи...

Критскій. Боже мой! что ты сдѣлала!..

Надежда. То, что должно. Неужели же намъ послѣ этого ей кланяться? О чемъ намъ горевать... у насъ остался братъ... Онъ вѣрно не отказалъ... Ну, поговорилъ ли ты съ нимъ?

Критскій. Говорилъ... да онъ самъ просилъ денегъ!...

Надежда. Какъ, неужели братъ...

Критскій. Да, мой другъ, онъ самъ теперь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Ему нужны сего дня десять тысячь, и что хуже всего, я ихъ ему обѣщалъ!...

Надежда. Да отъ куда ты ихъ возьмешь?

Критскій. Я надѣялся на тетушку: но теперь не знаю, что и дѣлать! послѣ вашей ссоры, послѣ того, что ты ей наговорила...

Надежда. Боже мой! какая я глупая! что я надѣлала! прости меня, мой другъ... я должна бы была для тебя перенесть ея оскорбленія.

Критскій. Нѣтъ, я невиню тебя, я самъ, на твоемъ мѣстѣ, не поступилъ бы иначе... Однако жъ что намъ теперь дѣлать?

Надежда. Обратиться къ другимъ твоимъ родственникамъ.

Критскій. Которые еще хуже, можетъ быть, поступятъ съ нами.

Надежда. Боже мой, Боже мой! теперь только я вижу, какую значительную роль играютъ деньги въ нашей жизни!

Онѣ причиной нашего мученья,
Онѣ насъ къ счастью, къ радостямъ ведутъ,
То покупаютъ къ людяхъ снисхожденья,
То славу, честь и гордость продаютъ!..

КРИТСКІЙ.

Намъ съ деньгами нельзя никакъ тягаться,
На свѣтѣ мнѣ захѣтить привелось,
Что всѣ чрезъ нихъ бранятся и мирятся,
И шею гнутъ, и поднимаютъ носъ.

Но мы, мой другъ, недопустимъ себя до униженія. Уѣдемъ изъ Петербурга!

Надежда. О, я согласна! я вездѣ буду съ тобою счастлива!.. Уѣдемъ, уѣдемъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Семенъ.

Семенъ. Къ вамъ, сударыня, опять пришла эта мадамъ.

Надежда, (*въ полголоса Критскому*). Боже мой! что мнѣ ей сказать?

Семенъ. А васъ, Василій Львовичъ, желаетъ видѣть каретникъ... говоритъ, что ужъ усталъ ходить, что ему нужны деньги до зарѣзу. Убѣдительно проситъ, чтобъ вы изволили хоть половину долга ему пожаловать.

Критскій, (*тихо женѣ*). Намъ должно непремѣнно отдать имъ деньги, иначе—стыдъ, срамъ! они разславятъ по городу; пожалуй, будутъ жоловаться... Боже мой!.. (*Семену*) Хорошо; проведи ихъ въ мой кабинетъ, попроси подождать, я сей часъ приду къ нимъ.

(*Семенъ уходитъ*).

Надежда. Что жъ ты хочешь дѣлать?

Критскій. Самъ не знаю! я еще въ первый разъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Надежда. Не могутъ ли они подождать?

(*Семенъ входитъ*).

Критскій. Хорошо, если бъ согласились; но я того и гляжу, что явятся другіе кредиторы.. Боже мой, какой стыдъ! просить, кланяться какому нибудь торгашу! краснѣть предъ ними...

Надежда. Замолчи, ради Бога; здѣсь человѣкъ.

Критскій, (*обращаясь къ Семену*). Что тебѣ надо?

Семенъ. Нашъ хозяинъ пришелъ.

Критскій. Васильковъ?

Семенъ. Точно такъ-съ, просилъ доложить, можетъ ли принять ихъ барыня... Барина говоритъ, не безпокой, они вѣрно заняты...

Надежда. Я, право, не знаю, я такъ теперь разстроена...

Критскій. О, полно, мой другъ, проси. (*Семенъ уходитъ*) Сегодня утромъ онъ самъ предлагалъ мнѣ деньги.

Надежда. Неужели? какое счастіе!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Васильковъ.

Васильковъ, (*держа въ рукахъ письмо*). Теперь я могу отдать мою записку... (*увидя Критскаго, прячетъ письмо въ карманъ*). Здѣсь ея мужъ!.. Этотъ дуракъ и не сказалъ мнѣ.

Критскій, (*подходя къ Василькову*). Здраствуйте, любезнѣйшій Андрей Андреевичъ!

Надежда. Мы очень рады.

Васильковъ (*въ сторону*). Какъ мила! И какъ ласково смотритъ на меня!.. (*Вслухъ, съ маленькимъ замѣшательствомъ*). Я зашелъ...

Критскій. Вы хотѣли поговорить съ Наденькой...

Васильковъ. Какъ, вы знаете?

Надежда. Что жъ вы хотѣли мнѣ сказать?

Васильковъ (*въ сторону*). Ахъ, если бъ не было здѣсь мужа! (*вслухъ*) я... хотѣлъ поговорить съ вами на счетъ этой комнаты, которую сегодня, взялъ у меня Василій Львовичъ... для вашего кабинета... Какія вамъ угодно передѣлки?

Надежда. Нѣтъ, ужъ я передумала, я могу обойтись и безъ кабинета.

Васильковъ, (*съ удивленіемъ*). Какъ, отъ чего?

Надежда. Такъ... извините, пожалуйста.

Критскій. Однако жъ, мое слово...

Васильковъ. О, это ничего не значитъ... У меня ужъ просилъ эту квартиру одинъ мой пріятель... вы знаете его, Бетскій... онъ беретъ ее съ мебелью, и даетъ очень хорошую цѣну... Человѣкъ очень богатый: деньги для него ничего не значатъ!..

Критскій, (*со вздохомъ*). Какъ онъ счастливъ!

Васильковъ. Да... И холостой человѣкъ... Я очень бы желалъ быть на его мѣстѣ, съ его состояніемъ!

Критскій. Мнѣ кажется, на счетъ богатства, вамъ нечего ему завидовать...

Васильковъ. Ваша правда, я самъ сію минуту получилъ деньги отъ Князя Свитскаго за квартиру... за полгода

впередъ; да изъ ломбарда по билету, проценты...

Надежда, (съ радостію). Неужели?

Критскій. И много получили?

Васильковъ. Да, довольно значительную сумму.

Надежда. Она вамъ вѣрно очень нужна?

Васильковъ. Нѣтъ, почти не нужна... Да для чего вы меня спрашиваете?

Критскій. Видите... Давича вы предлагали мнѣ...

Васильковъ. Вѣрно вамъ нужны деньги!...

Критскій. На самое короткое время.

Васильковъ. О, на сколько угодно, съ удовольствіемъ! *(Смотря на Надежду).* Я очень радъ случаю...

Надежда. Какъ вы добры!

Васильковъ. Мнѣ очень пріятно. *вслухъ)* Сколько же вамъ нужно?

Критскій, (садясь къ столу, и взявъ листъ бумаги). Я сейчасъ вамъ скажу.

Надежда. Намъ нужно много денегъ.

Васильковъ. Я увѣренъ, какую нибудь бездѣлку...

Надежда. О, нѣтъ, не бездѣлку... По крайней мѣрѣ, четырнадцать тысячь!

Васильковъ, (въ сторону). Да, это ужъ не бездѣлка!

Критскій, (вставъ изъ за стола). Наденька! а ты забыла брата?

Надежда. Да, Андрей Андреичъ, мы обѣщали и брату достать денегъ... Мой родной братъ, которому мы обязаны нашимъ счастіемъ, котораго, какъ и васъ, считаемъ мы истиннымъ нашимъ другомъ...

Васильковъ. Какъ, меня? *(въ сторону)* противъ этого нѣжнаго голоска трудно устоять. *(Вслухъ).* Сколько же нужно для вашего братца?

Критскій. Ему непремѣнно нужно сего дня же десять тысячь. Десять и четырнадцать это составитъ двадцать четыре... Положимъ, для круглаго счета двадцать пять тысячь... Мы съ женой дадимъ вамъ вексель, и если угодно, обезпечимъ залогомъ нашей дачи... она стоитъ намъ болѣе пятидесяти тысячь.

Васильковъ. Перестаньте... развѣ между друзьями нужны залоги... Мнѣ довольно вашего слова.

Критскій. О, оно вѣрнѣе всего.

Васильковъ. Послѣ обѣда мы все кончимъ. *(Вынимая бумажникъ)* Теперь у меня при себѣ пять тысячь; не угодно ли получить? *(отдаетъ ему деньги)* десять тысячь у меня еще есть дома, а за остальными я сейчасъ съѣзжу... *(идетъ въ заднія двери, и отворивъ ихъ, обращается въ переднюю).* Семенъ, прикажи скорѣе заложить мнѣ коляску.

Критскій, (подходя къ Надеждѣ). Я сію минуту пошлю записку къ брату: онъ дожидается моего отвѣта; и разсчитаюсь со твоей модисткой и каретникомъ. Слава Богу, сердцу легче... чрезъ нѣсколько часовъ я совершенно расквитаюсь съ моими кредиторами, и останусь должникомъ одного нашего друга. Этотъ долгъ не такъ тягостенъ! Прощай, мой дружокъ, я оставляю тебя съ нашимъ другомъ. *(Входитъ въ комнату на лѣво).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Надежда, Васильковъ.

Васильковъ, (въ сторону). По милости моихъ денегъ, я теперь другъ ихъ дома!.. *(Смотритъ на Надежду).*

Надежда. Что вы такъ смотрите на меня, Андрей Андреевичъ? Вы наслаждаетесь своимъ благодѣяніемъ...

Васильковъ, (въ сторону). Она теперь растрогана... Вотъ удобная минута. *(Надеждѣ)*, вы удостоиваете меня вашей дружбы... Она послужитъ мнѣ цѣлительнымъ бальзамомъ въ моей горестной жизни.

Надежда. Въ горестной жизни?.. А! я понимаю... ваша супруга...

Васильковъ. Нѣтъ, не одна моя жена причиною моей печали... На сердцѣ моемъ лежитъ тайна, каторая въ тысячу разъ ужаснѣе... она дѣлаетъ меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Надежда. Какая же тайна? Отчего вы намъ ее не повѣрите?

Васильковъ. Вамъ менѣе всѣхъ могу я сказать.

Надежда. Почему? мы истинные ваши друзья... Тайна ваша останется между нами...

Васильковъ. Этого бы я и нехотѣлъ... Неужели вы повѣряете всѣ секреты своему мужу?...

Надежда. Всѣ, до одного.

Васильковъ, (*съ волненіемъ, оглядывается кругомъ*). Но если бъ это была тайна, которая касалась меня... и другой особы... Тайна, которую я могъ бы повѣрить одной женщинѣ, другу...

Надежда. Боже мой, неужели непозволительная страсть.

Васильковъ. Непозволительная?... о, нѣтъ... чистая, пѣжная... вы одни могли бы помочь мнѣ, поговорить въ мою пользу...

Надежда. Я знаю эту особу?

Васильковъ. Очень хорошо знаете...

Надежда. Кто жъ она, назовите мнѣ ее?

Васильковъ. Она... если хотите знать.. она...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Семенъ.

Семенъ. Коляска готова!

Васильковъ, (*въ сторону*). Дуракъ! помѣшалъ, въ такую минуту!...

Надежда. Ну, что жъ вы не говорите?

Васильковъ, (*въ полголоса*). Нѣтъ, теперь я не могу вамъ сказать... Но я набросалъ на бумагу кой-какія мысли... прочтите... вы узнаете мои чувства... только прочтите скорѣе... будьте благоразумны и молчаливы; позаботьтесь о моемъ счастіи, какъ я забочусь о вашемъ... (*отдаетъ ей бумагу.*) Прощайте! Участь моя въ вашихъ рукахъ... Я ѣду сейчасъ для вашей пользы... (*въ сторону*). Кажется, дѣло идетъ на ладъ! (*Кланяется Надеждѣ и уходитъ съ Семеномъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Надежда, потомъ Критскій.

Надежда. Что все это значитъ? И какая въ немъ перемѣна!... Онъ такъ сегодня страненъ .. (*открывая письмо.*) Посмотримъ, что тутъ такое...

Критскій, (*входя съ лѣвой стороны*). Слава Богу! съ двумя расчитался; теперь бы только получить остальныя деньги отъ нашего друга... и мигомъ бы расплатился и съ другими.

Надежда, (*прочитавъ письмо*). Ахъ, какой ужасъ!

Критскій. Что съ тобой? Что случилось?

Надежда, (*подбѣгая къ нему*). Ахъ, мой другъ... Боже мой, какое оскорбленіе!... Возьми, прочти.

Критскій, (*взявъ письмо*). Отъ Василькова!... Что это? Любовное объясненіе!... Онъ тебя любитъ... негодяй! Онъ искалъ только случая...

Надежда. Куда ты?

Критскій. Передать ему твой и мой отвѣтъ.

Надежда. Одно презрѣніе должно быть нашимъ отвѣтомъ.

Критскій, (*сквозь зубы*). Да, презрѣніе, и...

Надежда. Постой, прежде всего намъ должно отдать ему деньги... пошли ихъ ему скорѣе.

Критскій. Боже мой! у меня ихъ нѣтъ... Я ихъ сейчасъ отдалъ.

Надежда. Что ты сдѣлалъ!

Критскій. Могъ ли я думать! Я хотѣлъ скорѣе расплатиться, и теперь остаюсь должникомъ этого негодяя!..

Надежда, (*съ нетерпѣніемъ*). Но для чего такая поспѣшность?...

Критскій. Развѣ я могъ еще откладывать?.. Вѣдь ты же дала вексель этой модисткѣ по сегодняшнее число... Очень нужно давать вексель... и за что же—за тряпки!..

Надежда. За тряпки? Скажите пожалуйста: неужели мнѣ ходить оборванною? А самъ долженъ каретнику, такъ это ничего!...

Критскій. По вашей же милости, по вашимъ капризамъ.

Надежда. Не по твоимъ ли скорѣе!..

Ты всякій день выдумываешь какія-то глупости!

Критскій. А вы слишкомъ уже вѣтренничаете. Кто подалъ поводъ этому наглецу, этому чучелѣ къ такому оскорбленію, какъ не ты же сама!...

Надежда. Я?

Критскій. Да-съ, вы! Я въ этомъ увѣренъ.

Надежда. Я подала поводъ! осмѣлиться думать... Боже мой!.. что этого ужаснѣе! это нестерпимо!.. это.... это взбѣситъ хоть кого!

Критскій. Сердись себѣ, пожалуй!

(*Критскій садится на право, Надежда на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Критскій, Вятлугинъ, Надежда.

Вятлугинъ. Что это? Никакъ у васъ ссора.. Это ужъ не похоже на давишнее..

Надежда. О, вовсе нѣтъ. (*Подходя къ Критскому и взявъ его за руку.*) Мы давно помирились.

Вятлугинъ, (*печально*). Слава Богу!.. у насъ и безъ того много непріятностей въ жизни... Я заѣхалъ къ тебѣ, мой другъ, по надобности...

Критскій, (*тихо Надеждѣ*). Вѣрно за деньгами!.. (*вслухъ*) А я только что послалъ къ тебѣ записку... Я писалъ, что деньги для тебя готовы, и что ты получишь ихъ здѣсь...

Вятлугинъ. Знаю...

Критскій, (*съ смущеніемъ.*) У меня еще ихъ нѣтъ въ рукахъ; но будь покоенъ...

Вятлугинъ. Онѣ у тебя въ ломбардѣ, какъ ты мнѣ говорилъ... это все равно.

Критскій. Но у меня внезапно случились кой-какія надобности... должно было уплатить по нѣкоторымъ счетамъ... все это однако жъ не помѣшаетъ мнѣ доставить тебѣ необходимую сумму... Я ее ожидаю...

Вятлугинъ. Но что съ вами? вы, какъ будто, сами не свои... переглядываетесь другъ съ другомъ. Смотрите, не стѣсняетесь ли вы для меня?

Надежда. Нисколько...

Вятлугинъ. Вы не заняли ли этихъ денегъ?

Критскій, (*смотря на жену.*) О, нѣтъ... Слава Богу, мы еще не дошли до этого.

Вятлугинъ. Нѣтъ, я все теперь понимаю... Вы не хотѣли одолжаться другими, и вѣрно продали для меня что нибудь...

Критскій. Какъ, ты думаешь...

Вятлугинъ. Конечно такъ, нечего скрываться! у васъ богатая мебель, славныя лошади, карета...

Критскій, (*про себя*). Какая мысль!

Вятлугинъ. Можетъ быть, не пожалѣли для меня и дачи... благодарю васъ, друзья мои, чувствую вполнѣ ваше пожертвованіе... (*мрачно*). Но не безпокойтесь, я не имѣю больше надобности въ вашихъ деньгахъ...

Критскій и Надежда. Отъ чего это?

Вятлугинъ Десять тысячъ теперь для меня безполезны. Я долженъ теперь потерять все. Сейчасъ узналъ я, что откупа мои лопнули, заводы и имѣніе мое должны быть проданы съ аукціоннаго торга... Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ, чтобъ привести, хоть нѣсколько, въ порядокъ свои дѣла!...

Критскій и Надежда. Братъ!... неужели?...

Вятлугинъ. Вридъ ли я перенесу, друзья мои, такую потерю!.. До сихъ поръ имя наше не было запятнано ни однимъ дурнымъ дѣломъ... Что я послѣ этого буду — нищій!...

Надежда, (*закрывая ему ротъ рукою*). Замолчи!

Критскій. Перестань! я тебя не узнаю!... Ты, съ твоимъ благоразуміемъ, съ твердостью характера, и отчаеваешься... Еще все можетъ поправиться...

Вятлугинъ. Но какимъ образомъ? Я не вижу ни какихъ средствъ.

Критскій. Нетеряй надежды, не отчаявайся; прошу тебя объ одномъ... останься у насъ до вечера.

Вятлугинъ. Для чего?

Надежда. Что ты хочешь дѣлать?

Критскій. Исполнить свой долгъ... (*Вятлугину.*) Ты надѣлилъ меня ангеломъ—женой, которая составляетъ счастіе моей жизни, но я еще ничѣмъ не

заплатилъ тебѣ за мое блаженство. Теперь настало время...

Вятлугинъ. Благодарю тебя за доброе участіе. Дай Богъ, чтобъ ты нашелъ мнѣ помощь... Теперь позволь мнѣ написать къ женѣ и дѣтямъ.

Критскій. Въ моемъ кабинетѣ ты найдешь все... До свиданія, милый братъ! будь веселѣе; не горюй, все поправится.

(*Вятлугинъ входитъ въ комнату на право*).

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Надежда, Критскій.

Критскій. Рѣшено! я его спасу!

Надежда. Но какъ, какими средствами? Когда уже мы не можемъ поправить своихъ дѣлъ?

Критскій. Свое послѣ, теперь дѣло идетъ о немъ.. о нашемъ другѣ, нашемъ единственномъ другѣ... теперь дѣло идетъ о его жизни, о его счастіи, съ которымъ соединено и наше собственное. Я нашелъ средство помочь ему... Ни ты, ни я не подумали объ этомъ... Самъ братъ твой, нечаянно, подалъ мнѣ эту мысль.

Надежда. Но какое же средство?

Критскій. Я продамъ....

Надежда. Лошадей, карету.

Критскій. Ты не будешь жалѣть о нихъ?...

Надежда. О, нисколько! мы не важные люди, будемъ ходить и пѣшкомъ, не въ однихъ каретахъ обитаетъ счастіе.

Критскій. Но главное... Ты не вздохнешь о дачѣ?...

Надежда. О, чего жалѣть? будто безъ дачи люди не обходятся...

Критскій. Какъ ты меня радуешь! А я ужъ имѣю и покупщика на дачу.

Надежда. Неужели?

Критскій. Давича я не говорилъ тебѣ... не хотѣлъ тебя опечалить... Князь Свитскій, нашъ сосѣдъ, давно уже пристаетъ ко мнѣ; у него же теперь есть деньги.

Надежда. Прекрасно!

Критскій. Потомъ мы можемъ даже сдать эту квартиру, продать богатую мебель... Мы, право, можемъ жить и въ трехъ комнатахъ!...

Надежда. О, конечно, и повыше, въ четвертомъ этажѣ...

Критскій. Тсъ... Вотъ твой братъ! Останься съ нимъ и не говори ему ни слова о нашихъ намѣреніяхъ.

(*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Надежда, Вятлугинъ.

Вятлугинъ. Я сейчасъ послалъ письмо на почту съ вашимъ человѣкомъ... Извини, сестра... Боже мой, что-то будетъ съ моею женой. Ты не повѣришь, какъ я радъ, что у насъ нашелъ все въ порядкѣ. Я увѣренъ, что всѣмъ этимъ обязанъ Василій, тебѣ... въ немъ я замѣтилъ маленькую страсть къ мотовству, къ пышности...

Надежда, (*вздыхая*). Да, немножко!

Вятлугинъ. Твоя забота дѣлаетъ тебѣ честь... ты занимаешься хозяйствомъ, ведешь счеты, держишь въ порядкѣ весь домъ, любишь бережливость...

Надежда, (*съ замѣшательствомъ*). Я... братецъ...

Вятлугинъ. Мнѣ нечего тебя за это хвалить... Это твоя обязанность!

Жена всѣмъ домомъ управляетъ,
Но мужа слушаться должна,
И все, что мужъ пріобрѣтаетъ,
Беречь обязана жена!
Гдѣ любятъ трудъ, тамъ нѣтъ потери.
Тамъ счастье наполняетъ домъ;
Шагни же праздность только въ двери—
Тотчасъ весь домъ пойдетъ вверхъ дномъ.

Надежда (*въ сторону*). Ахъ, еслибъ онъ зналъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Вятлугинъ, Надежда, Васильковъ.

Надежда (*въ сторону, увидя Василькова*). Боже мой! Васильковъ!

Васильковъ, (*держа въ рукахъ бумагу*). Мое слово исполнено, Надежда Петровна! Вотъ заемное письмо, написанное по формѣ.

(*Надежда беретъ бумагу*).

Вятлугинъ. Заемное письмо? это что?

Васильковъ. Извѣстное дѣло: даю въ долгъ деньги.

Вятлугинъ. Въ долгъ? кому?

Васильковъ. Конечно не вамъ. Надеждѣ Петровнѣ съ супругомъ, и ея брату.

Вятлугинъ, (*съ сердцемъ*). И брату?

Надежда. Не правда, онъ лжетъ.

Пріятна помощь иногда,
При нуждѣ дорога услуга,
И принимаютъ безъ стыда
Ее отъ искренняго друга,
Но кто, желая одолжить,
Намъ хочетъ сдѣлать униженье; —

(Раздираетъ вексель)

То вотъ какъ надобно платить
Ему за это оскорбленье!

Вятлугинъ. Вы разорвали вексель, сударыня...

Надежда. Вы это заслужили.. О, братецъ, это ужасный человѣкъ! Мы его принимали, ласкали, а онъ за дружбу моего мужа, осмѣлился объясняться мнѣ въ своихъ чувствахъ, унижать меня.

Вятлугинъ. Какъ, что? (*Василькову*). Вонъ отсюда, милостивый государь!

Васильковъ, (*съ удивленіемъ*). Вонъ! меня, хозяина дома?.. Это что?... Да по какому праву?

Вятлугинъ, (*подходя ближе къ Василькову*). Я вамъ говорю—вонъ!

Надежда (*удерживая его*). Братецъ!

Васильковъ. Братъ!.. А, это дѣло другое, но все таки вы мнѣ еще должны... Послѣ того, что я сдѣлалъ для вашего мужа....

Надежда, (*въ сторону*). Какой стыдъ! Что дѣлать!...

Вятлугинъ. Они вамъ должны?

Васильковъ. Да-съ.

Вятлугинъ. Сколько?

Васильковъ. Я не обязанъ вамъ говорить.

Вятлугинъ. А я имѣю право сдѣлать вамъ этотъ вопросъ... Говорите, сколько?

Васильковъ. Это моя тайна!

Вятлугинъ. Сколько?

Васильковъ. Боже мой, какой неотвязный! Пять тысячъ.

Вятлугинъ (*послѣ минутнаго молчанія, посмотрѣвъ на Надежду, вынимаетъ бумажникъ и отсчитываетъ деньги.*) Вотъ ваши деньги!

НАДЕЖДА И ВАСИЛЬКОВЪ.

Надежда и Васильковъ. Что это значитъ?

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, Критскій.

Критскій, (*вбѣгая въ дверь*). Другъ мой! Милый братъ! ты спасенъ!... Сегодня ты получишь пятьдесятъ тысячъ, завтра, надѣюсь вручить тебѣ столько же... Не поздно ли будетъ?

Вятлугинъ, (*съ радостію*). О, нѣтъ, благодарю, много благодарю тебя, мой другъ!...

Васильковъ. И вы возьмете деньги?

Вятлугинъ. Возьму и съ большимъ удовольствіемъ.

Критскій, (*увидя Василькова*). А! вы здѣсь!... Мнѣ нужно съ вами иначе раздѣлаться; но для начала не угодно ли вамъ получить мой долгъ, ваши пять тысячъ?

Васильковъ. Мнѣ ихъ не нужно.

Критскій. Это что значитъ?

Васильковъ. Я свои получилъ.

Критскій. Отъ кого?

Васильковъ, (*показывая на Вятлугина*). Отъ этого господина.

Критскій. Отъ брата?

Надежда. Да, мой другъ.

Васильковъ. Мнѣ теперь остается только дать росписку въ полученіи, — и откланяться!

(*Уходитъ*).

Критскій. Братъ! ничего не понимаю!...

Вятлугинъ, (*взявъ за руку Критскаго*). Неужели ты думалъ, что я, вашъ другъ и братъ, оставлю васъ на произволъ судьбы, не стану и изъ-далека наблюдать за вами? Я зналъ всѣ ваши проказы... Что мнѣ оставалось дѣлать? Я долженъ былъ самъ летѣть къ вамъ на помощь... разсточительность могла васъ погубить... Еще

годъ, другой, и вы погибли бы безъ возврата! Надобно было приняться за жестокія средства... и я достигъ своей цѣли... Едва увидѣли вы меня въ нуждѣ, въ бѣдности, вы тотчасъ рѣшились на пожертвованія: вы хотѣли спасти меня.

Надежда и Критскій. О, другъ нашъ!

Вятлупинъ. Эти пожертвованія я все таки беру отъ васъ.. Они будутъ въ добрыхъ рукахъ, на несчастный, непредвидимый случай. Между тѣмъ, ты, Василій, долженъ служить, трудиться. — Я тебѣ выпросилъ мѣсто въ нашей губерніи.

Критскій. Я давно этого желалъ.

Вятлупинъ Мы будемъ жить въ одномъ домѣ истинными друзьями; не роскошно, но весело, въ вѣчномъ согласіи.. Моя жена съ твоею, твои дѣти съ моими... Они научатся, между нами, что порядокъ и бережливость составляютъ богатство всякой семьи, а когда ты поразбогатѣешь въ провинціи, тогда, пожалуй, пустись опять въ столичное житье.

НАДЕЖДА, (къ публикѣ.)

Хоть всѣ давно согласно говорятъ,
Что ничего сильнѣй нѣтъ въ свѣтѣ денегъ..
Нашъ водевиль названіемъ богатъ,
Но, можетъ быть, сюжетомъ онъ бѣденекъ.
Отъ васъ теперь нашъ переводчикъ ждетъ
Послѣдняго, опаснаго отвѣта...
Скажите-жъ намъ пойдутъ ли *деньги* въ ходъ,
Или они фальшивая монета?

МАКАРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ГУБКИНЪ,

или

ПРОДОЛЖЕНІЕ СТУДЕНТА, АРТИСТА, ХОРИСТА И АФФЕРИСТА.

ШУТОЧНАЯ ОРИГИНАЛЬНАЯ ОПЕРЕТТА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. П. Григорьева.

Музыка составлена изъ сочиненій Обера, Доницетти, Беллини, Мейербера, Герольда и Маркаданте самимъ авторомъ.

Театръ представляетъ кабинетъ Чертикова; на столѣ съ лѣвой стороны нѣсколько банокъ съ лекарствами; подлѣ стола огромное кресло. Въ углубленіи по разнымъ мѣстамъ комнаты разрѣшаны театральные костюмы, мужскіе и женскіе. На полу по угламъ лежитъ много музыкальныхъ инструментовъ, бутафорскихъ вещей; связки нотъ и ролей; на столахъ провинціальные афиши. Средняя дверь съ небольшими окнами.

ЯВЛЕНІЕ. I.

Чертиковъ, (одинъ, сидитъ въ креслахъ; пьетъ чай, потомъ лекарство; предъ нимъ развернуты письма; зеленые очки на носу, голова въ ярмолкѣ.) Тьфу!... бррръ!... какъ кисло... и горько!... бррръ!.. волкъ меня заѣшь!... мнѣ кажется, докторъ съ умысломъ прописалъ такое противное лекарство, чтобъ я еще болѣе почувствовалъ, какъ человѣку съ душой непріятно жить на этомъ свѣтѣ!.. Бѣдный Поликарпъ Ѳедосеевичъ! кто тебя сунулъ въ театральное царство? *(считаетъ капли)* Разъ, два, три, четыре, пять... проклятая судьба, волкъ меня заѣшь!.. быть антрепренеромъ значитъ: перестать быть порядочнымъ человѣкомъ! вотъ, прошу покорно... хоть-бы теперь, принимай въ труппу новыхъ актеровъ, и ужъ, ничего не видя, каждые полчаса, глотай горькія пилюли, да принимай капли.

Какъ другихъ житье-быть
Ни окину взоромъ,
Право, хуже всѣхъ житье
Намъ, антрепренерамъ!
Нужды нѣтъ, что домикъ есть,
Всякъ со мной играетъ,
Но что нечего мнѣ ѣсть,
Губернаторъ знаетъ!
Всѣмъ давай существовать,
Какъ собаки лаютъ!
А какъ примутся играть,
Весь народъ пугаютъ.
Вдругъ иной съ ума сойдетъ,
Ни кого не слышитъ,
Что не скажетъ, все совретъ,
И мыслете пишетъ!
Сколько я трагедій, драмъ
Ставилъ здѣсь помпезно!
Только все по пустякамъ,
Глупо, безполезно.
Но какъ хватишь добрый сборъ,
Смотришь за продажей....
Хвать, трагическій актеръ,
Гдѣ нибудь подъ стражей!
Ставить оперу начнешь,
Такъ же трудъ не малый:
Иногда одинъ поешь
Цѣлые финалы!
А пѣвцы какъ поютъ
Съ непонятнымъ громомъ,
Да потомъ полгода пьютъ
Гоголь-моголь съ ромомъ!

Но балеты я давалъ,
Вотъ ужь не на славу:
Лишь танцоръ протанцовалъ,
Ѣдетъ къ костоправу!
Всѣ балеты врозь пошли,
Съ ними и танцоры,
А танцовщицъ увезли
Злые ремонтеры!

Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился здѣсь, въ Курскѣ, есть надежда поправить свои обстоятельства: я хочу себя и новую мою труппу поставить на твердую, благородную ногу! волкъ меня заѣшь!... Новое положеніе, новые актеры, новые костюмы, купленные въ Москвѣ за не надобностію, новыя декораціи, подмалеванныя нѣмецкимъ живописцемъ, даже напялъ у одного раззорившагося барина двухъ новыхъ скрипачей! Все это вмѣстѣ вѣрно озадачитъ курскихъ жителей, тогда я какъ разъ на всѣ мѣста и цѣны набавлю: бель-этажъ пущу по три цѣлковыхъ, партеръ по два рубля, а галлерку пущу по гривеннику!.. (*пьетъ лекарство*) Однако, чуть непропустилъ хлѣбнуть микстурки.... странно, что это такъ долго не ѣдутъ изъ Воронежа мои новые актеришки.. по письмамъ, вчера еще должны бы ужъ быть здѣсь.... Эй! Егорка! Егорка!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Чертиковъ, Егорка, потомъ Губкинъ.

Егорка. Здѣсь, что угодно-съ?

Чертиковъ. Что? всѣ ли на сценѣ собрались для Фрадіаволо?

Егорка. Всѣ-съ; только васъ ждутъ.

Чертиковъ. Дуракъ! развѣ ты не знаешь, что докторъ трое сутокъ не велѣлъ мнѣ выходить изъ комнаты. Скажи имъ, чтобы начинали безъ меня.

Егорка. Слушаю-съ.

Чертиковъ. Да скажи дирижеру, чтобъ не подыгрывалъ всѣ голоса на скрыпкѣ; чтобъ сами пѣли на-изусть.

Егорка. Слушаю-съ.

Чертиковъ. Что? а изъ воронежскихъ актеровъ еще никто не пріѣхалъ?

Егорка. Нѣтъ, никого не видать.

Чертиковъ. Что они это мѣшкаютъ, волкъ ихъ заѣшь! а писемъ нѣтъ тоже?

Егорка. Сегодня не приносили. (*Запинаясь*) Тамъ, вонъ у меня правда ужъ другой день прибѣгаетъ навѣдываться о вашемъ здоровье.... право сударь, актеръ залихватскій!

Чертиковъ. Кто такой?

Егорка. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ.

Чертиковъ. А! знаю.... онъ тоже воронежскій и писалъ мнѣ, чтобъ я его принялъ въ новую труппу, да страшно, волкъ меня заѣшь! Онъ, говорили мнѣ, такой штукарь и проидоха, что съ нимъ и ладить нельзя... да впрочемъ, что мудренаго; бывалъ въ обѣихъ столицахъ, такъ вѣрно долженъ быть малый продувной, бѣдовый... нѣтъ, Богъ съ нимъ! Ко мнѣ на всѣ эти роли ѣдетъ актеръ другой изъ Воронежа.

Егорка, (*почесывая затылокъ*). Эхъ, сударь, какъ же быть-то? Макаръ-то Алексѣичъ далъ мнѣ цѣлковый на водку, знаете, чтобъ я....

Чертиковъ. А зачѣмъ ты берешь? волкъ тебя заѣшь!

Егорка. Немогу-съ; продавая билеты въ кассѣ, ужъ сдѣлалъ привычку.

Чертиковъ. Смотри! здѣсь у меня отвыкнешь! здѣсь вѣдь вы не въ Орлѣ!.. Пошелъ, зови сюда Губкина. (*Особо*) Откажу ему на отрѣзъ.

Егорка. Макаръ Алексѣевичъ! г. Губкинъ! пожалуйте!..

Губкинъ, (*входитъ быстро и весело*). Иду, какъ его, иду!... а! вотъ и я на сценѣ!.. (*Расшаркивается и поетъ речитативомъ*).

«Мое почтеніе! талантовъ покровитель!
«Актеръ, антрепренеръ и музыки любитель!..

Какъ ваше здоровье, Поликарпъ Ѳедосѣевичъ? все ли вы въ добромъ здоровьѣ? здоровы ли вы?

Чертиковъ. Нѣтъ, Макаръ Алексѣевичъ, худо, худо....

Губкинъ. Худо? жаль, это не хорошо... ваше здоровье для насъ такъ теперь драгоцѣнно...

Чертиковъ. Да, теперь у меня столько хлопотъ съ новою труппою, волкъ меня заѣшь! а докторъ не велитъ ни куда носа показывать.... сижу, вотъ, да попиваю какую-то аптекарскую дрянь; т. е. вотъ ужъ истинно горестныя минуты.

Губкинъ. Да-съ, чрезвычайно жаль, какъ его.... а что это у васъ за болѣзнь такая?

Чертиковъ. Да чортъ знаетъ! докторъ говоритъ, что и, видите, какой-то нынѣшній гриппъ съѣлъ!

Губкинъ. А! знаю, знаю! это общая болѣзнь. Что дѣлать! нынче ужъ вѣкъ такой: только вотъ оплошай хоть немножко въ чемъ нибудь, сей часъ грибъ съѣшь.

Чертиковъ. Да при этомъ еще глаза стали плохи, волкъ ихъ заѣшь! правда, я и прежде былъ близорукъ немножко, а теперь ужъ и подавно, дальше носу ничего невижу.

Губкинъ, (*особо*). А! онъ близорукъ! браво! это-то мнѣ и на руку. (*ему*) а я прибѣжалъ было узнать, чѣмъ вы рѣшили мою горькую участь?

Чертиковъ. Извините, Макаръ Алексѣевичъ: я не могу ни чѣмъ помочь вамъ.

Губкинъ. Какъ, г. Чертиковъ? неужли подъ вашимъ руководствомъ я не могу служить Мельпоменѣ? неужли такой талантъ, какъ я, не найдетъ мѣста на вашей новой сценѣ? ради Бога, дайте мнѣ средства показать свои дарованія здѣшнему городу, дайте поскорѣе насладиться этимъ блестящимъ тріумфомъ, котораго я жажду, какъ его.... жажду, какъ бутылки шампанскаго, когда его купить не на-что.

(Изъ Семирамиды)

Я, я рожденъ всегда играть на сценѣ!
А безъ нея, клянусь вамъ, я пропалъ!
2. { Я отъ бездѣйствія, отъ лѣни,
Едва въ чахотку не попалъ!

Да, Поликарпъ Федосеевичъ, ожидая такъ долго вашего рѣшенія, меня взяло такое удушье, какъ его... что ужъ я было началъ пить исландскій мохъ.

Чертиковъ. Очень вѣрю, мой милый.... но, право, вы много просите, волкъ меня заѣшь! тысячу двѣсти, бенефисъ въ коренной и квартиру! шутка какая! вѣдь самый первый окладъ... нѣтъ, ни какъ не могу.

Губкинъ. Помилуйте! да вы прежде разочтите, какъ его.... вѣдь за то, сколько я одинъ замѣню у васъ лишняго народу, который, ей Богу, только даромъ хлѣбъ ѣстъ! многихъ вѣдь вы держите потому только, что вы человѣкъ-то рѣдкой души! Вѣдь вы сами знаете, что многіе потому только служатъ на сценѣ, что больше ихъ ни куда не принимаютъ! Вѣдь это все, съ позволенія сказать, мелюзга, стрень-брень! а я въ состояніи играть вездѣ, гдѣ вамъ будетъ угодно; ни одно амплуа не въ состояніи затрудпить меня: (*говоритъ скоро*) драма, мелодрама, комедія большая, комедія малая, опера-романтическая, опера лирическая, просто опера, оперетка, комедія водевиль, драма водевиль, пословица водевиль, картина водевиль, квартира водевиль, шутка водевиль, фарсъ водевиль, интермедія водевиль, и наконецъ просто водевиль... Могу участвовать во всѣхъ разно-характерныхъ дивертисманахъ, т. е. пѣть отдѣльно и *хорошо* всѣ возможныя музыки геніяльныхъ людей: національныя русскія, коренныя малороссійскія, живыя цыганскія, веселыя жидовскія и даже чухонскія. Вы только послушайте.

(Русская)

«Лучина, лучинушка, березовая;
«Что же ты, лучинушка,
«Не ясно горишь?..

Какое глубокое чувство! какъ ясно выражается русское сердце!.. ну а ужъ это намъ ни почемъ:

(Цыганская)

«Мы живемъ среди полей
«И лѣсовъ дремучихъ,
«Но счастливѣй, веселѣй..

А ужъ какъ я знаю хохлацкую натуру.

(Малороссійская)

«Дидь рудый, батка рудый,
«Матка руда, сестра руда,
«И я рудый, руду взяу,
«Съ бо рудую сподобау!..

А если бы вы слышали, г. Чертковъ, какъ я знаменито умѣю выказать національно-благородное цыганское чувство... (*поетъ съ гримасами, подражая цыганкамъ..*)

3 { Ти не повѣришь, ти не повѣришь,
Ти не повѣришь, какъ ти мила!...

Это просто, какъ его, цѣликомъ взято съ натуры одной сорока лѣтней черномазой цыганки, которая въ Петербургѣ на желѣзной дорогѣ оглашала воздухъ. Но, чортъ меня возьми, если вы поставите національную большую оперу, какую угодно, какъ его... петербурскую или московскую, все равно: я служилъ въ обѣихъ столицахъ, и всѣ партитуры знаю, какъ свои пять пальцевъ!

(Изъ оперы: Жизнь за Царя)
«Все сыграю, испытайте!
«Буду жить между кулисъ!
2 { «Только жалованье дайте,
«И хорошій бенефисъ.

А? какова манера, г. Чертковъ? я увѣренъ что у васъ въ Курскѣ артисты и понятія не имѣютъ, что значитъ манера, вкусъ, метода, какъ его.... мнѣ всегда и въ столицахъ знающіе люди отдавали должную справедливость, а вы боитесь Губкину дать 1200 жалованья! Я-то много прошу! прошу покорно! вотъ, прошу же теперь артисту трудиться, напрягать свой умъ, воспламенять сердце, обливаться, какъ его, кровавымъ потомъ, не спать ночей... и за все это что же въ награду? одно холодное, убійственное молчаніе!!

Чертковъ. Но, послушайте Макаръ Алексѣевичъ: волкъ меня заѣшь, если я по капризу вамъ отказываю! во 1-хъ: ко мнѣ сегодня на ваши роли долженъ быть пѣвецъ и трагикъ Толчковскій, да не за 1200, а за 800 и бенефисъ въ Курскѣ; во 2-хъ: съ вами я и не думалъ дѣлать ни какихъ условій, вы пріѣхали безъ приглашенія.

Губкинъ. Какъ! такъ по вашему Толчковскій пѣвецъ и трагикъ? Толчковскому 800 и бенефисъ, помилуйте! да онъ, двухъ копѣекъ не стоитъ; видали-ли вы его въ какой нибудь ролѣ?

Чертковъ. Нѣтъ, не видалъ, но его очень хвалили, особенно въ губернскихъ вѣдомостяхъ, я самъ читалъ о немъ, когда онъ игралъ еще въ Харьковѣ послѣднее время.

Губкинъ. А, знаю! это губернскія статьи щелкопера Вральчицкаго! Помилуйте, да какой же порядочный человѣкъ повѣритъ этимъ статьямъ? весь Харьковъ знаетъ, что этотъ Вральчицкій шарлатанъ во всѣхъ статьяхъ! Знаете ли вы какъ онъ судитъ объ актерахъ? Возьметъ статьи о театрахъ петербургскія или московскія, выберетъ чужія фразы, выкрадетъ мнѣнія, потомъ поставитъ имена провинціальныхъ актеровъ да и напечатаетъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, какъ будто свое замѣчаніе, а тамъ добрые люди и вѣрятъ! ей Богу такъ! Возьмите Пчелу и харьковскія статьи Вральчицкаго, сличите ихъ, тогда поймете вполнѣ все его шарлатанство. Какъ же вы-то, умный, опытный антрепренеръ, полагаетесь на его сужденія? да въ нихъ нѣтъ здраваго смысла, точно такъ же и въ Толчковскомъ, котораго вы приняли. Толчковскій ни ходитъ, ни стоять не умѣетъ, а начнетъ читать, такъ пришепетываетъ! у него просто какая то каша во рту. Боже мой! Боже мой! вотъ что значитъ протекція!

Музыка изъ Sonnambula *Bellini*).
Онъ чортъ знаетъ, какъ играетъ!
Не по русски говоритъ,
Всѣхъ въ комедіяхъ путаетъ,
А въ трагедіяхъ сатышитъ;
Вашъ Толчковскій всѣхъ морочитъ,
Вѣчно глупъ и счастливъ онъ,
А любезничать захочетъ,
Милъ и ловокъ такъ, какъ слонъ!
И подобныхъ здѣсь ласкаютъ,
Чрезъ протекцію или связь!
Безталантныхъ *принимаютъ*,
А таланты топчутъ въ грязь!

Вы видите, Поликарпъ Ѳедосеевичъ, я не унижаю моихъ соперниковъ, а говорю только святую истину, какъ его....

Чертковъ. Нѣтъ, волкъ меня заѣшь, теперь я ясно вижу, что вы въ Воронежѣ съ нимъ интриговали, т. е. перебивали другъ другу дорогу.

Губкинъ. Какъ! я? своекошный дѣйствительный студентъ и бывшій хористъ петербургской оперы?.. гмъ! да видалъ

ли онъ столько ролей у себя подъ носомъ, сколько я объѣздилъ городовъ, желая сдѣлаться извѣстнымъ? Знаете ли вы, что Макара Алексѣевича Губкина развѣ только въ Камчаткѣ не знаютъ!

(Изъ оперы: Анна Болена).

Знаетъ насъ театръ московскій,
Видѣлъ тульскій и орловскій,
Хлопалъ харьковскій, тамбовскій,
Ярославскій, кишеневскій;
А Рамны и Кременчугъ
Приглашали оба вдругъ!
Кіевъ радовался вслухъ,
Въ Нижнемъ всѣ хвали въ пухъ!
Былъ въ Калугѣ и въ Рязани,
Въ Вознесенскѣ и въ Казани —
Я игралъ, собирая дани...
Такъ далеко вашей дряни!

Чертиковъ. Можетъ быть, только вотъ что странно: какъ человѣкъ былъ въ обѣихъ столицахъ, а постоянно не могъ ужиться нигдѣ! Желалъ бы я знать, Макаръ Алексѣевичъ, что это вамъ за охота странствовать по всей Россіи? Это доказываетъ, что или вы ни чѣмъ не довольны, или съ вами ни кто не уживается.

Губкинъ. А! я этого ждалъ!.. Вы задаете мнѣ такой вопросъ, который задѣваетъ за самую слабую и чувствительную струну моего сердца!.. Такъ слушайте же: изъ Петербурга вытѣснили меня — во первыхъ: пламенная, жгучая, безграничная страсть дочери нѣмца кандитера, который жилъ на углу офицерской улицы; во вторыхъ: зависть товарищей; въ третьихъ: сама дирекція, въ которой годами нѣсть числа накопилось разныхъ артистовъ-дармоѣдовъ; вотъ дирекція сдѣлала перекличку и всѣхъ съ благословеніемъ отпустила за непотребностію во свояси, въ томъ числѣ какъ-то по ошибкѣ и меня! ей Богу, по ошибкѣ, какъ его... послѣ приглашали опять, да ужъ я самъ не захотѣлъ. О, г. Чертиковъ! если у васъ точно есть сердце, то вы вѣрно тронитесь, слушая дивную повѣсть Макара Алексѣевича. Слушайте же, какъ страстная любовь можетъ подкузмить человѣка съ душой...

(Арія съ речитативомъ изъ Цампы).

речитативъ.

Я въ жизни сей
Отъ людей,
Вынесъ много!..
Я страдалъ и терпѣлъ,
И долго
Въ хорѣ пѣлъ!
Потомъ...
Вотъ судьба что сыграла..
Сначала
Повѣсть мы начнемъ,
Да!, да! признаемся во всемъ!...

Andante.

Въ кандитерской мнѣ быть случилось,
Туда зашелъ голодный я въ полночь...
Вдругъ, нѣмочка ко мнѣ явилась,
Прелестная кандитерская дочь!..
«Ахъ, mein Gott!» закричала,
И какъ листъ задрожала!..
Я спросилъ шеколаду у ней,
И запылалъ огонь въ груди моей!..
Да! да!
Какъ больванъ я стоялъ передъ ней!
А здѣсь — цѣлый адъ былъ тогда!!..

Allegro conforza.

Но какъ страсть всего сильнѣй,
Въ Губкинѣ тѣмъ паче;
Я въ любви признался ей
На Типперовой дачѣ!..
Да!
При такой удачѣ,
Я въ любви признался ей
На Типперовой дачѣ!
Я, какъ артистъ,
На все злодѣй!
И, какъ хористъ,
Взялъ въ уши ей:
Душка! страсть всего сильнѣй,
Въ Губкинѣ тѣмъ паче.
О! какъ счастливъ былъ я тогда,
Бѣгая по дачѣ!..
Она меня любила,
Конфетками дарила,
Но намъ судьба грозила...
Кандитеръ все узналъ!
Меня переругалъ,
Да въ шею и прогналъ!..
Наконецъ мой другъ прелестный,
Въ край умчался неизвѣстный!..
Я искать ее пошелъ,
И въ провинціи нашелъ!..
Тамъ ужъ я на ней женился,
И сынокъ у насъ родился,
Но прозванію Макаръ!
Не даромъ я трудился:
Въ немъ будетъ чудный даръ!
И любуясь дитей,
И цѣлуясь съ женой,
Я ей пѣлъ въ часъ почной:
Душка! страсть всего сильнѣй,
Въ Губкинѣ тѣмъ паче:
Если жъ Богъ дастъ дѣтей,
Сдѣлаетъ богаче!...
Студентъ-артистъ
Карманомъ чистъ,
Но, онъ рѣчистъ
И голосистъ.

Страсть его всего сильнѣй,
Къ денежкамъ тѣмъ паче,
Но съ сынкомъ, съ женой моей
Я несталъ богаче!..
Хоть по театрамъ разъѣзжаю,
Пою, играю много лѣтъ,
Всѣ средства принимаю,
А между тѣмъ, все денегъ нѣтъ!
Право нѣтъ!..
Въ Воронежъ прилетаю,
Съ моей женой, съ моимъ сынкомъ,
И тамъ какъ чортъ я голодаю,
И тамъ удачи нѣтъ ни въ чемъ...
Но все таки поемъ,
И день и ночь поемъ
И слезы льемъ!
Намъ кричатъ: браво! фора!
Я жъ кричу: хлѣба нѣтъ у актера!..
Голодъ нашъ всего сильнѣй,
Въ Губкинѣ тѣмъ паче,—
Накормите жъ поскорѣй,
Сдѣлайте богаче.
Я какъ хористъ,
Хоть голосистъ,
Но, какъ артистъ,
Кармановъ чистъ!
Страсть поѣсть всего сильнѣй,
Въ Губкинѣ тѣмъ паче,
А вѣдь съ голоду, ей, ей,
Запоешь иначе!
Антрепренеръ же былъ у насъ злодѣй,
Онъ пилъ и ѣлъ, одинъ за всѣхъ—ей, ей,
Гдѣжъ жалость, сердце у людей?
Для нихъ—играешь и поешь,
Здоровье все убьешь,
И потъ и слезы льешь....
А вѣчно ни за грошъ!..

Чертиковъ. Если все это правда, волкъ меня заѣшь, то жаль мнѣ васъ... но чѣмъ же кончился вашъ карьеръ въ Воронежѣ?

Губкинъ. Разумѣется чѣмъ: отъ безденежья вся труппа начала приходить въ уныніе, — а я съ своимъ благороднобѣднымъ семействомъ доходилъ просто до бѣшенства! Бывало сыграешь въ первой піесѣ и сей часъ бѣжишь въ кассу, чтобъ узнать сколько сбору да и цапнуть тутъ же малую толику на дневное пропитаніе. И послѣ многихъ пассажей въ этомъ родѣ, содержатель опустилъ носъ, упалъ духомъ и тѣломъ; голодная труппа потеряла кредитъ во мнѣніи публики, тайныхъ патріотовъ для поддержки не оказалось, и храмъ Мельпомены пошелъ вверхъ дномъ, какъ послѣдній день Помпеи! Вотъ вамъ самый вѣрный историческій фактъ изъ нашей жизни, гдѣ я имѣлъ несчастіе быть первымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Чертиковъ. Э! полно такъ-ли? волкъ меня заѣшь! А я, безъ церемоніи скажу вамъ, слышалъ совсѣмъ другое... Вы меня извините, по сторонней ваши же говорили, что, будто вы сами вздумали распоряжаться всѣмъ театромъ, чтобъ быть антрепренеромъ, напослѣдокъ заварили только кашу, перессорили актеровъ, да и уѣхали ко мнѣ, волкъ меня заѣшь!

Губкинъ, (посматривая на него, качаетъ головою). Гмъ! такъ знайте же г-нъ Чертиковъ, если вы не перестанете вѣрить сплетнямъ, такъ въ самомъ дѣлѣ дождетесь, что волкъ васъ заѣстъ! Такъ вы почитаете меня за лгуна, за отъявленнаго аферіста?.. *(будто утираетъ слезы).* Богъ съ вами, г-нъ Чертиковъ! за эти чистыя и горькія слезы вы дадите отвѣтъ тамъ, тамъ!..

Такъ пусть на той всемірной перекличкѣ
Откликнется вамъ Губкина слеза!..

Вы просто съ умысломъ ведете со мной эту тяжелую сцену, желая показать мнѣ, что Макаръ Алексѣичъ Губкинъ вамъ не нуженъ, что вы приняли актера лучше меня... очень хорошо-съ! И такъ позвольте же доказать вамъ на дѣлѣ, что я не интриганъ: пусть вашъ Толчковскій играетъ всѣ мои роли, я уступаю ему всю славу... вмѣсто этого, примите меня въ режиссеры! я берусь завести у васъ чудеса: порядокъ доселѣ небывалый въ провинціяхъ, новый столичный порядокъ. Я напишу геніяльное положеніе артистамъ, возстановлю ихъ утраченную нравственность; всѣ новыя піесы пойдутъ лучше. Я знаю исторію, статистку, хронологію, миѳологію и музыку; не допущу въ піесахъ ни малѣйшаго абахронизма, все буду обставлять помпезно! Ни одинъ актеръ не опоздаетъ на репетицію, напишу положеніе о штрафахъ, ни одной актрисѣ не дамъ умничать, не позволю черезъ-чуръ ни бѣлиться, ни румяниться; ни одной роли не отдамъ безъ подписи, и даже всѣхъ актеровъ

отучу бѣгать въ буфеты и ресторанiи. О, это будетъ дѣло великое! Я берусь завести эту огромную машину, и за все прошу только 600 рублей и бенефесъ въ Курскѣ.

Чертиковъ. Ну вотъ ужь этаго-то, хоть сей часъ волкъ меня заѣшь, немогу сдѣлать! вотъ письмо отъ режиссера, г-на Гнусенки, съ которымъ я уже гораздо прежде васъ заключилъ условiе; онъ, я думаю, сегодня пріѣдетъ.

Губкинъ (съ досадою). Какъ! и тутъ предпочтенiе? О!..

Чертиковъ. Что дѣлать! видно ужь ваша судьба такая, Макаръ Алексѣевичъ.

Губкинъ, (сердясь). О, дурацкая судьба! о, безъязыкiй Гнусенко!.. И ты, пошлое, плюгавое созданье, смѣешь заграждать мнѣ дорогу?.. Конечно! прощайте г-нъ Чертиковъ! сердце мое слишкомъ взволновано... я чувствую какое то дьявольское потрясенiе во всѣхъ членахъ!..

(Изъ Роберта. Речитативъ.)

О пусть театръ вашъ падетъ!
Пусть Губкина проклятье,
Артиста правый гнѣвъ завистниковъ пожретъ!
Чтобъ лопнули теперь всѣ ваши предпрiятья,
Чтобы пропали всѣ вы, безъ изъятья!..
А Губкинъ и безъ васъ, ни гдѣ не пропадетъ.

(Говоритъ во время ритурнеля).

Да, г-нъ Чертиковъ! человѣка съ такимъ талантомъ, какъ я, съ такой женой, какъ моя... примутъ вездѣ!

Поѣду я туда,
Гдѣ голода незнаютъ
Ужь никогда!

О! да еще толи тамъ дѣлается!..

Тамъ часто безъ труда
Денженки наживаютъ...

Иному говорятъ: пошелъ, ты вовсе безъ таланта, а онъ отвѣчаетъ:

Чтожъ за бѣда!..
И я туда отправлюсь съ женою,
Тамъ буду сытъ и принятъ я всегда!
Пусть твой театръ разрушится съ тобою!
Царь вѣчной тьмы задушитъ васъ собою!
И я тогда скажу: ты умеръ, мой собратъ,
Тѣмъ лучше! очень радъ!!.
Колъ слышишь ты мой гласъ,
Прими меня сей часъ!..

Г. Чертиковъ! послѣдній разъ говорю: опомнитесь! безъ меня будете кулакомъ слезы утирать! пропадете, какъ мокрая курица!...

Duetto.

(Allegro изъ оперы: Elisa e Claudio, Меркаданте).

Я прошу васъ, не томите,
Поскорѣй меня примите,
Одолжите!..
Умоляю васъ, рѣшите,
Пустяковъ не говорите;
Чортъ ли въ нихъ!..
Для дѣтей не откажите,
Губкинъ васъ прославитъ въ мигъ!
Ну, а если не возьмете,
На повалъ меня убьете!
Всѣхъ убьете!..
Да и сами пропадете,
Безъ меня не запоете,
Мало, мало наживете,
Просто по міру пойдете!
Еслижъ примете въ актеры,
Или даже въ режиссеры,
Я за всѣхъ похлопочу:
Всѣхъ формально,
Натурально
Здѣсь играть я научу!
И тѣмъ прославиться хочу!..

Вмѣстѣ.

чертиковъ.

Нѣтъ!.. нельзя мнѣ согласиться,
Вы ужъ начали сердиться
И браниться!
Нѣтъ, прощайте, какъ хотите,
Тамъ подите послужите,
Кто васъ звалъ...
Вы за что меня браните,
Развѣ я васъ обругалъ?..
Нѣтъ, пожалуйста подите,
Дураковъ другихъ учите,
Просвѣтите,
А объ насъ не хлопочите.
Насъ ни чѣмъ не удивите
Такъ, прошу васъ, замолчите;
И больнаго не морите...
Страхъ какъ вредно мнѣ, больному,
Горячиться по пустому;
Я хочу лекарство пить...
Съ вами съ дурў
Про микстуру
Я могу совсемъ забыть.
Нѣтъ, надо, надо пропустить...

(Пьетъ лекарство столовой ложкой).

Вмѣстѣ.

чертиковъ.

Всѣ просьбы напрасны,
Для насъ вы опасны,
Артистъ вы ужасный,
Прощайте, прощайте!
Нельзя васъ принять.

губкинъ.

Такъ просьбы напрасны?
И Губкинъ несчастный
Безъ мѣста поѣдетъ блуждать,
За голодъ мой — тамъ вы должны
отвѣчать.

(Губкинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чертиковъ одинъ, потомъ Егорка.

Чертиковъ. Волкъ меня заѣшь, если это не чортъ въ человѣчьемъ видѣ... впрочемъ, не будь онъ только этакимъ сорванцомъ, я бы, можетъ быть, и принялъ его въ мою новую труппу, а то бѣда: съ нимъ неуживешься... Умничаетъ такъ, что не дастъ антрепренеру слова сказать... Къ тому же Толчковскій пишетъ мнѣ, что иногда онъ передъ спектаклемъ подражаетъ великимъ талантамъ, т. е. любитъ, этакъ, для бодрости, промочить горлышко. Странная вещь! говорятъ, что съ незапамятныхъ временъ завелась у артистовъ эта метода, особливо въ нашихъ провинціяхъ... а вѣдь все робость проклятая! робкій талантъ ужъ чего иногда непредпринимаетъ, чтобъ выдержать характеръ роли.

(Изъ Фенеллы).

Сперва вино съ водой, да съ сахаромъ мѣшали,
И дѣлали себѣ для вечера питье...
Таланты робкіе, объ этомъ лишь узнали,
Для бодрости питье составили свое;
И вотъ, я самъ видалъ, какъ шутъ иной хлопочетъ,
Чтобъ горлу отъ игры не дать пересыхать:
Изъ горлышка попьетъ, да такъ свое промочитъ,
Что ни себя, ни роль не въ силахъ поддержать.

Егорка (вбѣгаетъ). Ну, баринъ! кто то пріѣхалъ сей часъ изъ Воронежа; никакъ вашъ новый режиссеръ г. Гнусенко...

Чертиковъ. А! слава Богу! давно бы пора... поди же, пока неприготовлена квартира ему, такъ очисти на время уборную въ театрѣ; онъ не взыщетъ, человѣкъ одинокій. Да гдѣ онъ?

Егорка. Тамъ въ прихожей раздѣвается... Г. Гнусенко! пожалуйте сюда!

Чертиковъ. Милости просимъ. Онъ, говорятъ, умный малый, такъ въ вдвоемъ-то мы сформируемъ труппу на славу, волкъ меня заѣшь!

Егорка, (въ дверяхъ). Пожалуйтесъ... (*пропустивъ, уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чертиковъ и Гнусенко; онъ одѣтъ въ смѣшномъ фракѣ? съ фуражкой и тоненькой тросточкой).

Гнусенко, (говоритъ гнусливо). Поликарпу Ѳедосеевичу...

(Anna Bolena).

Ахъ! мое, сударь, почтенье!..
Къ вамъ я прибылъ на служенье,
И спѣшилъ безъ замедленья,
Режиссерствовать, учить;
И могу актеромъ быть,
Да-съ!
Только надо поощрить!..

ЧЕРТИКОВЪ.

О! не бойтесь! на этотъ счетъ наша публика справедлива:

Кто прямой талантъ имѣетъ,
Поощрять она умѣетъ!

ГНУСЕНКО.

Такъ Гнусенко думать смѣетъ,
Что онъ будетъ награжденъ!..

ВМѢСТѢ.

Тотъ актеръ во всемъ успѣетъ,
Кто за трудъ свой награжденъ.

ЧЕРТИКОВЪ.

Кто прямой талантъ имѣетъ,
Тотъ всегда здѣсь отличенъ!

Чертиковъ. Отъ чего же вы такъ долго ѣхали? волкъ меня заѣшь!

Гнусенко, (заикаясь и прищелкивая). Извините, Поликарпъ Ѳедосеичъ... не-не... подумайте, что-о-о-бъ я съ у-у-у- мысломъ... нѣтъ! если я *что-что*... о-о-о... нибудь такое, и-и-ли другое *что*... то, то, то, пусть мнѣ-нѣ-но-будетъ Богъ знаетъ что... вооо-отъ что!

Чертиковъ. Нѣтъ, я въ васъ увѣренъ, но все таки вы крѣпко замѣшкались... знаете ли вы, что Макаръ Алексѣичъ Губкинъ пріѣхалъ ко мнѣ, и хотѣлъ было вмѣсто васъ опредѣлиться въ режиссеры.

Гнусенко. А-а-а-а!.. знаю, знаю! онъ меня встр-ѣ-тилъ у театра, и и-и-очень учти-ти-ти-во погрозилъ мнѣ ку-ку-кулакомъ.

Чертиковъ. Неужели? ахъ, волкъ его заѣшь! такъ ужь не отъ страха ли вы теперь такъ заикаетесь?..

Гнусенко. Нѣ-нѣ-нѣ-нѣтъ! э-э-э-э-это отъ несчастнаго слу-слу-случая на сценѣ... въ юности моей, бы-бы-бы-бы-

ло страшное при-три-приклю-приклю-ченіе!

Чертиковъ. Вотъ тебѣ на! чтожъ съ вами случилось?

Гнусенко. У-у-у-ужасная с-с-с-с-сцена!!! Однажды я игралъ въ Вол-вол-волшебномъ стрѣлкѣ Са-са-са-саміеля...и когда надо бы-бы-бы-было мнѣ провалиться сквозь землю, то-то-есть: въ люкъ... я сту-сту-стукнулъ ногою, опустился, во-во-вотъ до сихъ поръ... (*показывая на самое горло*) вдругъ, ду-ду-ду-дуракъ плотникъ содвинулъ люкъ, и-и-и-соше-милъ мнѣ горло... я вы-вы-высунулъ языкъ, испугался и-и-и-и-съ тѣхъ поръ не мо-мо-могу плавно говорить.

Чертиковъ. Прошу покорно! Какъ же вы дѣлали условіе, что въ случаѣ нужды будете у меня и роли играть?

Гнусенко. Бу-бу-бу-бу-буду!

Чертиковъ. Помилуйте! по этому вы въ каждой ролѣ будете заикаться.

Гнусенко (мотаетъ головой). Нѣ-нѣ-нѣ-нѣтъ! я бу-бу-бу-буду играть въ о-о-о-операхъ... вы слышали, что въ пѣ-нѣ-пѣ-нѣніи я ни-ни-ни разу не заикнусь.

Чертиковъ (особо). Оплошалъ же я, волкъ меня заѣшь!.. Но вѣдь и въ операхъ надо говорить ясно, толково...

Гнусенко, (улыбаясь, опять мотаетъ головой). Нѣ-нѣ-нѣ-нѣтъ, не надо! Я всегда свою пар-пар-пар-тію дѣлаю съ-съ-съ-съ-съ речитативами, оттого и не замѣтно что я за-за-за-заикаюсь. (*щелкаетъ*).

Чертиковъ. Вотъ что! ну, дѣлать нечего, посмотримъ... прошу же пока принять должность и постараться устроить порядокъ въ труппѣ, послѣ репетиціи я позову актеровъ и отрекомендую васъ. Ну, скажите пожалуйста г. Гнусенко, что вы думаете о Губкинѣ? каковъ онъ на самомъ дѣлѣ?

Гнусенко. Гу-гу-гу-губкинъ? въ ре-въ ре-режиссеры вовсе не годится! Худо пи-пи-пишетъ монтировки... но а-а-а-актеръ Губкинъ... по-по-порядочный... съ-съ-съ-съ-дарованіемъ!..

Чертиковъ. А! но только Толчковскій пишетъ, что онъ безпокоенъ, интригуетъ со всѣми..

Гнусенко. А нѣ-нѣ-нѣтъ, клевета: о-о-о-онъ только, знаете, не-не-не-неклади пальца въ ротъ... лю-лю-лю-битъ хорошія роли-ли-ли... да любитъ окуратно по-по-по-получать жалованье, а то-то-то-а то ничего... развѣ иногда е-е-е-еще любитъ опо-опоздать на пр-пр-пр-пробу, но актеръ не-не-не безполезный.

Чертиковъ. Полно, правда ли?

Гнусенко. Повѣрьте... я, я, я, я нелгу... если я что-что-что нибудь такое, и-и-и-или др-др-пр-пр-другое что... то-то-то пусть мнѣ бу-бу-бу-будетъ Богъ знаетъ что! во-во-во-вотъ что!

Чертиковъ. Ну, да впрочемъ Богъ съ нимъ! а чтожъ, скоро ли Толчковскій пріѣдетъ?

Гнусенко. Се-се-се-сего дня... о-о-о-онъ отсталъ на-на-на одну станцію... какъ-то вы-вы-вы-выскочилъ шкворень, и-и-и-онъ съ телѣжки по-по-по-повалился въ грязную канаву!

Чертиковъ. Вотъ? не ушибся ли онъ?

Гнусенко. Нѣ-нѣ-нѣ-нѣтъ! о-о-о-онъ здоровъ, ка-ка-какъ лошадь! Что бы ни-ни-ни-нибыло, все какъ-какъ-какъ съ гуся вода!

Чертиковъ. Ага! такъ онъ видно молодецъ? Ну, такъ выбирайтесь же изъ телѣги и помѣщайтесь, какъ знаете. А тамъ мы съ вами займемся труппою, и сцена наша какъ разъ придетъ въ цвѣтущее состояніе!

Duetto (Elessire d'amore).

ЧЕРТИКОВЪ И ГНУСЕНКО.

Въ этомъ все дѣло!
Но, чтобъ оно закипѣло,
Вмѣстѣ заставимъ мы смѣло
Все, чтобъ играло и пѣло!
Чтобъ возбудить интересъ,
Поставимъ новыхъ тьму піесъ!..
Чтобъ публика насъ стала посѣщать,
То надо ей все новости давать...
И надо намъ всѣ средства принимать,
Чтобъ насъ она любила — принимать!
(Гнусенко уходитъ).

═

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧЕРТИКОВЪ, ПОТОМЪ ЕГОРКА.

Чертиковъ. Ну, волкъ меня заѣшь, кажется, Гнусенко малый напорядкахъ,

съ головой, жаль только, что безъ языка... впрочемъ, чтожъ за бѣда? пусть себѣ худо говоритъ, лишь бы хорошо дѣлалъ свое дѣло; съ моими актерами онъ смѣло можетъ объяснятьси на распѣвъ, у него голосъ препорядочный.

Егорка (*входитъ*). Ну, Поликарпъ Ѳедосеичъ! къ вамъ пришелъ какой-то ученый гусь, и то же, кажись, опредѣлится въ актерство.

Чертиковъ. Кто такой? волкъ его заѣшь! нынче всякій уродъ паровитъ въ актеры, только вотъ узнаютъ, что антрепренеръ составляетъ новую труппу, такъ отъ этихъ сценическихъ скоросвѣлокъ не будетъ отбою.

Безъ дарованья, безъ познаній
Я видѣлъ много молодцовъ,
Въ одномъ изъ лучшихъ состояній,
Какъ жаждутъ скрыться отъ грѣховъ.
Иной злодѣй недоучился,
Куда? въ актеры паровитъ!
Иной все прожилъ, раззорился —
Пойду въ актеры говорить!
Чиновникъ—чуть въ бѣду попался,
Въ актеры съ горести идетъ!
Купецъ — пропалъ, проторговался,
И тотъ ужь въ актеры ползетъ!..

Егорка. Вотъ, сударь, и этотъ гусь тула же лѣзетъ.

Чертиковъ. Не надо! не надо! не пускай!..

Егорка. Да ужь онъ вошелъ, вотъ онъ.. (*пропустивъ Звонаревскаго, уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чертиковъ и Звонаревскій. (Онъ одѣтъ въ длинноволосомъ китайчатомъ сюртукѣ, въ рыжемъ длинноволосомъ парикѣ и говоритъ тоненькимъ голоскомъ. Слова О. Г. и Ч. произноситъ очень рѣдко).

Чертиковъ. Это что за фигура. Что вамъ угодно, государь мой? откуда и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали?..

Звонаревскій. Я семь студентъ Ѳеофанъ Звонаревскій, по колѣ злыхъ судебъ не окончившій курса въ духовной академіи, и пріиде азъ грѣшный въ домъ твой и воздаеши, въ часъ скорби моея, я многоглаголивое высокопочитаніе г. Чертикову!.. (*низко раскланивается, не сгибая шеи*).

Чертиковъ, (*садясь въ кресло*). Всенай-и-пре-покорнѣйше благодарю васъ г. студентъ; (*особо*) этихъ молодцовъ въ нашей сторонѣ въ всякомъ съѣстномъ заведеніи встрѣтишь! (*ему*) Чего же вамъ отъ меня хочется? вы меня обезпокоили, право, не во-время, извините...

Звонаревскій. Кланяюсь низко, аки твореніе непотребное, и прошу меня о принятіи горегорькаго во веселую паству твою... (*нѣсколько поклоновъ*). Окажи человѣколюбія твоего пучину и благодати глубину...

Чертиковъ. Какъ! вы хотите въ актеры? да развѣ для этого вы готовились въ семинаріи?

Звонаревскій. Увы! бился я многія лѣта, какъ труженикъ неусыпный, но не познаша премудрости книжныя, отпущенъ по приказу съ экзекуціей,—и погрузишася въ суеты суетствій міра сего.

Чертиковъ. Помилуй, любезный г. труженикъ, такъ ты съ горя вздумалъ поступить на сцену? да развѣ у тебя есть талантъ, или призваніе къ искусству?

Звонаревскій. Есть! По бѣдности моей и сокрушенію я давно возымѣлъ сіе вышерѣченное призваніе... такожде не обойденъ и способностями.

Чертиковъ. Вотъ что! Ну, а какъ ты да неимѣешь никакихъ способностей, т. е. ни страсти, ни талантовъ?

Звонаревскій. Помилуйте! да я еще съ малолѣтства въ семинаріи искусился сею страстію, читая о древнихъ въ Россіи духовныхъ комедіяхъ, которыя представлялись въ присутствіи великихъ людей, покровителей искусства... Неоднократно чтеніемъ своимъ приводилъ я въ умиленіе своихъ однокашниковъ, — гласомъ великимъ исторгалъ я слезоточивые источники и представлялъ предъ очами всѣхъ съ звѣрообразнымъ совершенствомъ ту комедію, когда *царица Юдиѳь царю Олоферну голову отсѣкла*... Нынѣ же, по возрасту и увольненіи изъ семинаріи, изучилъ я всѣхъ трагикомическихъ современниковъ: отъ Тре-

діаковскаго—до Бахтурина включительно; постигнулъ всѣ добродѣтельныя и бѣсовскія лицедѣйствія, опробовался самъ во многихъ драматургическихъ стихокропаніяхъ, и молю васъ, грѣшный — допустить мя произвесть раздирающую декламацію!

Чертиковъ. Ну, такъ! и этого ждалъ! нѣтъ, нѣтъ, непужно! твой выговоръ вовсе негодится для театра.

Звонаревскій. Негодится? грѣшно осуждать, не сдѣлавъ надлежащаго экзамена.

Чертиковъ (*съ досадою*). Да и безъ экзамена вижу, что ты ни куда негодишься, волкъ меня заѣшь!

Звонаревскій, (*поднявъ руки*). Не изрыгайте ругательствъ, а позвольте умилительнымъ чтеніемъ исторгнуть изъ очесъ вашихъ горькія источники...

Чертиковъ. Не позволю.

Звонаревскій. Хотьединый монологъ...

Чертиковъ. Ни одного!

Звонаревскій. Хоть четверть монолога...

Чертиковъ. Нѣтъ, нѣтъ, прощай любезный; мнѣ этакихъ чтецовъ и даромъ ненадо; ты развѣ только и годишься играть въ Недорослѣ Кутейкина, но для одной роли принимать невозможно. Прощай, прощай, поди-ка лучше доучивайся ся, гдѣ началъ.

Звонаревскій (*съ горестію*). Такъ вы меня грѣшнаго не возьмете?

Чертиковъ. Да отстанетъ-ли онъ? Говорятъ тебѣ, что нѣтъ, ступай! оставь меня въ покоѣ!

Звонаревскій, (*вздохнувъ тяжело*). О Господи! смертельнымъ приговоромъ вы поразили окаяннаго!.. ни куда-бо-еси годнымъ не оказанася!

(Романсъ.)

Отказу вашему и злобѣ,
Не силенъ я противустать...
Чтожь предстоитъ моей утробѣ?
Во адѣ страшно вопіять!
Войду въ толпу многообразну,
И въ столь прежалкомъ житіи,
Я во грѣсѣхъ моихъ погрязну,
Утопну — въ горькомъ питіи!..

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Чертиковъ, потомъ Звонаревскій (*въ окнѣ.*)

Очень жаль, мой милый.... однако, замкну дверь на всякій случай, а то мнѣ не дадутъ и лекарства допить.... Этакимъ не доученымъ хватамъ въ привычку утопать въ горестномъ положеніи, — эта наука не требуетъ строгаго экзамена.... я видалъ какъ они на ярмаркахъ подвизаются, только подавай....

Звонаревскій, (*высунувъ голову въ не большое окно средней двери*). Допустите хоть лампы зажигать!..

Чертиковъ. Опять! не нужно; у меня ламповщиковъ много, волкъ тебя заѣшь!

Звонаревскій. Опять изрыгаете ругательства!

Чертиковъ. Да! ты мнѣ налоѣлъ, недоучка!

Звонаревскій. Вы воздадите за меня отвѣтъ грозному судіи!..

Чертиковъ. Егорка! прогони въ шею этаго осла!

Звонаревскій. Какъ, посрамлять ученую потылицу!..

Чертиковъ (*кричитъ*). Егорка! въ три шеи его! охъ, еслибъ я не былъ боленъ!...

Звонаревскій (*очень громко*). Да низвергнется же на твои грѣшныя комедіи всякая кара и погубленіе!..—ой! ой! (*скрывается*).

Чертиковъ (*вскакиваетъ*). Ахъ, ты пустоголовый звонарь!

(*За дверью слышенъ голосъ Егорки*).

Ахъ, ты рыжеволосая образина! постой, вотъ я тебя!... вонъ!..

Чертиковъ. Хорошенько его! ха! ха! ай да Егорка!..

Егорка (*въ окнѣ*). Баринъ! пріѣхалъ кто то еще изъ воронежскихъ ... никакъ г-нъ Толчковскій.. отоприте....

Чертиковъ. А наконецъ-то я дождался его!.. (*отпирая дверь*) Очень радъ; говорятъ, постъ важно, собака! эй, Егорка! не пускай никого, пока не кончатъ въ театрѣ репетиціи.... а если прибѣжитъ опять Губкинъ, скажи, чтобъ завтра пришелъ.

Егорка. Слушаю-съ!

Чертиковъ. Зови же скорѣй, жданнаго

гостя, волкъ меня заѣшь!.. говорятъ, что онъ поетъ совершенно на италіянскій фасонъ; тѣмъ лучше, онъ и мнѣ откроетъ свою методу.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Чертиковъ и Толчковскій: толстая фигура въ сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ.

ТОЛЧКОВСКІЙ.

(*Toderato*)

2. Такъ, я зналъ, что будетъ можно
Планъ мой въ дѣйство произвесть!..
Только надо осторожно
Мнѣ въ чужіе сани сѣсть!..
Чтобъ эффектецъ произвесть... а?

(*Allegretto*)

Я не напрасно
Пою всечасно,
До сей поры....
Растаетъ камень,
Увидя пламень
Моей игры!....
Невольно мной
Партеръ плѣнился,
И удивился
Игрѣ такой!..
Антрепренеры
И всѣ актеры
Меня глядятъ;
Всѣ мнѣ дивятся,
И всѣ боятся
Моихъ рулладъ!...
За нихъ ласкаютъ
И принимаютъ,
И вызываютъ,
Стучатъ, кричатъ,
О! какъ я радъ! — а?

Чертиковъ (*особо*). Ахъ, волкъ меня заѣшь! да онъ въ самомъ дѣлѣ пришепетываетъ, какъ говорилъ Губкинъ.... Здравствуйте г. Толчковскій!.. (*особо*) да никакъ еще и на веселѣ....

Толчковскій. (*баситъ и поетъ безъ музыки речитативами*).

Здравствуйте, почтеннѣйшій!
Другъ мой милый, Чертиковъ!..
Какъ вы мой любезнѣйшій,
Въ Курскѣ пожниваете?.... — а?

Чертиковъ. Охъ, худо, батюшка.... тъ, какъ видите, хвораю, попиваю икстуру, да какія то горькія капли.

Толчковскій (*весело*). Э! къ чорту микстуру! (*бьетъ его по плечу*) живите по нашему.

Ни капли въ ротъ не надо брать микстуры.
Вы пейте то, что пить намъ суждено!—а?

Чертиковъ. Да что же вы пьете, когда крѣпко захвораете?

ТОЛЧКОВСКІЙ.

То, что всего вкуснѣй, полезнѣй для натуры:
Днемъ, ночью, вечеромъ я пью одно вино! — а?

Передъ завтракомъ, передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда, т. е. просто и *до*, и *во* и *по*!

Чертиковъ. Какъ, волкъ меня заѣшь!.. По этому вы частенько бываете того....

ТОЛЧКОВСКІЙ.

(Речитативомъ).

Частенько, батюшка, частенько,
Живемъ мы веселенько!... — а!

Чертиковъ. А, такъ я этого не слыхалъ за вами... ну, а если вамъ частенько у меня играть понадобится?..

Толчковскій. Чтожь за бѣда!

Частенько и ролей не знаемъ....
За то къ суфлеру прибѣгаемъ!
Не въ тонъ частенько запѣваемъ
Когда частенько попиваемъ!.. —а?

Чертиковъ, (*особо*) Ахъ, онъ—волкъ его заѣшь! Какого же я гуся выписалъ!.. Помилуйте, почтеннѣйшій, въ моей труппѣ этакихъ проказъ пока еще не водится...

Толчковскій, (*хохочетъ*). Не водится? Чего-жь вы смотрите? это не хорошо! впрочемъ успокойтесь....

Какъ только мы у васъ играть начнемъ,
Какъ водится, все это заведемъ! — а?

Чертиковъ. Нѣтъ, нѣтъ, ужь пожалуйста безъ этаго, — я этаго боюсь, какъ огня! я хочу мою новую труппу поставить на благородную ногу.

Толчковскій (*съ большою свободой*). Ха! ха! ха! мало ли что вы захотите, да это невозможно, особливо на свободномъ провинціяльномъ театрѣ. При томъ, артисты обязаны копировать все, что видятъ, брать съ натуры, а я видѣлъ, что въ провинціяхъ люди и на благо-

родной ногѣ часто теряютъ равновѣсіе; стало быть самая простота правовъ третребуетъ, чтобъ всѣ мы жили припѣваючи! Нашъ братъ, талантъ, привыкъ кутить, потому что ѣздитъ часто по ярмаркамъ. Чортъ возьми! вѣдь надо видѣть эту кочующую жизнь, объѣденье батюшка, объѣдѣнье! Бывало наймемъ троекъ тридцать, взвалимъ на тележки весь храмъ Мельпомены и потащимъ на ярмарку; вотъ раздолье-то! версты на двѣ растянемся по дорогѣ; потѣха!..

Ѣдятъ и пьютъ, кричатъ и распѣваютъ,
И содержателя чертовски донѣжаютъ!—а!

А какъ вздумаемъ забраться на ночлегъ въ деревни степныхъ помѣщиковъ, то отъ насъ, какъ отъ татарскаго нашествія, они всѣ ворота и окна на запоръ; или высунутъ рожи да кричатъ: *«ото проклятующіе комедіянты ѣдутъ!..* ну, такъ можно ли при такой жизни держаться на благородной ногѣ?

Чертиковъ. Однакожъ, я настою на томъ, чтобъ моя труппа хоть немного походила на столичную.

Толчковскій (*сердито*). Пустое! не по вашей головѣ такія затѣи! мы не позволимъ вамъ портить наши чистосердечные нравы! Къ чему наша кочующая братія привыкла, такъ самъ чортъ не отучитъ, не только вы г-нъ Чертиковъ.

Чертиковъ, (*обидясь*). Помилуйте, вы забываете....

Толчковскій. Э, да что спорить о пустякахъ, слушай-ко дѣло Поликарпъ Ѳедосеевичъ...

Подите-ка свою конторку отоприте,
И ямщику двѣ сотни заплатите! — а!

Чертиковъ. Какъ такъ? это что значитъ?

ТОЛЧКОВСКІЙ.

Да такъ; хоть на проѣздъ ты мнѣ впередъ прислалъ,
Но до отъѣзда я все чисто прогулялъ! — а!

Чертиковъ. Ого! такъ вы, какъ я вижу, бѣдовый!..

ТОЛЧКОВСКІЙ.

Бѣдовый, батюшка, бѣдовый!
И погулять, какъ видите, готовый!..—а!

Чертиковъ (*особо*). Ахъ, чортъ возьми! какъ я обманулся!.. (*ему*) Еслибъ я зналъ, что вы меня надуете, то и не подумалъ бы заключать съ вами условія.

Толчковскій (*съ крикомъ*). Что? что? вы кажется начинаете унижать меня?.. чортъ возми! такъ вы останетесь безъ актера, я вѣдь преотчаянный, сей часъ уѣду!

Чертиковъ. Что жъ! съ Богомъ! кто кутитъ, я за тѣхъ платить не намѣренъ. Да у меня же и есть актеръ на ваши роли.

Толчковскій. Что? на мои роли?

Кто смѣетъ здѣсь соперничать со мной?
Кто дерзкій сей? что за уродъ такой?..—а?

Чертиковъ. Да просто Макаръ Алексѣичъ Губкинъ!

Толчковскій. Какъ, чортъ возьми! неужели Губкинъ здѣсь? — а!

Чертиковъ. Да, сударь! онъ опредѣляется, и я не погонюсь за вами.

Толчковскій (*громко*). Нѣтъ, вы его не примете, я знаю! — а?

Чертиковъ, (*начинал сердиться*). А какъ приму, волкъ меня заѣшь! Что вы скажете?

Толчковскій. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! — а?

Чертиковъ. Ну, такъ вотъ на зло же вамъ, приму сегодня!

Толчковскій. Не примете! нѣтъ, нѣтъ! — а?

Чертиковъ. Приму! приму, а васъ прошу ѣхать куда угодно, мнѣ такихъ отчаянныхъ не надо. Эй! Егорка! Егорка!

Егорка (*входитъ*). Здѣсь! ну, баринъ, репетицію Фрадіяволо только что кончили, то всѣ нахлынули сюда, чтобъ познакомиться съ г. Толчковскимъ!

Чертиковъ. Не нужно! скажи всѣмъ, что я принялъ Губкина, волкъ меня заѣшь!

Егорка. Да вотъ почти вся труппа идетъ сюда....

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Актеры, актрисы и хористы.

Чертиковъ. Господа, поздравляю васъ! я принялъ Макара Алексѣевича Губкина!

(*Andante*).

Нѣтъ, нѣтъ, Поликарпъ Осдосеичъ,
Со мною нельзя такъ шутить:
Коль служитъ Макаръ Алексѣичъ,
И мнѣ ужь придется служить;
Предъ всѣми я долженъ признаться,
Что съ Губкинымъ мы заодно:
Я такъ съ нимъ успѣлъ побрататься,
Что насъ разлучить мудрено!
Хоть рожи у насъ и не схожи,
Душа же — одна пополамъ.
И оба мы лѣземъ изъ кожи,

(Губкинъ снимаетъ костюмъ Толчковскаго и остается въ своемъ видѣ).

Чтобъ только понравиться вамъ!...

(*Allegro*).

(Во время ритурнеля всѣ кричатъ).

Ба! это кто? Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ! браво! вотъ молодецъ!

Чертиковъ. Какъ, волкъ меня заѣшь!.. такъ ты меня дурачилъ? ахъ, ты варваръ!

ГУБКИНЪ (съ чувствомъ).

Ей Богу не старался
Я васъ розогорчить;
И только добивался
На сцену поступить!

ХОРЪ.

Онъ можетъ насъ учить!

ЧЕРТИКОВЪ.

Согласенъ! такъ и быть!..

ГУБКИНЪ, (рекомендуясь).

Такъ просимъ насъ любить!...

(Обращается къ публикѣ).

(*Presto*).

Но за студента
Хоть полпроцента,
Въ знакъ комплимента,
Авторъ просилъ....
Яжъ не для славы
Нынче игралъ,
А для забавы
Всѣхъ представлялъ!
Всѣ представленья,
Всѣ превращенья,
Вамъ въ угожденье
Рады играть....

ВСѢ.

Васъ привлекая, всѣмъ угождать;
Если же Губкинъ могъ васъ занять,
Въ день повторенья просимъ опять!

ЛѢТОПИСЬ
РУССКАГО ТЕАТРА.

1841 ГОДЪ.

Мѣсяцъ Январь.

Коріоланъ, драма Шекспира, въ 4 актахъ.
Путаница, водевиль, въ 1 д., передѣланный съ французскаго П. С. Ѳедоровымъ.
Тарантелла, лирическая сцена И. Мятлева.
Молодой человѣкъ въ 60 лѣтъ, водевиль въ 1 д., переводъ съ французскаго.
Братья-враги или Мессинская невѣста. Трагедія въ 3-хъ д., въ стихахъ, соч. Шиллера.
Женскій умъ лучше всякихъ думъ. Комедія въ 1-мъ д., Альфреда-де-Мюссе.
Подставной и Отставной. Водевиль въ 2-хъ д.; перев. съ французскаго.
Разсказъ г-жи Курдюковой о путешествіи ея за границу.
Зятюшка, водевиль въ 1-мъ д.; перев. съ франц. Д. Ленскаго.

Судьбѣ вздумалось поставить меня въ *критическое* положеніе, т. е. заставить писать театральныя критики; а съ судьбой спорить не станешь: она вѣдь наша общая начальница, мы ея слуги, а въ службѣ нѣтъ отговорокъ! И такъ дайте руку, любезные читатели, будемъ жить мирно и дружелюбно; будемъ бесѣдовать скромно и откровенно. Иногда (обѣщаю вамъ быть чувствительнымъ) поплачемъ надъ водевилемъ, которымъ авторъ, можетъ быть, хотѣлъ разсмѣшить насъ; иногда весело посмѣемся надъ трагедіей, которою авторъ хотѣлъ тронуть наше чувствительное сердце. Руку, вашу руку, читатели! Жмите се хорошенько, только отъ души, хоть бы отъ того она распухла и лишилась способности дѣйствовать. Небойтесь: я и лѣвой писать умѣю. Начнемъ же бесѣдовать откровенно.

Вы вѣрно согласитесь, что 1840 годъ прошелъ. Разносщики афишъ, швейцары разныхъ клубовъ, русскихъ, англійскихъ и американскихъ, принесли къ вамъ поздравленія съ новымъ годомъ, проникнутыя поэтическимъ жаромъ и желаніемъ всего того, чего вы сами себѣ желаете; значитъ нѣтъ сомнѣнія, что 1840 годъ прошелъ..... Много, очень много въ продолженіи его случилось замѣчательныхъ происшествій. Были такія, которыя годятся для водевилей современниковъ; такія, изъ которыхъ потомство будетъ дѣлать драматическія фантазіи; даже такія, изъ которыхъ, можетъ быть, я комедію сдѣлаю..... Помните ли вы то почтенное время, когда турецкій султанъ дрался съ египетскимъ пашею, а Сѣверная Пчела хвалила Пантеонъ? Когда Сынъ Отечества брался опередить Европу просвѣщеніемъ и невыносимо отставалъ книжками. Наконецъ помните ли вы тотъ торжественный вечеръ, когда водевиль г. Л. Л. «Выжигинъ», нелѣпѣйшее произведеніе литературы русской, представлялся въ первый и послѣдній разъ. То

была минута великая и ужасная: онъ падалъ, а его поднимали — на смѣхъ; онъ кончался въ предсмертныхъ судорогахъ, а ему не дали умереть спокойно: шиканье было умилительное..... Возобновите этотъ вечеръ въ своей памяти, тѣмъ болѣе, что водевиль, къ сожалѣнію, возобновленъ не будетъ. Помните-ли вы все это? То было недавно; почти вчера, все въ прошломъ году.... И чтожъ теперь? Турки поморились, а на Пантеонѣ подняла перо Сѣверная Пчела; Сынъ Отечества переродился, и не отстаетъ, а идетъ впередъ... Какъ измѣнчивъ свѣтъ! Какъ измѣнчивы люди! Какую грустную думу наводятъ подобныя воспоминанія!...

Но утѣшьтесь, почтенные читатели! Все въ жизни сей бренно! Старый годъ прошолъ, и очень хорошо сдѣлалъ: въ немъ было такъ много политическихъ бурь и плохихъ бенефисовъ! Когда нибудь мы поговоримъ о нихъ, а теперь Богъ съ ними. «Послѣ дождя всегда бываетъ вёдро» говоритъ теорія вѣроятностей, и вотъ почему мы не должны отчаяваться за 1841 театральный годъ... Утѣшимся, и посмотримъ, какъ онъ начался и предвѣщаетъ ли начало его что нибудь хорошее?...

Первый бенефисъ въ 1841 году былъ В. А. Каратыгина. Піесы, выбранныя г. Каратыгинымъ, *почти* всѣ заслужили общее одобреніе; одна изъ нихъ была даже истинно прекрасна. Если я скажу вамъ, что она: «Коріоланъ» Шекспира, то въ похвалу ей почти нечего будетъ прибавить, потому что Шекспиру такъ же трудно было написать дурную піесу, какъ автору «Ивана Выжигина» хорошую. Можно пожалѣть объ одномъ, что созданіе Шекспира явилось у насъ черезъ-чуръ не вполнѣ, — въ четырехъ актахъ, вмѣсто пяти; — въ видѣ значительно искаженномъ незначительными перемѣнами и сокращеніями... Впрочемъ, ничего, рѣшительно ничего отъ того не произошло вреднаго. Отъ исключенія цѣлаго акта драма сдѣлалась только нѣсколько неполятною, въ строгомъ смыслѣ слова; дѣйствія многихъ лицъ сдѣлались какъ-то безотчетны, какъ въ мелодрамахъ новѣйшихъ французскихъ драматуровъ; причина своевольства народныхъ трибуновъ и уступчивости сенаторовъ стала неудовлетворительна. Впрочемъ, вѣдь это давно было; кому нужно знать почему такъ было? можетъ быть, просто народъ-то вздумалъ отъ скуки позабавиться!

Но мы ни сколько не должны винить въ томъ г. Каратыгина. Какъ переводчикъ или передѣлыватель (право, не знаю что вѣрнѣе: объ этомъ говорили и печатали нѣсколько разъ противное) *для сцены*, онъ сдѣлалъ все, что могло способствовать успѣху его роли на сценѣ.... Вообще въ представленіи, гдѣ темныя мѣста, (отъ сокращеній), безпричинныя слѣдствія (отъ выпуска цѣлыхъ явленій) сглаживаются и поясняются нѣсколько игрою актёровъ, такой переводъ имѣетъ достоинство, но для чтенія онъ рѣшительно не годится. На сценѣ вы устремляете все свое вниманіе на лицо, которое васъ преимущественно занимаетъ, и потому мало обращаете вниманія на побочныя обстоятельства и лица второстепенныя. Въ чтеніи, напротивъ, вы захотите обнять драму вполнѣ, повѣрить дѣйствія вашего любимаго лица съ ходомъ событій. Коріоланъ, въ томъ видѣ, въ какомъ игранъ, въ чтеніи разочаруетъ васъ, введетъ васъ въ заблужденіе, и, (чего Боже сохрани)! заставитъ васъ сомнѣваться въ Шекспирѣ... Нѣтъ, нѣтъ! нарочно предупреждаю васъ, что тутъ не Шекспиръ виноватъ.... Погодите, можетъ быть, скоро явится у насъ *полный* переводъ «Коріолана» вѣрный, отчетистый, изящный, — тогда вы увидите, какъ далеко нынѣшнему Коріолану до шекспировскаго. Покуда, чтобъ вы могли составить себѣ идею о Коріоланѣ, я разскажу вамъ его содержаніе...

Кай-Марцій, знаменитый римскій патрицій, оказалъ мужествомъ и великодушіемъ безсмертныя услуги отечеству, и зато военачальники и сенаторы римскіе избрали его консуломъ. Но онъ не могъ привять такого званія безъ согласія народа. Герой долженъ былъ унижаться передъ буйной толпой, обнажать грудь и

показывалъ свои священныя раны, просить за нихъ консульства. Коріоланъ, презиравшій чернь за ея наглость и своевольство, не хотѣлъ вполнѣ покориться такому униженію и пренебрегъ принятымъ обычаемъ. Чернь, давно озлобленная тѣмъ, что онъ подалъ совѣтъ въ сенатѣ не сбавлять цѣнъ на хлѣбъ, пользуясь этимъ случаемъ, провозгласила его изгнаннымъ изъ отечества.. Коріоланъ, чрезвычайно пылкій и раздражительный, вскипѣлъ гнѣвомъ и поклялся отмстить. Онъ бѣжалъ къ Вольскимъ, врагамъ Римлянъ. Туллъ-Авфидій, начальникъ Вольсковъ, отдалъ ему свое войско и самого себя въ распоряженіе—и вскорѣ Римъ былъ осажденъ, и ждалъ неминуемой гибели... Старый другъ Коріолана, Коминій, умолялъ его сжалиться надъ отечествомъ: онъ остался непреклоненъ.. Наконецъ сама мать Коріолана, римская волчица Волюмнія, жена его, Виргилія, и нѣсколько благородныхъ Римлянокъ пришли умолять за отечество. Коріоланъ принялъ ихъ въ присутствіи Авфидія. Молча, съ потупленнымъ лицомъ, слушалъ герой слова матери; иногда онъ судорожно пожималъ руку встревожснаго Авфидія, и это отнимало послѣднюю надежду у бѣдныхъ римлянокъ. Робкая Виргилія и малолѣтній сынъ Коріолана потворяютъ слова Волюмніи: онъ отворачивается и пожимаетъ руку Авфидія. Наконецъ Волюмнія и всѣ римлянки падаютъ на колѣна. Коріоланъ непреклоненъ, но лицо его стало мрачно: на немъ замѣтенъ отпечатокъ бурныхъ внутреннихъ движеній. Мать плачетъ, простираетъ къ сыну объятія,—и вдругъ этотъ римскій волкъ, этотъ гранитный гордецъ становится человѣкомъ. Быстро, неистово кидается онъ въ объятія матери и плачетъ, и горячо обнимаетъ ее. Римъ спасенъ! Коріоланъ снова уходитъ къ Вольскамъ, гдѣ Авфидій передъ сенатомъ обвиняетъ его во измѣнѣ. Разгнѣванный Коріоланъ оскорбляетъ его наемѣшками и упреками; Авфидій бросается на него, съ толпою ожесточенныхъ Вольсковъ, и Коріоланъ падаетъ мертвымъ...

Отъ драмы перейдемъ къ водевилю, отъ Шекспира къ П. С. Ѳедорову. Нѣтъ сомнѣнія, что нужно быть Шекспиромъ, чтобъ написать такую драму, какъ Коріоланъ; и кстати скажу тутъ другую истину, что нужно быть П. С. Ѳедоровымъ, чтобъ написать такой маленькій и миленькій водевиль, какъ «Путаница». Пелагея Ѳедоровна Клушина, старушка Господня, вмѣсто обыкновенныхъ пяти чувствъ, подъ старость сохранила только четыре, а пятое истратила въ молодости, къ счастію П. С., который ея недостаткомъ достаточно позабавилъ публику. Она была глуха и заставляла повторять себѣ все по два раза, что очень не понравилось зятю ея, Артамону Андреевичу Огрызкову, человѣку степенному и не ревнивому. У жены Огрызкова была сестра не замужняя, похожая на нее, какъ двѣ капли вина или воды, пожалуй, если вы воду больше любите... За эту сестру черезъ письмо сватается молодой офицеръ Веневскій: по вызову Огрызкова онъ пріѣзжаетъ въ ихъ деревню, и тутъ начинается путаница. Офицеръ напоминаетъ Марьѣ Ивановнѣ двухгодичную любовь свою, а она какъ будто все забыла. Онъ говоритъ ей, что за два года, когда она гостила у бабушки, онъ въ садовой бесѣдкѣ, что подлѣ дуба, обстоятельно объяснилъ ей любовь свою, и былъ осчастливленъ взаимностью; она отвѣчаетъ, что помнитъ хорошо и садъ, и бесѣдку, и дубъ—только его не помнитъ. Веневскій въ отчаяніи отдаетъ ей назадъ ея письма и уходитъ... Марья Ивановна взглядываетъ на письма, и узнаетъ руку сестры своей, (тожъ Марьи Ивановны), которая теперь за Огрызковымъ. Огрызковъ между тѣмъ допрашиваетъ смущеннаго офицера, и изъ словъ его *кой объ чемъ* призрачно догадывается. Онъ успокоиваетъ друга, а самъ пылаетъ, какъ волканъ, подозрѣніемъ.. При первомъ удобномъ случаѣ онъ спрашиваетъ бабушку: — которая изъ сестеръ гостила у вея назадъ тому два года? Старушка Господня называетъ то ту, то другую — и еще больше бѣситъ Огрызкова, который неистовствуетъ, какъ Отелло. Послѣ нѣсколькихъ пояснительныхъ сценъ путаница благополучно распутывается. Веневскій увѣряется, что женское сердце должно ловить по горячимъ слѣдамъ, а не давать ему двухъ лѣтъ

впередъ, и женится на двойникѣ своей красавицы... Не все ли равно? Имя тоже, отечество тоже, цвѣтъ лица одинаковый... Огрызковъ ничего не узаетъ. и продолжаетъ жить въ мирѣ, здравіи и благоденствіи, осуждая ревность, какъ порокъ гнусный и разрушительный... Въ заключеніе вотъ вамъ куплетъ изъ «Путаницы».

Въ нашемъ мелкомъ городишкѣ
Осторожно надо жить:
Тамъ ходячія афишки
Любятъ сплетни разносить;
Тамъ секретовъ не скрываютъ,
Вздоромъ заняты умы,
Тамъ и то всѣ даже знаютъ,
Что въ умѣ имѣемъ мы.
Тамъ щадятъ другъ друга рѣдко.
Только солнышко взойдетъ,
И къ сосѣдкѣ ужъ сосѣдка
Коробъ новостей несетъ:
«Павла Львовича сыночекъ
Подрался съ секретаремъ;
Утромъ съ сахаромъ кулечекъ
Принесли къ судьѣ тайкомъ;
У Авдотьи Алексѣевны
Былъ въ гостяхъ вчера сосѣдъ;
У Матрены Никодѣвны
Гуся жарятъ на обѣдъ...»
Тамъ хоть умъ и бьетъ баклуши,
Но за то во всѣхъ домахъ—
Языки, глаза и уши
Съ утра до ночи въ трудахъ!..

Была еще дана «Тарантелла» лирическая сцена, которую мы представляемъ на разсмотрѣніе читателей въ «Пантеонѣ». Впрочемъ, намъ кажется странною мысль — давать на театрѣ лирическія стихотворенія, хоть бы ихъ читалъ даже Каратыгинъ. Первое условіе сцены — дѣйствіе, а въ лирическихъ стихахъ его нѣтъ и не можетъ быть. Послѣ этого можно ожидать, что намъ когда нибудь прочтутъ, вмѣсто какой нибудь театральной піесы, цѣлый альманахъ Владиславлева.

Была и еще одна штука въ этомъ бенефисѣ; именно: «Молодой человѣкъ въ шестьдесятъ лѣтъ». Онъ былъ еще довольно молодъ лѣтъ 15 тому, но теперь рѣшительно постарѣлъ, въ немъ былъ когда-то неподражаемъ Рамазановъ; теперь, какъ ни старался г. Каратыгинъ м. повыгладить морщины пятидесятилѣтняго молодаго человѣка, какъ ни подражалъ — неподражаемому—только все не помогло: *стара штука*, успѣхане было.

Великимъ людямъ и великимъ геніямъ часто приходятъ въ голову удивительныя вещи. Это очень естественно: иначе почему было бы въ нихъ удивляться. Но имъ иногда приходятъ въ голову и странныя вещи. Къ числу такихъ вещей отчасти принадлежитъ «Мессинская Невѣста» Шиллера. Ему вздумалось написать новѣйшую драму съ древними хорами, какіе встрѣчаются въ произведеніяхъ Софокла, Эврипида и другихъ греческихъ трагиковъ. Онъ захотѣлъ, чтобы страстямъ и дѣйствіямъ его героевъ вторилъ хоръ,—и исполнилъ свою мысль превосходно. Хоръ есть необходимая принадлежность «Мессинской Невѣсты» и давать драму безъ него—значитъ отбить у нея руки и срѣзать ее съ ногъ.

Или у насъ, русскихъ зрителей, натура особенная, или что другое, только большая часть геніальныхъ произведеній, которыми восхищается вся Европа, наводитъ на насъ зѣвоту и скуку. Неужели мы дальше водевилей гг. Коровкина, Соколова Л. Л. В. В. П.Г. и всѣхъ этихъ азбучныхъ именъ не пойдемъ? Неужели только ихъ произведенія понимать и цѣнить суждено намъ? По крайней мѣрѣ, на нынѣшній разъ публику нашу нельзя осуждать за холодный пріемъ драмы Шиллера. Не только свѣтлыхъ и блестящихъ мыслей Шиллера, но даже счастливыхъ его выраженій въ переводѣ нѣтъ. За то, впрочемъ, переводчикъ снабдилъ ее рифмами, которыя такъ и отзываются въ ушахъ «съ превеликимъ пріятствомъ». Скажите, ради Бога, неужели Шиллеръ безъ достаточной причины и здраваго убѣжденія написалъ «Мессинскую Невѣсту» въ пяти актахъ? Видно что такъ, потому что неизвѣстный переводчикъ сократилъ ее на три. Удивительвая смѣлость! Шиллера, признаннаго геніемъ, писавшаго почти въ нашъ вѣкъ, слѣдовательно и для нашего вѣка, у насъ на Руси поправляютъ, укорачиваютъ, урѣзываютъ, въ 1841 году! Нѣтъ, братъ, 1841 голъ, видно и напрасно на тебя надѣялся: ты такъ же страненъ, какъ и предшествовавшіе твои братья: ты дѣлаешь то, отъ чего будущіе годы покра-

снѣютъ. Г. неизвѣстный переводчикъ! примитесь за *Коцебу*, передѣлывайте его. какъ хотите; или киньтесь переводить трескучія французскія драмы, но ради Бога оставьте въ покоѣ Шекспировъ и Шиллеровъ! Вѣдь вы величайшее зло дѣлаете: вы вводите въ заблужденіе цѣлую россійскую публику! Избави васъ Богъ отъ такой «невѣсты», любезнѣйшій читатель, а чтобъ вамъ было это не такъ трудно, то я разскажу вамъ содержаніе...

Мессинскій Князь, (а не царь, какъ сказано въ аффишкѣ; въ ней для того такъ сказано, чтобъ показать до какой степени переводчикъ силенъ въ нѣмецкомъ языкѣ), умеръ. Послѣ него остались два сына, непримиримые враги, и мать ихъ княгиня, (а не царица). Она, предвидя отъ правленія двухъ враждующихъ сыновей бѣдствія народа и частыя междоусобія, призвала ихъ къ себѣ и помирила. Они поклялись быть вѣчно друзьями, и вмѣстѣ мирно править Мессиною. Вскорѣ оба брата взаимно открываютъ другъ другу, что они влюблены, не сказывая въ кого. Оба они просятъ согласія матери на женитьбу и получаютъ его. Мать открываетъ имъ, что у нея нѣкогда была дочь, которую она удалила въ монастырь, потому что покойному Князю привидѣлось во снѣ, что дочь будетъ причиною погибели всего ихъ дома, и онъ намѣревался умертвить ее. Оказывается, что братья влюблены въ эту самую дѣвушку, которую зовутъ Беатрисой, (а не Беатриксой). Но братья ничего не знаютъ. Младшій, донъ Мануилъ, похищаетъ Беатрису, которая его любитъ; старшій, донъ Цезарь, застаетъ ихъ вмѣстѣ и, принявъ брата за измѣнника, убиваетъ его. Тутъ только открывается ему страшная истина. Видя себя причиною гибели всего своего дома, онъ въ отчаяніи поражаетъ себя кинжаломъ и падаетъ мертвымъ. —При талантѣ Шиллера такого сюжета очень достаточно, чтобъ поиграть на всѣхъ чувствительныхъ струнахъ сердца человѣческаго, заставить его страдать и радоваться съ своими героями, и довести его до высочайшей раздражительности. Въ переводѣ драма ничего не производитъ ни на умъ, ни на сердце. Въ заключеніе скажемъ: да спасетъ насъ Аллахъ отъ подобнаго россійскаго *переведенія* драмъ Шиллера!!

О водевилѣ *Отставной и Подставной* можно сказать, что на нашей сценѣ онъ теперь дѣйствительно *отставной*, и что вмѣсто его необходимо нуженъ *подставной*, котораго мы и ждемъ отъ неизвѣстнаго переводчика.

Говоря о «Зятюшкѣ» г. Ленскаго, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе. Въ 1839 году явился въ Петербургѣ г. Коровкинъ и произвелъ множество плохихъ водевилей, сюжеты для которыхъ бралъ изъ французскихъ піесъ и повѣстей, разговоры цѣликомъ выписывалъ оттуда-же, а имена дѣйствующихъ лицъ сочинялъ самъ. Испытавъ кораблекрушеніе своего остроумія на петербургской сценѣ, онъ *удалился* въ Рыбинскъ; ставилъ тамъ свои піесы, и писалъ къ г. Л. Л., испытавшему такое же кораблекрушеніе, взгляды на ярмарочныхъ представителей своихъ піесъ. Всѣхъ актеровъ безъ разбора называлъ онъ *геніями*, которые, впрочемъ, робѣли въ присутствіи его, г. Коровкина. Достовѣрно извѣстно, что ни актеры рыбинскіе, ни публика *не испугались* г. Коровкина.... Испытавъ въ Рыбинскѣ кораблекрушеніе подобное первому, г. Коровкинъ, слѣдуя своей благоразумной методѣ, уѣхалъ въ Москву. Изъ Москвы онъ снова началъ писать письма къ г. Л. Л., и въ нихъ-то недавно произнесъ, что въ куплетахъ водевилей г. Ленскаго находитъ *высокое литературное достоинство*. Спѣшу увѣрить читателей, что даже самъ г. Ленскій такого достоинства въ нихъ не думалъ отыскивать. Такая похвала хуже брани, потому что доказываетъ какъ *много* понимаетъ г. Коровкинъ то, о чемъ говоритъ. Мы никакъ недумаемъ, чтобъ въ куплетахъ г. Ленскаго было *высокое литературное достоинство*, (его и не нужно въ водевилѣ), но съ удовольствіемъ считаемъ ихъ большею частію очень милыми и удачными, и всегда готовы дать въ своемъ Репертуарѣ мѣсто такимъ піесамъ, какъ «Зятюшка» «П. С. Мочаловъ въ провинціи» и др. «Зятюшку» мы скоро напечатаемъ

и тогда читатель можетъ судить о немъ. Принятъ онъ былъ публикою и въ Москвѣ и въ Петербургѣ хорошо..

Еще дана была уже игранная давно піеса: «Женскій умъ, лучше всякихъ думъ». На сей разъ она давалась очень кстати: «Женскій умъ» вышелъ дѣйствительно «лучше всякихъ думъ» автора «Подставнаго и Отставнаго», переводчика «Мессинской невѣсты», и даже отчасти самаго г. Ленскаго. — До свиданія, любезные читатели; поздравляю васъ съ закрытіемъ театровъ и открытіемъ концертныхъ залъ.

Н. Н.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ТЕАТРЪ ВЪ САРАТОВѢ.

(Письмо къ редактору Пантеона.)

Ты, которому Тальони, Аланы, Каратыгины, Серве и Вьётаны необходимы, какъ воздухъ, вѣрно думаешь, что судьба забросивъ друга твоего *въ глушь, въ Саратовъ*, сдѣлала его несчастнѣйшимъ изъ людей; что жизнь въ провинціи несносно скучна, убійственно монотонна. О, какъ ты ошибаешься, мой другъ! Она, какъ и все въ этомъ мірѣ, имѣетъ свою хорошую сторону. Нынѣ, благодаря Бога, и въ провинціи можно найти людей образованныхъ, людей, съ которыми можно обмѣняться мыслью и чувствомъ. Поищи только и—вѣрно найдешь. Къ довершенію удивленія, скажу, общество наше не велико, но зато дружно, вопреки вообще принятому мнѣнію о провинціяльныхъ обществахъ.

Но вотъ что заставитъ тебя улыбнуться; у насъ въ Саратовѣ есть театръ; да театръ, и не думай, чтобъ il Signor Impessario или по нашему, просто — *антрепренеръ* подчивалъ насъ какимъ нибудь старьемъ, какою нибудь вѣтошью, напротивъ, онъ ласкаетъ намъ все, что только есть новѣйшаго; ты пишешь піесу и чрезъ полтора мѣсяца ее разыгрываютъ на саратовской сценѣ. Театръ абонированъ на Пантеонъ и Репертуаръ, сверхъ того изъ Москвы, а большею частію изъ Нижняго-Новгорода доставляются ему партитуры новыхъ оперъ и водевилей, и козіи декорацій и костюмовъ, съ рисунковъ брата извѣстнаго комика Живокини, содержателя тамошняго театра и человѣка съ талантомъ: ты его хорошо знаешь; онъ ученикъ знаменитаго художника и превосходнаго воспитателя лѣтей — І. И. Чермака.

Въ театральной залѣ, очень опрятной, помѣщается свободно болѣе 300 человѣкъ, и бенефиціантъ собираетъ по 1000 р., а иногда и болѣе. Это, какъ ты видишь, не совсѣмъ дурно,— но вотъ что очень дурно: оркестръ у насъ немножко подгулялъ и, не взирая на удары смычкомъ, которые maestro di Capella щедро расточаетъ на право и на лѣво по головамъ скрыпокъ, флейтъ, валторнъ и проч., оркестръ беретъ иногда ноты неслыханныя.

Но это въ сторону, и въ театръ можно ѣздить не безъ удовольствія; я, по крайней мѣрѣ, рѣдко пропускаю представленіе; водевили, напр., сходятъ съ рукъ очень, очень удовлетворительно. Вспомни, что Щепкинъ началъ славное поприще свое на бѣдной сценѣ провинціяльна-

го театра и ты повѣришь, когда скажу тебѣ, что и въ труппѣ саратовскихъ актеровъ найдутся люди съ талантомъ. Ревизоръ «Гоголя, твой» «Девятижененецъ,» Женихъ на расхватъ и Хороша и дурна—Ленскаго, смѣло увѣрю тебя, идутъ здѣсь не хуже, чѣмъ у васъ въ столицѣ, хотъ у насъ нѣтъ ни Мартынова, ни Н. В. Самойловой. Даже Станиславъ (Michel et Christine) доставилъ мнѣ удовольствіе, а эта піеса восходитъ уже до области драмы. Твои—«Карета» и «Студентъ, артистъ» даются здѣсь очень удачно. Актеръ Косяковскій, занимающій роль Губкина, съ пріятнымъ голосомъ и достаточнымъ знаніемъ музыки соединяетъ вѣрную игру. Въ этой піесѣ онъ очень смѣшонъ, но смѣшонъ не фарсами, и вообще онъ играетъ очень естественно и во многихъ роляхъ напоминаетъ мнѣ Hervet.

Порецкій также очень хорошо играетъ комическихъ любовниковъ и оригиналовъ, а *Залесскій* рѣшительно хорошъ въ роляхъ Мартынова и Живокини.

Но за то драмы и трагедіи даютъ здѣсь, нечего грѣха таить, плохо. Зачѣмъ даете вы драмы? говорилъ я нашему Impressario: —не лучше ли держаться одной комедій и водевилей, которые удачно сходятъ съ рукъ, нежели мучить насъ трагедіями?—А чѣмъ же будетъ *поражать* афиша? отвѣчалъ мнѣ опытный содержатель:—чѣмъ же привлечь толпу въ театръ, какъ не громкими заглавіями трагическихъ піесъ? Я пробовалъ давать одни водевили: первый рядъ креселъ, двѣ, три ложи заняты—а тамъ, хоть шаромъ покати! То ли дѣло, какъ объявишь о трагедіи или какой нибудь *кровожадной* драмѣ; любо дорого смотрѣть, вся зала набита биткомъ, и мнѣ доходно, да и публикѣ то веселье—по множествѣ.

Кромѣ любви своей къ кровожадности въ драмахъ, саратовская публика отличается сверхъ того пристрастіемъ къ новизнѣ. Два раза сряду одну и туже піесу ни за что не поѣдутъ смотрѣть. Бѣдные актеры едва успѣваютъ учить роли,—за то ужъ и суфлера при театрѣ держатъ такого голосистаго, что отвѣчаетъ иногда за всѣхъ, особливо когда идетъ какая нибудь большая романтическая драма въ 5 дѣйствіяхъ, объявленная, за недѣлю до спектакля, предлинною, высокопарною афишею.

Кстати объ афишахъ. Не думай, что только у васъ въ Петербургѣ стараются о составленіи длинной, надутой афиши, для привлеченія публики, здѣсь бенефиціанты не менѣе спекулируютъ ими: вмѣсто того, чтобы просто печатать заглавіе трагедіи или драмы, здѣсь каждому дѣйствію даютъ особое названіе, по примѣру драматическихъ писателей нынѣшней школы. Такъ напр. «Невѣста разбойника, или ужасный незнакомецъ,» (незнаю чья эта раздирательная піеса, но здѣшняя публика, N 2, ее очень жалуетъ) является на афишѣ, въ слѣдующемъ видѣ:

САРАТОВЪ.

На здѣшнемъ театрѣ представлено будетъ въ первый разъ:

НЕВѢСТА РАЗБОЙНИКА
или
УЖАСНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Большая романтическая *драма* въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ хорами, танцами, пожаромъ, *въ которомъ* будетъ *горѣть* хижина, освѣщеніемъ бенгальскаго огня и великолѣпнымъ спектаклемъ.

Дѣйствіе I.
Таинственный незнакомецъ
или
Несчастная жертва ухищреній.
Дѣйствіе II.
Открытіе страшной тайны
или
Кровавый пиръ мести.
Дѣйствіе III.
Тайный бракъ
или
Неслыханное злодѣйство похищенія.
Дѣйствіе IV.
Ужасная гибель злодѣя
или
Спасеніе погибавшей невинности.

Согласись, что это очень заманчиво, совершенно въ *китайскомъ духѣ*; только напрасно искалъ я ужасной тайны и кроваваго пира: я ничего похожаго на это не нашелъ;—да что за нужда! А ужъ какъ играютъ эти драмы? — Надо сказать тебѣ, что трагическіе артисты получаютъ жалованья врядъ ли неболѣе другихъ и по бенефису, а иногда и по два въ годъ. Безъ нихъ театръ въ провин-

ціи существовать не можетъ, безъ нихъ пропалъ бы содержатель. За то онъ много кой-чего имъ спускаетъ и на грѣхи ихъ смотритъ сквозь пальцы. Трагики часто опазлываютъ на репетиціи, а иногда и вовсе не являются: — мы де таланты, сыграемъ и безъ репетиціи! И надо имъ отдать справедливость, они умѣютъ мастерски вывернуться изъ бѣды, когда плохо знаютъ роль или память имъ измѣняетъ. У нихъ на всякой случай заготовляется по нѣсколько высокопарныхъ фразъ, которыми они стрѣляютъ въ публику, ни мало не заботясь о томъ, кстати или не кстати сказаны эти фразы. Такой родъ краснорѣчія называется у нихъ *спасительнымъ*, хотя его приличнѣе можно назвать убійственнымъ. Однажды давали Гамлета; актеръ, игравшій эту роль, по обыкновенію кричалъ и бѣсновался на сценѣ. Все шло, какъ нельзя лучше: уже нѣсколько клочковъ волосъ были вырваны имъизъ своей поэтически-растрепанной головы, (это выдергиваніе волосъ всегда производитъ необыкновенный эффектъ); уже Гамлетъ, Офелія и суфлеръ стали примѣтно хрипнуть; однимъ словомъ: все шло *на порядкахъ*, — вдругъ замѣчаю я, что Гамлетъ сталъ сбиваться въ рѣчахъ, останавливаться и понесъ ахинею. Зритель чувствовалъ, что роковая минута молчанія приближалась; бѣдный актеръ плохо выучилъ роль, а проклятый суфлеръ, вѣроятно за забытой табатьеркой, отлучился съ своего сѣлалища. Что жъ? Ты вѣрно думаешь, что онъ смутился, потерялся, замолчалъ? Какъ бы не такъ! Опытный трагикъ схватилъ себя одной рукой за волосы, другой бѣшено началъ бить себя кулакомъ въ грудь и неистовымъ голосомъ завопилъ: — «Сердце мое каменѣетъ, какъ горный потокъ!» — Офелія, вѣрно также нуждавшаяся въ помощи суфлера, стала въ самую раздирательную позу и убійственно нѣжнымъ голосомъ спросила его: «О! отъ чего же сердце твое каменѣетъ, какъ горный потокъ? Повѣдай Офеліи тайну сердца твоего?» А суфлера то все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гамлетъ мѣрными шагами подходитъ къ Офеліи, схватываетъ ее за руку, берется за кинжалъ — и, вперивъ въ нее адскій взоръ, задыхающимся голосомъ говоритъ: «Ты спрашиваешь, отъ чего сердце мое каменѣетъ, какъ горный потокъ? Несчастная! «Да, я спрашиваю, отчего сердце твоекаменѣетъ, какъ горный потокъ,» отвѣчаетъ Офелія на прежнемъ основаніи. ... Тутъ давно желаемая голова суфлера показалась изъ подъ пола — и Гамлетъ снова заговорилъ стихами — г. Висковатова.

Весною вся труппа, забравъ съ собой декораціи и костюмы, садится pele-mele въ повозки и отправляется въ Симбирскъ, гдѣ г. Стрѣлковъ, (одинъ изъ содержателей, умный и знающій свое дѣло человѣкъ), выстроилъ довольно чистенькую и просторную театральную залу; тамъ даютъ они свои представленія въ продолженіе цѣлаго лѣта, а на зиму опять возвращаются къ своимъ пенатамъ. Признаюсь, когда вечера у камина становится несносно длинны и осенняя скука вмѣстѣ съ дождемъ стучится въ окошко, мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ открытія театра. Повторю еще разъ: въ саратовскій театръ можно ѣздить съ удовольствіемъ. Прощай и пр.

P. S. Я сейчасъ изъ театра. — Нынѣ поутру я былъ пріятно изумленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганъ, когда на принесенной комнѣ аффишкѣ въ полтора аршина длиною, отпечатанной со всѣми вычурами новѣйшаго, типографическаго искусства я прочелъ: «Цампа морской разбойникъ, или мраморная невѣста.»

Признаюсь тебѣ, я не ожидалъ ничего хорошаго, когда ѣхалъ слушать Цампу и, вообрази мое удивленіе и мою радость: актеры не только не пропустили ни одной аріи, ни одного речитатива, ни одного *совокупнаго мѣста*, — но все было *propriо* и сыграно совѣстливо, вѣрно, отчетливо и съ душой; даже самый оркестръ на этотъ разъ велъ себя добропорядочно. Однимъ словомъ: эта опера, которую содержатель давалъ въ свой бенефисъ, сошла съ рукъ такъ хорошо, какъ вѣрно ни одна опера не шла на провинціяльномъ театрѣ. Хоры были многочисленны, декораціи, костюмы и вся бутафорная часть была съ иголочки, сцена блистала галунами, атласами и бархатомъ! Вотъ каково у насъ въ Саратовѣ!

М. БИБИКОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской Улицы, въ домѣ графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, № 17, поступили въ продажу:

ХРИСТІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ,

содержащій въ себѣ: изъясненіе праздниковъ и святыхъ, прославляемыхъ православною Греко-россійскою церковію, краткія жизнеописанія святыхъ, духовныя стихотворенія на каждый день года, благочестивыя размышленія, пасхалію на 100 лѣтъ, полную хронологію, доведенную отъ сотворенія міра до 1833 года, съ присовокупленіемъ хозяйственныхъ замѣчаній, врачебныхъ наставленій и другихъ общеполезнымъ свѣдѣній. Съ картинками. М. 1840 г. цѣна 3 р. сереб.

ГЛАСЪ ПАСТЫРЯ,

или

БЕСѢДЫ СВЯЩЕННИКА СЪ СВОИМИ ПРИХОЖАНАМИ.

Спб., 1840 г., цѣна 1 руб. сереб.

АРХИТЕКТОРЪ XIX СТОЛѢТІЯ,

или

МАГАЗИНЪ ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ,

состоящій изъ архитектурныхъ чертежей, рисунковъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ, съ присовокупленіемъ чертежей и рисунковъ знаменитаго Берлинскаго архитектора *Шинкеля*, содержащій въ себѣ 150 рисунковъ, кромѣ текста. Рисунки и чертежи гравированы подъ вѣдѣніемъ художника Императорской Академіи Художествъ Буренина. Спб. 1840 г., цѣна 45 руб. ассигн.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1841 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

I. **РОМЕО И ЮЛІЯ,** драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Шекспира, переводъ съ англійскаго *М. Н. Каткова.*

II. **ШИЛЛЕРЪ.** Человѣкъ и Поэтъ.

III. **ГОГОЛЬ ВЪ МАЛОРОССІИ.** Разсказъ *П. Ковалевскаго.*

IV. **БІОГРАФІЯ КИНА,** одного изъ величайшихъ европейскихъ актеровъ. Переводъ съ англійскаго *А. Горкавенко.*

V. **СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:**

1. **НОВЫЙ ГОДЪ,** *Н. П. Грекова.*
2. **ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.** *Е. П. Гребенки.*
3. **ТАРАНТЕЛЛА,** лирическая сцена *П. Мятлева.* (Данная на русской сценѣ въ бенефисъ В. А. Каратыгина).

VI. **ПАНОРАМА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ:**

1. Варшава.
2. Англія. — Новая драма Бульвера.
3. Германія. — Новая драма Гольтея.
4. Франція. — Новости всѣхъ театровъ.

VII. **УГОЛИНО.** (Объясненіе картинки.) *О. К.*

VIII. **ПРИЛОЖЕНІЯ:**

1. Музыка. — Новѣйшій вальсъ Ланнера.
2. Картинка. — Уголино въ башнѣ голода.
3. Обертка Пантеона для первой части.
4. N 1. **ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ,** котораго содержаніе слѣдующее:

I. **ДЕНЬГИ,** комедія-водевиль, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ.*

II. **МАКАРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГУБКИНЪ** или **ПРОДОЛЖЕНІЕ СТУДЕНТА, АРТИСТА, ХОРИСТА И АФФЕРИСТА.** Шуточная оригинальная оперетка. *П. Григорьева.*

III. **ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА:**

1. Обозрѣніе піесъ, представленныхъ на русской сценѣ въ январѣ мѣсяцѣ. *П. П.*

IV. **ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ:**

1. Театръ въ Саратовѣ. *М. П. Бибикова.*